

**ПОЛЯКИ В РОССИИ:
вехи истории**

Пётр Скарга

Сергей Маевский

Иосиф Ромейко-Гурко

Владимир Спасович
Художник И. Репин

ПОЛЯКИ В РОССИИ: веки истории

Ministerstwo Edukacji i Nauki Federacji Rosyjskiej

KUBAŃSKI UNIWERSYTET PAŃSTWOWY

**Krasnodarska Organizacja Regionalna
POLSKIE CENTRUM NARODOWO-KULTURALNE
«JEDNOŚĆ»**

POLACY W ROSJI: etapy dziejów

**Krasnodar
2008**

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Краснодарская региональная общественная организация
ПОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
«ЕДИНСТВО»

ПОЛЯКИ В РОССИИ: вехи истории

Краснодар
2008

УДК 940/949 (0.8)

ББК 63.3 я 43

П 54

Редакционная коллегия:

Х. Граля, А.Л. Петровский, А.И. Селицкий (отв. редактор)

П 54 Поляки в России: вехи истории. Краснодар:

Кубан. гос. ун-т, 2008. 284 с. 500 экз.

ISBN 978-5-8209-0635-0

Предлагаемый сборник научных статей посвящён проблемам российской Полонии, роли поляков в историческом развитии России. В нём продолжено изучение различных аспектов польско-русского взаимодействия, начатое в книгах «Поляки в России: XVII–XX вв.» (Краснодар, 2003) и «Поляки в России: история и современность» (Краснодар, 2007).

Адресуется как учёным, так и всем, кто интересуется историей польского населения в России и проблемами русско-польских связей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Ассоциации «Вспульнота Польска» в Варшаве
из средств Канцелярии Сената RP

*Первую страницу обложки украшает орёл
с боевого знамени дивизии генерала Желиговского, 1918 г.*

УДК 940/949 (0.8)

ББК 63.3 я 43

ISBN 978-5-8209-0635-0

© Кубанский государственный
университет, 2008

© КРОО Польский национально-
культурный центр «Единство», 2008

ОТ РЕДАКТОРОВ

В 2008 г. состоялась очередная III Международная научная конференция «Поляки в России». В этот раз она была проведена в заочной форме. Однако 4 октября 2008 г. в Краснодарском центре национальных культур состоялось заседание Круглого стола историков Северного Кавказа, на котором было озвучено большинство поступивших работ. Заседание прошло при участии руководителя Консульского отдела Посольства Республики Польша в Москве Первого советника господина Михала Гречило.

Инициатива проведения III Международной научной конференции «Поляки в России» принадлежала Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство» и Кубанскому государственному университету. Её поддержали: Посольство Республики Польша в Российской Федерации, Польский культурный центр в Москве, Администрация Краснодарского края, Законодательное собрание Краснодарского края и Администрация муниципального образования город Краснодар.

Свои доклады прислали историки из Польши и России. На этот раз они охватили не только историю поляков в России, но и коснулись польской диаспоры во Франции, поскольку история польского школьного образования в этой стране оказалась очень интересной и поучительной для поляков, проживающих во всех странах. Пионерским трудом представляется доклад Александра Боголюбова «Судьбы поляков на Северном Кавказе в XIX в.». Это лишь фрагмент объёмной работы, которую мы намереемся опубликовать отдельным изданием.

Давайте не будем стыдиться собственной истории, независимо от того, была ли она счастливой или не очень, и каким образом ею распоряжались в утилитарных целях. Известно, что история не любит сослагательного наклонения, но всегда следует иметь его в виду, потому что история, которая повторяется, иначе превратилась бы в банальную хронологию.

OD REDAKTORÓW

W roku 2008 odbyła się III Międzynarodowa Konferencja Naukowa pt. „Polacy w Rosji”. Tym razem została przeprowadzona w sposób zaoczny. Jednak w dniu 4 października 2008 roku w Centrum Kultur Narodowych Kubania w Krasnodarze odbyło się posiedzenie Okrągłego Stołu Historyków z Kaukazu Północnego, na którym wygłoszono większość nadesłanych referatów. We wspomnianym posiedzeniu uczestniczył Kierownik Wydziału Konsularnego Ambasady Rzeczypospolitej Polskiej w Moskwie Pierwszy Radca Pan Michał Greczyło.

Inicjatywa przeprowadzenia III Międzynarodowej Konferencji Naukowej pt. „Polacy w Rosji” należała do Krasnodarskiej Organizacji Regionalnej Polskie Centrum Narodowo-Kulturalne „Jedność” oraz Kubańskiego Uniwersytetu Państwowego w Krasnodarze. Poparli ją: Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Federacji Rosyjskiej, Instytut Polski w Moskwie, Administracja Kraju Krasnodarskiego, Zgromadzenie Ustawodawcze Kraju Krasnodarskiego oraz Administracja Tworu Muncypalnego Miasto Krasnodar.

Swoje referaty nadesłali historycy z Polski i Rosji. Tym razem obejmują one nie tylko dzieje Polaków w Rosji, lecz zahaczają Polonię Francuską, gdyż dzieje szkolnictwa polskiego we Francji są bardzo ciekawe i pouczające dla Polonii każdego kraju. Pionerską pracę stanowi referat Aleksandra Bogolubowa „Losy Polaków na Kaukazie Północnym w XIX wieku”. Jest to fragment obszerniejszego dzieła, które mamy zamiar wydać osobno.

Nie wstydzmy się własnych dziejów niezależnie od tego, czy były one szczęśliwe, czy też nie bardzo, oraz w jaki sposób traktowano je w celach utylitarnych. Wiadomo, że historia nie lubi trybu przypuszczającego, lecz zawsze musimy tryb ten mieć na uwadze, gdyż inaczej historia, która kołem się toczy, uległaby przekształceniu w banalną chronologię.

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, ПОЛЬША И РУССКИЕ

Д. КУЗЬМИНА
г. Варшава

ВИЛЕНСКАЯ АКАДЕМИЯ – ТВОРЕНИЕ ИЕЗУИТОВ НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

1. Основание коллегии

Члены Общества Иисуса с момента своего появления на территории Речи Посполитой намеревались основать высшую школу. Первым местом, на которое они рассчитывали, мог бы стать Краков. Немецкий иезуит Пётр Канизий, после посещения этого города, убеждал власти своего ордена основать здесь высшую школу или переподчинить академию. Отсутствие согласия, и даже указание не предпринимать подобных шагов, привели к тому, что от намерения пришлось отказаться. Рассматривались также Бранево и Познань. В конце концов, выбор пал на столицу Великого княжества Литовского. Иезуиты полагали, что по своему положению город этот станет плацдармом для дальнейшей экспансии на Восток, быть может, даже до самой Азии¹.

Великое княжество Литовское в XVI в. представляло собой территорию, необычайно интересную в конфессиональном отношении. Особого внимания заслуживает его столица. Здесь были приверженцы православия, составлявшие примерно половину жителей Вильно. Они располагали храмом Богородицы, Троицким монастырём и десятью меньшими молитвенными местами. Следующими по численности были

¹ *Piechnik L. Początki Akademii Wileńskiej 1570–1599. Rzym, 1984. T. 1. S. 29–31.*

лютеране, принадлежащие, прежде всего, к мещанскому сословию. Огромную роль играли торговые связи, которые они поддерживали с Кёнигсбергом. Оттуда поступали конфессиональные новшества и лютеранские издания.

Миколай Чёрный Радзивилл, как приверженец кальвинизма, а, прежде всего, как воевода этих земель, горячо поддерживал свою веру. Он, без сомнения, способствовал распространению кальвинизма, особенно в магнатских кругах. В Великом княжестве ряды кальвинистов пополнялись, прежде всего, из шляхетской среды. Приверженцев лютеранства обычно называли «купцами» по их основному занятию. Радзивиллы нашли в лице Миколая Рыжего Радзивилла продолжателя и покровителя последователей Ж. Кальвина, но уже несвижская линия этого рода вернулась к католицизму по примеру Миколая Кшиштофа Радзивилла по прозвищу Сиротка.

Во второй половине XVI в. в город на Вилии прибыли ариане под предводительством влиятельного покровителя Яна Клишки из Чехановца. Традиционно жили в Вильно и поклонники иудаизма.

На литовской земле не хватало школ, уровень обучения оставлял желать лучшего. По мнению Марцелия Космана часть шляхты размышляла об интеграции католицизма с православием при посредничестве протестантизма, с которым связывали также надежды на развитие школьного образования². Именно поэтому значительный шанс имели кальвинистские учебные заведения, в основном из-за поддержки их со стороны влиятельного покровителя Миколая Радзивилла Чёрного. Наибольшую проблему представляло полное отсутствие учительских кадров. Для молодых выпускников Краковской академии, происходящих преимущественно из шляхты, учительствование представлялось чем-то несовместимым с их сословным положением. Поэтому деятельность иезуитов на ниве просвещения стала отменно удовлетворять потребности жителей Великого княжества в этой сфере. Их прибытие позволило заполнить нишу в системе образования, которую протестанты не успели прочно занять.

---

² Kosman M. Uniwersytet Wileński 1579–1979. Wrocław, 1981. S. 9.

Инициатором приглашения Общества Иисуса в Великое княжество был виленский епископ Валериан Проташевич Шушковский. Заботливый и скрупулёзно оценивающий развитие реформации в своей епархии, он стал подыскивать действенный инструмент для борьбы с иноверцами. Исполняя предписания Тридентского собора, он стал приглашать учителей Краковской академии в Вильно, где намеревался открыть новую школу. Благодаря контактам с кардиналом Гозьюшем, в 1564 г. в Варшаве он познакомился с нунцием Франциском Коммендоне и иезуитом Балтазаром Гоустонским, чехом по происхождению, который с 1565 г. исполнял должность вице-визитатора монастырей в Речи Посполитой. Будучи восхищён оценкой работы и деятельности нового ордена, В. Проташевич предпринял усилия для привлечения его членов в свою епископскую столицу. Для ордена это было непростым решением, ещё помнились весьма нелестные высказывания испанского иезуита Альфонса Сальмерона о его миссии в Вильно.

Решение об открытии коллегии затягивалось, но епископ Проташевич Шушковский прилагал усилия для обеспечения денежного содержания коллегии в Вильно. Он купил дом и выделил 10 тыс. злотых на приобретение иной недвижимости, которая должна была давать школе постоянный доход. Он сам приступил к оснащению коллегии необходимыми учебными пособиями и оборудованием³.

В сентябре 1569 г. иезуиты начали свою миссию в Вильно. Первыми прибыли: Балтазар Гоустонский и Андрей Фриз – фламандец. У них было двое помощников из монахов: Залевский и Вильгельм, происходивший из Англии. Вместе с ними прибыл вице-визитатор Суньер, который под влиянием епископа решился оставить здесь первых членов ордена.

Первым заданием для прибывших из коллегии в Бранево стало обучение племянников епископа и лиц, им рекомендованных. Учили их латыни и греческому. К концу октября 1569 г. были уже открыты два низших класса, где проходили обучение 60 мальчиков⁴. Епископ, в заботах о своём деле,

³ *Piechnik L.* Op. cit. S. 42–43.

⁴ *Ibid.* S. 44.

и, желая одновременно, чтобы оно принесло скорый эффект, направил во все приходские общины письмо, в котором объявлял об открытии коллегии и приглашал молодёжь поступать на учёбу. Иезуиты также предложили отличную идею популяризации своей школы. Они приготовили и распространили в Вильно листовки с информацией об открытии школы, её целях, преподаваемых предметах и поместили на ней стихи на иврите, латыни и греческом языке⁵.

Первым ректором коллегии стал, после возвращения из Рима в июле 1570 г., Станислав Варшевицкий. Коллегия первоначально насчитывала 20 иезуитов, а позднее их число удвоилось. Виленский глава принадлежал к тем членам Общества, которые начали монашескую жизнь, обретя жизненный и профессиональный опыт. С. Варшевицкий учился в Краковской академии, а затем у Филиппа Меланхтона в Виттенберге. Занимал должность королевского секретаря при дворе Сигизмунда II Августа, был познанским и гнезненским каноником и ловицким архидиаконом. В орден вступил в 1567 г. в Риме⁶. Фигура С. Варшевицкого довольно типична для иезуитской среды. Тогда среди послушников было много лиц, имеющих некоторый жизненный опыт и соответствующее образование. А вот Якуб Вуек принадлежит к тем, кто к монашескому призванию шёл иным путём: смолоду их воспитывали и формировали в атмосфере игнацианской духовности.

Костёл Св. Иоанна был первым местом, где стали проповедовать представители Общества. Ректор приступил к его расширению и произвёл внутренние переустройства, соответствующие духу реформы. Храм ведь является отражением веры и представляет собой первое место встречи с Богом – подчёркивали иезуиты, способствуя возникновению нового стиля в архитектуре – барокко. Поэтому важным местом представления чистоты католицизма был амвон в Виленском кафедральном костёле. Иезуиты также использовали так называемую итальянскую модель распространения веры, т.е. проповедь Слова Божьего на городских площадях.

⁵ *Piechnik L.* Op. cit. S. 204–208.

⁶ *Obirek S.* Jezuci na dworach Batorego i Wazów. Kraków, 1998. S. 20–21.

Виленская коллегия стала действовать с 18 июля 1570 г. Школа была рассчитана для проведения занятий в трёх классах: грамматики, гуманистики и риторики. Торжественное открытие коллегии состоялось 15 октября 1570 г. В первый учебный год коллегия посещало 160 учеников, пятью годами позже их было 415, а в 1596 г. – более 800⁷.

Весьма интенсивное развитие образовательной деятельности коллегии проявилось и в учреждении уже в 1571 г. следующего класса – философии. Философское отделение стало первым шагом в дальнейших устремлениях иезуитов, которые с 1574 г. начнут предпринимать шаги в повышении статуса коллегии до ранга академии. Хлопоты, предпринятые руководством ордена, ректором и виленским епископом перед королём и Апостольской столицей, завершатся успешно. Епископ Проташевич писал Папе Григорию XIII в июне 1576 г. о настоятельной потребности создания академии. Подчёркивал, что Великое княжество Литовское является большим государством, достойным своей *Alma Mater*. Вторым аргументом было предвидение большого интереса к высшему учебному заведению на Севере, которое, привлекая жителей Прус, Инфлянт и немцев, могло бы способствовать замедлению успехов Реформации⁸.

Большую поддержку образовательной деятельности оказало получение иезуитами в Вильно библиотеки Сигизмунда II Августа и типографии в 1575 г. от Миколая Кшиштофа Радзивилла.

Я. Вуек сменил на посту ректора Виленской коллегии С. Варшевицкого, который в 1578 г. отправился вместе с отцом Шимоном Высоцким и Вавжинцем Норвегусом с деликатной миссией в Швецию: королева Катажина Ягеллонка просила помочь в восстановлении добрых отношений между её мужем Юханом III и шведской церковью. Для бывшего виленского ректора это была уже вторая миссия, первую он совершил в 1574 г. Ш. Высоцкий, который был сотрудником Я. Вуека по Познани, обрёл известность (кроме своего темперамента)

⁷ *Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław, 1990. S. 143.

⁸ *Szulc W.* Nieznany list biskupa Waleriana Protasiewicza do papieża Grzegorza XIII z 1576 r. w sprawie erekcji uniwersytetu wileńskiego // *Ateneum Wileńskie*. 1938. 13. II. S. 270–271.

по первой исповеди и причащению в 1579 г. королевича Сигизмунда, будущего короля Речи Посполитой.

Вопрос о новом ректоре в Вильно был для иезуитских властей Речи Посполитой необычайно важным, поскольку дело касалось развития столь процветающей школы и использования шанса основать первую академию. У Я. Вуека был замечательный опыт по основанию и руководству Познанской коллегии, усилий по созданию академии в Великопольше. Он был известен в столице Великого княжества по переводу на литовский язык своего «Малого толкователя Евангелия». Поэтому ему было доверено важнейшее задание, реализованное Обществом в эти годы.

2. Виленское ректорство

Я. Вуек исполнял должность ректора в течение 13 месяцев. Прибыл он в столицу Великого княжества Литовского в середине 1578 г. Покидал город на Вилии дважды: первый раз, когда ехал на конгрегацию провинции в Бошеве под Пултуском, а второй, когда после завершения совещания выехал в Рим в качестве прокурора иезуитов.

В период ректорства Я. Вуека король Стефан Баторий актом от 7 июля 1578 г., оглашённым во Львове⁹, повысил ранг коллегии Общества до академии. Это положило начало действиям по основанию и оснащению высшей школы в Вильно. Наибольшие усилия к появлению этого документа приложил состоящий в близких отношениях с Я. Вуеком Ежи Радзивилл, сын предводителя кальвинистов на виленской земле, который стал усердным приверженцем католицизма. Академия в Вильно, согласно учредительному диплому, создавалась по образцу высших учебных заведений, функционирующих в Европе под эгидой Общества Иисуса. Учредительный диплом облакал Виленскую академию теми же самыми привилегиями, какими обладала академия в Кракове, уравнивал виленские и краковские учёные степени. Единственным недостатком документа было отсутствие литовской печати, имелся оттиск только коронной. Однако король уладил

---

⁹ Hieronim Rozdrażewski do Jakuba Wujka 22. I. 1579, Warszawa // *Sygański J.* Korespondencja. T. XLIV. № 150.

формальности, и уже в апреле, несмотря на голоса противников из среды литовских магнатов, соответствующие печати были приложены. Случилось это благодаря королю, который с помощью угрозы принудил канцлера Миколая Кшиштофа Радзивилла исполнить эту формальность: «Пусть приложит печать, если хочет, а если не хочет, то пусть отдаст печать, и без него оттишем, но тогда уже назад её не получит – воскликнул король»¹⁰.

После получения подтверждения создания высшего учебного заведения иезуиты могли начать старания по утверждению её основания Апостольской столицей, с этой целью, среди прочего, состоялось собрание руководителей.

Вторая конгрегация иезуитов, в которой принимал участие Я. Вуек, также прошла в Бошеве. С 22 по 28 сентября совещались ведущие представители Общества, в том числе Я. Вуек, который был избран секретарём совещания. Принимали в нём участие: Альфонс Писанус, Станислав Роздражевский, Филипп Видманнстер (ректор из Бранево), Ян Сесонианус, Пётр Скарга, Адриан Бронус (как профессор ордена), Ян Конарский (вице-ректор из Познани), Станислав Гродзицкий (ректор из Пултуска) и Станислав Гербертус (вице-ректор из Ярослава)¹¹. Рядом с фамилией Я. Вуека помещена приписка «вице-ректор из Вильно». Стоит обратить внимание, что в литературе предмета повторяется информация, что уже на конгрегации он исполнял должность ректора. Из этого вытекает, что Я. Вуек был заместителем ректора в столице Великого княжества Литовского в сентябре 1578 г. и после встречи руководителей удостоился высокой ректорской должности. Однако фактически, несмотря на предыдущий титул, вице-ректор исполнял ректорские обязанности по случаю отсутствия С. Варшевицкого¹². Введение к тексту второй конгрегации подтверждает тезис, что записи хроники познанского дома не были текущими и вносились с некоторой задержкой, поскольку отмечено, что конгрегации проходили в Бошеве до 1586 г., т.е. в сохранившуюся хронику

¹⁰ *Besala J.* Stefan Batory. Warszawa, 1992. S. 260.

¹¹ *Acta et Historia Collegii Posnaniensis Societatis Iesu 1574–1606* (далее: НПСИ). S. 26v.

¹² *Grzebień L.* Encyklopedia wiedzy o jezuitach. Kraków, 2004. S. 619.

дома иезуитов в Познани информация переписывалась из иных материалов¹³.

Тем временем Я. Вуек претворял в жизнь задания, поставленные перед ним во время конгрегации. С этой целью он отправился к Папе Римскому с просьбой одобрить основание академии в Вильно.

На время отсутствия ректора в Вильно управлял монашеской общиной и занимался ведением занятий Марцин Лятерна, исполнявший функции законоучителя гуманистических курсов и профессора риторики. Скорее всего, рукоположен он был в столице Великого княжества. Хронологически они с Я. Вуеком одновременно прибыли в Вильно и одновременно его покинули¹⁴. В Вильно М. Лятерна подтвердил свои исключительные способности к чтению проповедей. Как амвон костёла Св. Иоанна, так и кафедральный костёл стали замечательным инструментом в борьбе с иноверными догматами.

Первый личный контакт Я. Вуека в качестве виленского ректора с королём Стефаном Баторием состоялся во время его пребывания в столице княжества перед походом на войну с Иваном IV Грозным в марте 1579 г.¹⁵ Члены Общества приветствовали короля перед костёлом Св. Иоанна. По этому случаю была воздвигнута триумфальная арка, на которой разместились певчие и музыканты, играющие в честь Стефана Батория. Специальные речи были сложены иезуитом Каспером Пэнтковским. Озвучили их трое учеников коллегии, переодетые в аллегорические облачения: *Religio*, *Respublica Litteraria* и *Respublika Polona*. Столь торжественное приветствие было продолжено. Несколькими днями позднее в замке состоялась вторая встреча монарха с иезуитами и их учениками. Школьный театр подготовил презентацию восьми польских провинций: Инфлянт, Литвы, Малопольши, Мазовша, Прус, Руси, Великопольши и Жмуди. Под завершение выступлений один из учеников въехал на коне в гусарском облачении и вручил Стефану Баторию дары от коллегии: изображения, представляющие эмблемы Орла

¹³ НРСІ. S. 26v.

¹⁴ *Cieślak S. Marcin Laterna*. Kraków, 2003. S. 87.

¹⁵ *Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy*. Warszawa, 2002. S. 325.

и Погони¹⁶. Подобное представление прошло после возвращения короля из-под Полоцка 4 октября 1579 г.

После столь любезного приёма монарха вернулись к делу создания академии. 1 апреля 1579 г. был выписан королевский диплом, учреждающий высшую школу¹⁷. Король проделал это для Общества, но и для самого себя. Идея создания второй академии в Кракове в качестве Королевской Коллегии не получила одобрения Рима. Настойчивые действия со стороны Ежи Радзивилла, епископа Проташевича и секретаря Яна Соликовского дали монарху возможность усмотреть шанс реализации своего замысла на территории Вильно. Иезуиты окружали его всё плотнее, становились проповедниками и военными капелланами. Баторий нуждался в своём высшем учебном заведении, так как краковское, по его мнению, приходило в упадок. Вторая академия должна была содействовать появлению многочисленного подданного чиновничества, благодаря которому он мог бы править в Речи Посполитой Обоих народов и влиять на течение дел в Седмиградь¹⁸.

Официально документ о создании Виленской академии был издан Апостольской столицей 30 сентября 1579 г. В научной литературе недооценивается значение этой буллы, а ведь следует понимать учреждение академии в Вильно как консенсус короля и Папы Римского. Сравнивая оба документа в отношении объёма прав учебного заведения нужно отметить, что булла, названная *Dum attenta* предоставляла ему большие возможности для развития. Она позволяла открывать все направления учёбы, какие функционировали в Польше и христианских высших учебных заведениях Европы¹⁹. Поэтому миссию Я. Вуека в Вечный город следует интерпретировать как

---

¹⁶ *Poplatek J.* Studia z dziejów jezuickiego teatru szkolnego w Polsce. Wrocław, 1957. S. 137–138; *Łacińskie dialogi Kaspra Pętковского* / Wyd. A. Soczewka. Niepokalanów, 1978. S. 26.

¹⁷ *Ochmański J.* Op. cit. S. 141.

¹⁸ *Besala J.* Op. cit. S. 253–259.

¹⁹ *Rabikauskas P.* Przywileje fundacyjne Akademii Wileńskiej // *Z dziejów Almae Matris Vilmensis* / Red. L. Piechnik, K. Puchowski. Kraków, 1996. S. 28–31; *Piechnik L.* Akademia Universitas Societatis Jesu. Najstarsza uczelnia wileńska // *Tamże*. S. 223.

чрезвычайно важную, поскольку она состоялась до прибытия официальных представителей королевского двора.

Стефан Баторий, который хорошо ориентировался среди членов Общества, выбрал именно Я. Вуека для реализации собственных христианизаторских планов в родном Седмиградье. Должно быть, он увидел в нём прекрасного организатора, проповедника и писателя. Он отлично понимал, какие трудности ожидают представителей католицизма в его бывшем Трансильванском (Седмиградском) княжестве: «Баторий был искренним другом иезуитам. Как ревностный католик считал орден своим самым усердным сотрудником в деле укрепления католицизма в Польше и Седмиградье»²⁰. В кругу близких сотрудников всегда присутствовали представители ордена. Функции капеллана исполняли М. Лятерна, Пётр Лилия и Антоний Ариас, а помогали королю в укреплении католицизма Гарсия Алябиано, Ян Павел Кампано, Антонио Поссевино и Пётр Скарга²¹.

Ещё одним поводом учреждения академии в Вильно может быть, по мнению М. Ючасы, отношение епископа Проташевича к польско-литовской унии, противником которой он был: «Польские господа выразили согласие, чтобы король основал Виленский университет, перед угрозой литовского сепаратизма, которому благоприятствовало укрепление союза протестантов и православных»²².

Ректорство было передано П. Скарге 1 августа 1579 г. Я. Вуек отправился в Краков, чтобы подготовиться к новому заданию, которое поставили перед ним Римско-католическая церковь и король.

Л. Гжебень внушает, что «знание истории ректорства Варшевицкого доказывало бы, скорее всего, что Вуек воспользовался плодами его упорного труда на виленском поприще»²³. Стоит поспорить с такой точкой зрения, поскольку в период ректорства

²⁰ *Obirek S.* Op. cit. S. 9.

²¹ *Ibid.* S. 9–18.

²² *Jučas M.* Motywacje polityczne powołania Uniwersytetu Wileńskiego // *Jezuicka ars historica* / Red. M. Ingot, S. Obirek. Kraków, 2001. S. 213.

²³ *Grzebień L.* Jakub Wujek (zarys biografii). S. 19.

Я. Вуека Общество осуществило в апреле 1579 г. получение подтверждения прав академии. Вторым важным аргументом является его миссия в Рим в сентябре 1578 г. с целью получения одобрения со стороны Апостольской столицы. Хероним Роздражевский, письменно обращаясь к Я. Вуеку как виленскому ректору, информировал его о пересылке при посредничестве Кшиваньского, каноника и королевского секретаря, оригинальной привилегии для коллегии, изданной королём Стефаном 7 июля 1578 г. Документы, по сообщению плоцкого каноника, должны были под конец января попасть в Гродно, а затем в Вильно²⁴.

С точки зрения действий, направленных на открытие академии, П. Скарга и Я. Вуек оцениваются по-разному: «Скаргу справедливо считают первым ректором Виленской академии. Королевская привилегия была, конечно же, издана во времена правления Вуека, но папская булла и официальное открытие академии пришлось на начальный этап ректорства Скарги. Биографы Скарги приписывают ему огромные заслуги по открытию академии и её развитию. Быть может, делают это невольно, под влиянием обаяния этой необыкновенной личности»²⁵. Эта оценка более взвешена, а принадлежит она Людвигу Пехнику, также историку ордена и его члену.

П. Скарга по случаю многочисленных дел, связанных с королевским двором, очень часто покидал Вильно. Его заместителем был Павел Бокша, который для академии и развития науки в Великом княжестве сделал очень много. Следует также помнить, что П. Скарга не принимал участия в создаваемом орденом *Ratio studiorum*, а это означает, что он не считался специалистом по делам образования, а вот Я. Вуека приглашали и вовлекали как знатока процесса обучения.

Уступчивость трона по отношению к ожиданиям ордена и к замыслу учреждения Королевской коллегии в столице Великого княжества объяснялась планом привлечения одного из членов ордена к миссии на родную землю Стефана Батория. Он отлично ориентировался, что Я. Вуек, делегированный на ректорскую

²⁴ Hieronim Rozdrażewski do Jakuba Wujka 22. I. 1579, Warszawa // *Sygański J. Korespondencja*. T. XLV. № 149–150.

²⁵ *Piechnik L.* Op. cit. S. 66–67.

должность, и принимающий активное участие в законодательной деятельности, является прекрасным организатором. Именно такой нужен был ему в Седмиграде. П. Скарга был многообещающим духовным лицом, но в пользу Я. Вуека говорила высокая оценка руководства коллегией в Познани и авторство нескольких важных теологических трудов. Посылая Я. Вуека в Вильно, его руководители были убеждены, что следует предпринимать всё, чтобы в этом городе было основано первое католическое высшее учебное заведение иезуитов. Я. Вуек превосходно справился с заданием, поэтому именно ему, по большому счёту, должен принадлежать титул первого ректора Виленской академии. П. Скарга же получил всё готовым к действию, но душа его не лежала развивать то, что создали его предшественники – С. Варшевицкий и Я. Вуек. Более привлекала его политическая деятельность рядом с монархом, чем просветительская в академии.

Относительно недолгий период пребывания Я. Вуека в столице Великого княжества Литовского принёс, однако, плоды в виде окончания труда «Чистилище». Не хватало ему времени на писательскую деятельность, к которой он привык в Познани. Причина была в многочисленных обязанностях, лежащих на нём, и относительно частых выездах. В качестве ректора он приобрёл очередной опыт, а Общество Иисуса ставило перед ним новые задачи. Он проявил себя должным образом в качестве руководителя, и пришла пора браться за миссионерские задачи.

Руководство коллегией в Познани и удачное завершение работ по учреждению академии в Вильно позволяли считать, что ему по плечу и любое другое задание. Особым отличием было направление его в родные земли короля Речи Посполитой. Он не знал венгерского языка, но именно на его плечи орден и монарх возложили тяжесть восстановления католицизма. Писательский опыт и знание иноверческих проблем – как с теологической, так и с практической точек зрения – предрасполагали к этой его миссии. Знание немецкого и латыни были ему на руку, но – следует полагать – он мог ощущать опасения перед столь важной миссией.

Уже после отъезда ректора из Вильно там в 1582 г. была основана семинария. Это закрытое учебное заведение было

предназначено, прежде всего, для граждан, происходивших из восточных земель, а его задачей была подготовка будущих миссионеров для борьбы с восточной схизмой.

* * *

После упразднения иезуитского ордена (1773 г.) Виленская академия была переименована в Главную школу Великого княжества Литовского и передана в ведение Комиссии национального образования Королевства Польского (1781 г.). Указом от 4 апреля 1803 г. Главная школа была переименована в Императорский Виленский университет, из богословского отделения этико-политического факультета которого и Главной Виленской семинарии в 1833 г. образована Виленская духовная римско-католическая академия, в 1842 г. перенесённая в Санкт-Петербург.

В столице Российской империи академия получила название Императорская Санкт-Петербургская духовная римско-католическая академия. После большевистского переворота академия в 1918 г. была эвакуирована в Люблин, где существует до сих пор как Католический университет.

И.Ю. МАРТИАНОВА
г. Краснодар

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ МАЕВСКИЙ **О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ**

В польском обществе после разделов страны не было единства во взглядах на дальнейшую судьбу поляков. Одни считали, что надо вести непрерывную борьбу с поработителями. Другие полагали, что следует сотрудничать с новыми властями во благо своему народу. Трагизм отсутствия единства в обществе в тяжёлый для народа момент отразился в художественных и публицистических произведениях первой половины XIX в. В поэме Ю. Словацкого «Ангелли» в поэтической форме осмысливается действительность, в которой приходилось жить полякам. Особенно несчастной представлялась ему судьба детей, с ранних лет попавших в Россию. По его мнению, они рисковали утратить национальное самосознание, так как стали «обучать этих детей новой вере русской и новому Закону Божию», вопрошая «их о вещах недостойных»¹. Однако жизненная реальность была в действительности многообразнее и шире, чем это казалось поэту. Многие поляки переселялись на земли империи по своей доброй воле. Россия, принимавшая их, становилась для таких переселенцев не злой мачехой, но доброй матерью. Одним из поляков-переселенцев, попавших в детстве в Россию, был Сергей Иванович Маевский – автор воспоминаний «Мой век,

---

¹ Словацкий Ю. Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1. С. 323.

или История генерала Маевского», герой войны 1812 г., военный чиновник империи.

Целью данной работы является анализ представлений мемуариста о том времени, в котором он жил, и о себе как о герое своего времени. Эти представления запечатлены в мемуарах С.И. Маевского достаточно отчётливо, что и отразилось в самом названии произведения.

«Мой век, или История генерала Маевского» были написаны автором весной 1831 г. в его поместье с. Александровском Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии. Имея склонность к литературным и историческим занятиям, Сергей Иванович за свою жизнь собрал немалый архив. Вероятно, мемуарист вёл записи дневникового характера и хранил переписку². Всё это заставляет предположить точность воспроизводимых им разговоров, дат, имён и событий. Запасы памяти, личные записи и бумаги домашнего архива легли в основу его мемуарного произведения. При составлении записок С.И. Маевский сверял свои воспоминания с воспоминаниями других, например, с мемуарами И.П. Липранди. Данные памяти проверялись им в разговорах с участниками событий первого десятилетия XIX в.³ «Мой век, или История генерала Маевского» – это достаточно надёжный и ценный источник.

История написания воспоминаний достаточно драматична. Сергей Иванович Маевский был очень увлечён работой над мемуарами. Он надиктовал своей жене более десяти томов с изложением событий своей жизни, наблюдений, сентенций по тому или иному поводу. Но однажды, перечитав эти ценнейшие рукописи, он решил, что по-стариковски слишком болтлив. Сергей Иванович вообще не любил старческого состояния. Оно угнетало его⁴ и заставило написать позднее такие строки: «Неужели и сей дряхлый старичишка был некогда велик и покрывал себя (переданными нам историей) лаврами?..

---

² Часть писем С.И. Маевского к графу А.А. Аракчееву была опубликована в книге: «Граф Аракчеев и военные поселения». СПб., 1872. С. 303–307.

³ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 111.

⁴ *Маевский С.И.* Мой век, или История генерала Маевского // Русская Старина. 1873. Кн. 9. С. 128.

Нет, это басня, выдуманная хвастливостью и невежеством века их». Чувствуя, что он «живёт, как живой между мёртвыми»⁵, и не желая плодить «басни», Сергей Иванович «по смешному случаю бросил в камин и жёг 5–6 дней» текст воспоминаний. И всё же по характеру мемуарист был оптимистом, поэтому «смешное самолюбие шепнуло» ему идею написать историю своей жизни в сокращённом варианте. Получился объёмистый труд, который изначально предназначался автором для публикации. О том, что он имел намерение издать её, свидетельствуют постоянные обращения к читателям своего времени. Такое намерение было вполне в духе той эпохи, когда дворянами стала культивироваться мысль «о ценности мемуарных произведений как средства познания обществом своего прошлого, а сами они пишутся с явным пониманием возможности их использования в качестве источников будущим историком, расчёт на которого органически включается в целевую установку мемуаротворчества»⁶. С.И. Маевский при жизни предоставлял свои воспоминания как исторический источник генералу А.И. Михайловскому-Данилевскому. В «Русской Старине» было опубликовано письмо генерала к С.И. Маевскому с просьбой поделиться воспоминаниями о походах русской армии. Он просил об этом «именем славы России», именем «собственной славы» С.И. Маевского ради «юного поколения»⁷. Сам А.И. Михайловский-Данилевский по приказу Николая I работал над своими книгами «Описание Отечественной войны 1812 года»⁸ и «Описание похода во Францию в 1814 году»⁹. Во второй книге, рассказывая о сражении при Краоне¹⁰, генерал почти слово в слово пересказывал эпизод из главы «Шефство» воспоминаний С.И. Маевского¹¹, но при этом не называл источник.

⁵ *Маевский С.И.* Указ. соч. С. 128.

⁶ *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997. С. 12.

⁷ *Русская Старина.* 1873. Кн. 9. С. 282.

⁸ *Михайловский-Данилевский А.* Описание Отечественной войны 1812 года, по высочайшему повелению. СПб., 1840.

⁹ *Он же.* Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1841.

¹⁰ Там же. С. 210.

¹¹ *Маевский С.И.* Указ. соч. С. 271.

А.Г. Тартаковским сделано предположение, что С.И. Маевским, видимо, было ранее написано ещё одно мемуарное произведение, посвящённое событиям Отечественной войны 1812 г. Исследователь считал, что позже оно было утрачено¹². Факт многолетнего знакомства и общения С.И. Маевского и А.И. Михайловского-Данилевского заставляет предположить, что и эти воспоминания мемуариста использованы историком в его «Описании Отечественной войны 1812 года». Мемуары С.И. Маевского активно использовались и дореволюционными историками (например, при создании коллективного труда «Отечественная война и русское общество 1812–1912 гг.»¹³ в восьми томах), советскими исследователями¹⁴ и современными авторами¹⁵ при изучении периода конца XIX – начала XX в. Эти ценнейшие воспоминания были переданы в распоряжение журнала «Русская Старина» Николаем Сергеевичем Маевским, сыном мемуариста. Произведение С.И. Маевского было разделено редакторами на главы и опубликовано в сокращённом варианте в 1873 г. По заказу Н.С. Маевского был гравирован академиком Л.А. Серяковым и художником В.С. Шпаком портрет С.И. Маевского, писанный в 1837 г. провинциальным художником П. Васьковым г. Глухова. Генерал изображён в манере того времени: на фоне сражения в парадной форме, опираясь на колонну. На колонне выбиты надписи, сообщающие о главных заслугах героя: сражение при Бородино, сражение при Краоне, участие в заключении мира с Турцией в 1829 г. Именно этот портрет был опубликован в издании И.Д. Сытина.

Сергей Иванович Маевский происходил из старинного польского рода. Его отец служил в Речи Посполитой в должности ротмистра национальной кавалерии. Он был богат,

¹² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 123.

¹³ Отечественная война и русское общество 1812–1912 гг. / Под ред. А.К. Дживелегова. М., 1912. Портрет С.И. Маевского помещён в 7-м томе этого издания на с. 205 (фотокопия портрета публикуется в настоящем сборнике).

¹⁴ Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай-де-Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1991.

¹⁵ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М., 1996.

уважаем в обществе. Конец благополучию положила его женитьба. И. Маевский влюбился в послушницу монастыря, выкрал её и женился. Его поступок был вполне в духе тенжизны – неписанного кодекса поведения польской шляхты XVIII в. Её характерными чертами были удалство, мужество, отвага, бесшабашность, щедрость, воинственность и способность к неординарным поступкам. Тенжизна, видимо, была составной частью сословной идеологии польского дворянства – сарматизма¹⁶. Родственники четы Маевских и с той, и с другой стороны были недовольны этой женитьбой. Родители жены Маевского, желавшие пострижения дочери в монахини и увидевшие крушение своих планов, лишили непокорную наследства и организовали преследование её мужа. Отчаянное положение молодой семьи заставило их бежать в Россию вместе с родившимся 7 октября 1779 г. маленьким сыном.

В России Маевский-старший обрёл покровителей и в Риге был принят на службу майором. Его поместье в Речи Посполитой было «осеквестровано и вошло в общую сумму королевских местностей»¹⁷. Таким образом, семье пришлось жить только на майорское жалование. «Лета и рассудок, этот грозный враг человека в раскаянии, раны, увечье и недостаток после богатства, словом, всё безвременно свело его в гроб», – писал об отце С.И. Маевский.

Вдова майора с маленьким сыном «были брошены в урну чужеземного благотворения»¹⁸. Эти слова мемуариста показывают, что он осознавал себя чужеземцем в России. На свою прежнюю родину в душе С.И. Маевского осталась обида (когда началось восстание Т. Костюшко, тринадцатилетний С.И. Маевский «желал участвовать в войне против бунтовщиков», но мать «удержала»¹⁹). Само дворянское сообщество России не дало бы забыть ему о своём происхождении, так как в конце XVIII – начале XIX в. дети иностранцев, даже если они родились

---

¹⁶ Подробнее о сарматизме см.: *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

¹⁷ *Маевский С.И.* Указ. соч. // Русская Старина. 1873. Кн. 8. С. 129.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 130.

в России, воспринимались именно как иностранцы²⁰. В тексте воспоминаний С.И. Маевского можно найти следующие его высказывания о поляках: «Мне никогда не нравился тон их (именно «их», а не «нашей». – **И.М.**) молодёжи. Она нагла, насмешлива, неблагопристойна. Того, что француз не хочет заметить, поляк старается выискать, выдумать. Антипатия их к русским обнаруживается часто до излишества и не покрывается вовсе мантией приличия. Этот характер в Варшаве отражается с дерзостью и притязаниями, в провинции с наглостью и невежеством... сердце моё никогда не лежало к этому попугайчистому народу»²¹. Думается, что национальному самосознанию С.И. Маевского была свойственна амбивалентность. Он не мог забыть о своём польском происхождении – действовала память рода, без которой невозможно быть дворянином. Обида за отца, детство в России и пребывание на службе с ранних лет сформировали русскую ментальность автора воспоминаний. Можно было бы предположить, что эти высказывания написаны под влиянием желания подтвердить свою лояльность императору (напомним: мемуары писались С.И. Маевским весной 1831 г. в разгар событий продолжавшегося в Польше Ноябрьского восстания). Однако такое предположение вряд ли справедливо. Во-первых, С.И. Маевский неоднократно демонстрировал свою верность престолу; во-вторых, генерал имел прочное положение в обществе, регулярно награждался императором как образцовый военный; в-третьих, С.И. Маевский был человеком независимых убеждений и не стеснялся высказывать своё мнение. Скорее всего, мемуарист считал за благо для поляков присоединение их земель к России.

Детство С.И. Маевский провёл в имении под Полоцком. Это имение в 30 душ его мать купила на свои последние деньги, где и «жила ни бедно, ни богато»²², посвятив себя воспитанию сына²³. Вскоре она определила его для обучения в иезуитское

---

²⁰ Солодянкина О.Ю. Феномен иностранного губернёрства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 10.

²¹ Маевский С.И. Указ. соч. Кн. 9. С. 298.

²² Там же. Кн. 8. С. 130.

²³ Там же. С. 129.

училище. Пробыв в нём три года, будущий генерал вышел из него в возрасте десяти лет и «чувствовал всю душевную потребность благоговеть перед именем Творца, но не мог быть ни фанатиком, ни изувером» и «стал выше всякого предрассудка в десять лет»²⁴.

После училища мать, заботясь о благополучии сына, записала его в конную гвардию, но свободных вакансий не было. В ожидании места в гвардии она устроила сына на гражданскую службу. Для XVIII в. десятилетний ребёнок на службе был вполне заурядным явлением. Одним из первых на это обратил внимание Н.Я. Эйдельман²⁵, считавший, что тогда «пик способностей» человека был приближен к социальному, «что имело последствия разнообразные, но преимущественно благие». «Благие последствия» для С.И. Маевского сказались незамедлительно: «Верх, который брал я в десять лет над теми, коим было от сорока до восьмидесяти лет, утешали гордость и самолюбие моё. И смешно видеть ребёнка в эти лета начальником отделения, за которым сидят по 10–15 согбренных стариков, готовых творить всё по его мановению. В тринадцать лет я уже занимал пост протоколиста губернского управления: принимал челобитные, докладывал членам и писал решения»²⁶, – вспоминал мемуарист. Однако должность губернского протоколиста не удовлетворяла маленького честолюбца. Он «поля... искал обширнейшего», мечтая о военной службе. Как чиновник С.И. Маевский получал жалование, как ребёнок он тратил его на любимую игру: «Я на карманные мои деньги нанимал ребятишек. Из тростника делал им каски, а вместо ружей давал палки и маневрировал. Не одних стоило мне слёз, когда команда моя разбежалась прежде условленного времени»²⁷. Приведённые здесь слова мемуариста доказывают, что с поступлением на службу детство для ребёнка-дворянина XVIII в. не заканчивалось, а лишь получало иное содержание – ребёнок оставался ребёнком.

²⁴ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 130.

²⁵ *Эйдельман Н.Я.* Последний летописец. М., 1983. С. 30.

²⁶ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 130.

²⁷ Там же.

Детское состояние не помешало С.И. Маевскому самостоятельно составить прошение на имя государыни о принятии его в полк. Вскоре его просьба была удовлетворена. «По праву дворянина» он был зачислен в один из полков Украинского корпуса, но послужить там ему не пришлось. Дядя мемуариста, тоже перешедший на российскую службу, устроил племянника ординарцем к губернатору Ф.Ф. Берхману в Виннице²⁸. В пятнадцать лет С.И. Маевский стал прапорщиком и выполнял ответственные поручения. Например, его «посылали курьером», а однажды даже отправили в командировку «учить старого прокурора». На склоне лет генерал-лейтенант так оценивал начало своей военной карьеры и себя-подростка: «Я помню... как часто давали писать такие дела, о которых я не имел никакого понятия. Но им удивлялись, хвалили; а отчего? Оттого, что и поручавшие, по-видимому не сильнее меня были в этом деле»²⁹. Добросовестное исполнение обязанностей, по словам мемуариста, «приметно отделяло» его «от толпы тунеядцев-прапорщиков и ставило... выше всех»³⁰ из того круга равных ему по званию, с которыми он общался. Вспоминая эти годы, С.И. Маевский писал, что он тогда мало думал «о будущем и спешил только жить и жить»³¹ и был «невежда – по образованию, и счастливец – по случаю»³². С восшествием на престол императора Павла I С.И. Маевский оказался юнкером. Благополучие и везение оставили мемуариста. Его дядя был отдан под суд, а самого С.И. Маевского «по молодости и беспечности обокрали до рубахи»³³. Будущего автора воспоминаний после этого брали на службу исполняющим обязанности ординарца или адъютанта, но следующего чина не давали. В таком качестве он служил при губернаторах А.А. Беклешове, И.В. Гудовиче, А.Г. Розенберге (в качестве адъютанта при А.Г. Розенберге С.И. Маевский впервые участвовал в военной кампании 1799 г.), И.Н. Эссене 1-м.

²⁸ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 130.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 130.

На службе у И.Н. Эссена 1-го С.И. Маевский получил должность аудитора³⁴.

В качестве аудитора С.И. Маевский принимал участие в Русско-турецкой войне в 1808 г. в Бессарабии и получил свою первую награду – Базарджикский крест. Его вручали тем офицерам, кто за это сражение не получил ордена Св. Георгия 4-й степени. С.И. Маевский никогда не мог ограничиться исполнением своих канцелярских обязанностей и почти всегда исполнял адъютантские поручения, непременно ввязываясь в бой. Так, в бою под Шумлюю он «вводил войска в сражение, распоряжался как главный командир, потому что настоящий потерял голову». После сражения «по общему ходатайству и рекомендации семи генералов»³⁵, мемуарист получил следующий чин по аудиторской службе.

С началом войны 1812 г. С.И. Маевский перешёл на службу во 2-ю армию князя П.И. Багратиона под начало дежурного генерала А.Н. Марина, ставшего автору воспоминаний не только начальником, но и другом на всю жизнь. Отношения же с князем складывались у мемуариста поначалу не очень гладко. П.И. Багратион даже хотел перевести его в штаб А.П. Тормасова, но А.Н. Марин уговорил командующего оставить С.И. Маевского. Позднее князь оценил своего аудитора и как способного расторопного специалиста, и как человека беспримерной храбрости.

В Бородинском сражении П.И. Багратион был ранен, а С.И. Маевский в это время выполнял его поручение и был в бою. Выйдя из боя, он обнаружил, что штаба нет. Тогда С.И. Маевский собрал «до 300 гренадер» и «сам стал с ними на левом фланге...

---

³⁴ В конце XVIII в. аудиторами в русской армии называли военных чиновников с юридическим образованием при военных судах. В круг их обязанностей входили консультации по различным правовым вопросам; кроме того, они выполняли секретарские обязанности, могли управлять канцелярией, выполнять обязанности квартирмейстера, а во время войны заботиться о пленных и заниматься их обменом. Подчинялись аудиторы сначала генерал-аудитору, а позднее с ростом влияния А.А. Аракчеева – военному министерству. См. подробнее: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина. СПб., 1995. С. 294–295.

³⁵ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 134.

и простоял в адском огне до 11-ти часов ночи»³⁶. После окончания сражения офицеры из штаба П.И. Багратиона были переведены в штаб генерала М.А. Милорадовича. Автор воспоминаний и при этом военачальнике сумел отличиться, демонстрируя свои таланты командира и собственное бесстрашие.

Слава о чиновничьих способностях С.И. Маевского и его храбрости быстро распространилась среди генералов. После гибели П.И. Багратиона фельдмаршал М.И. Кутузов лично позаботился о том, чтобы С.И. Маевский был переведён в Главный штаб, где дежурным генералом (заведующим военной канцелярией) был П.П. Коновницын. Этому переводу пытался помешать А.П. Ермолов, который тоже желал заполучить С.И. Маевского на службу в свой штаб. Однако фельдмаршал настоял, и вскоре, по воспоминаниям мемуариста, ему пришлось приводить в порядок канцелярию фельдмаршала, где он «не застал... ни лоскутка бумаги»³⁷, ни помещения. Ему предстояло разобрать десять томов распоряжений и приказов, не подписанных и не читанных. Со всем этим С.И. Маевский справился за неделю. Он отличался феноменальной способностью: мог одновременно сочинять и диктовать три разнородных текста. В качестве управляющего военной канцелярией Главного штаба С.И. Маевский служил до смерти М.И. Кутузова в апреле 1813 г. и стал лично известен Александру I.

К началу Заграничного похода русской армии С.И. Маевский получил звание военного советника и стал служить при князе П.М. Волконском. Князь давал ему поручения как адъютанту, и мемуаристу посчастливилось выполнить их с обычной для него храбростью и точностью в присутствии императора. Вскоре после этого П.М. Волконский представил военного советника С.И. Маевского к награждению Золотой шпагой, но Александр I лично распорядился произвести его в полковники и назначить шефом 13-го егерского полка в армии графа М.С. Воронцова. За всё время существования аудиторской службы в России с 1698 по 1863 г. это был единственный случай, когда аудитор при переводе в офицерский чин получил звание полковника

³⁶ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 139.

³⁷ Там же. С. 150.

(обычно присваивалось звание капитана, изредка – майора)³⁸. Так в 33 года осуществилась мечта С.И. Маевского, и он получил воинский чин и командование полком.

Войну полковник С.И. Маевский закончил в Париже. Оттуда он со своим полком был переведён в Варшаву в армию фельдмаршала, князя М.Б. Барклая-де-Толли, с которым у него сложились тёплые отношения. С.И. Маевский сумел сделать свой полк лучшим и по внешнему виду, и по степени обученности. К тому же егеря славились храбростью не меньше своего шефа. Фельдмаршал сделал 13-й егерский своим парадным полком.

В Варшаве 6 января 1815 г. полковник С.И. Маевский сочетался браком с дочерью польского сенатора и воеводы Возницкого Марьей Алексеевной. Первым, кому он представил свою супругу, был фельдмаршал М.Б. Барклай-де-Толли. С ним и его женой Маевские и впоследствии поддерживали своё знакомство, пользуясь их покровительством.

В Брацлау в 1815 г. С.И. Маевского ждали заслуженные ордена: Св. Георгия 4-й степени за Кульмское сражение, Св. Анны 2-й степени с алмазами, прусский орден «Pour le mérite», шведский орден Меча и сардинский орден Св. Маврикия и Лазаря. «И это всё в один день и час!» – писал мемуарист об этом событии³⁹.

По возвращении в Россию у четы Маевских родился старший сын Александр (впоследствии окончил Пажеский корпус), а в последующие годы ещё четверо детей, в том числе сыновья Сергей и Николай.

Александр I предложил С.И. Маевскому командование полком прусского короля, но он отказался и остался шефом 13-го егерского полка, который был расквартирован в Малороссии. Император, зная о бедности С.И. Маевского и его честности (он совершенно не пользовался полковой казной, тогда как другие наживались; напротив, свои личные сбережения неоднократно тратил на нужды полка), пожаловал ему 3 тыс. десятин земли в Саратовской и Екатеринославской губерниях. В 1819 г. С.И. Маевскому был присвоен чин генерал-майора. Командир дивизии генерал Л.О. Рот сильно завидовал своему удачливому подчинённому

³⁸ Полководцы, военачальники и военные деятели России... С. 295.

³⁹ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 9. С. 299.

и выжил его из дивизии. Генерал-майор С.И. Маевский оставил командование полком 12 декабря 1819 г. При прощании офицеры полка преподнесли ему золотую шпагу. Вскоре он был назначен на должность бригадного генерала 3-й бригады 3-й гренадерской дивизии. В это время С.И. Маевский начал увлечённо работать над своим сочинением о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Он закончил трёхтомное историческое произведение, но опубликовать его сразу не удалось. Младшие сыновья мемуариста передали рукопись сочинения вместе с воспоминаниями историку М.И. Семевскому, редактору «Русской Старины». В предисловии к публикации мемуаров С.И. Маевского он отмечал, что это было незаурядное произведение, так как в нём «не только изложена история этой войны, но и приведены самые разносторонние сведения о театре военных действий, планы, предположения и исчисления на будущее время на случай новой кампании на Дунае и т.д. Словом, архив С.И. Маевского обличает в нём не фронтового лишь генерала, но и стратега, изучавшего своё дело и много потрудившегося для военной науки»⁴⁰.

В 1824 г. по личному распоряжению императора С.И. Маевский был назначен командовать Старорусским военным поселением. Ему пришлось работать под непосредственным руководством графа А.А. Аракчеева. Ознакомившись со всеми подробностями идеи военных поселений, С.И. Маевский пришёл к своеобразному выводу: «всё, что дышит устройством и счастьем народа...» в проекте создано «божественным сердцем» Александра I⁴¹, а граф Аракчеев искажил великий замысел и всё испортил, потому что «тиран-исполнитель далёк от бога-царя, определяющего счастье людей»⁴². Несмотря на то, что С.И. Маевскому удалось сработаться с временщиком, мемуарист чувствовал себя несчастным. В военных поселениях были несчастны все: и нижние чины, и офицеры, и начальство, так как «граф имел дар стеснить каждое состояние и поселить такую ненависть, которая доходила

⁴⁰ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 127.

⁴¹ Там же. Кн. 10. С. 433.

⁴² Там же. С. 434.

до иступления»⁴³. С.И. Маевский в исполнении повеления царя видел свой долг офицера. Отказаться от выполнения священной воли самодержца ему и в голову не приходило, хотя от чтения распоряжений А.А. Аракчеева, признавался мемуарист, «у меня... всегда поднимались волосы». Генерал осознавал, что, «сделавшись последователем», он «не избег его погрешностей. Мы оба были Ромулы»⁴⁴. За эту службу С.И. Маевский был награждён табакеркой с императорским вензелем и 3 тыс. р. После смерти Александра I мемуарист был, наконец, избавлен от этой тягостной для него службы и вернулся в армию.

Генерал-майору С.И. Маевскому в течение нескольких последующих лет пришлось сменить не один ответственный пост. Частые перемены на службе и семейное горе (26 марта 1828 г. умерла его жена Марья Алексеевна, а за ней и двое детей) довершили, как писал автор воспоминаний, его «несчастья, которые...» он считал «сплошь почти пять лет»⁴⁵. В 1828–1829 гг. он участвовал в Русско-турецкой войне и подписании мирного договора 1829 г. 16 октября этого же года С.И. Маевский женился вторым браком на приёмной дочери генерал-лейтенанта Дмитрия Михайловича Буткевича Любви Александровне. После свадьбы он взял длительный отпуск и поселился в своём имении Александровском, где начал работу над мемуарами.

В своих воспоминаниях автор не только изложил перипетии своей службы, но и высказал свои взгляды и суждения. Благодаря откровенности и писательскому таланту С.И. Маевский предстаёт перед нами как человек своего времени с определёнными достоинствами и недостатками. Самая яркая его черта, которая заметна с первых страниц воспоминаний, это осознание собственной незаурядности. Он писал о себе: «я в 10 лет был уже маленький философ... Нравственные мои силы развились слишком рано...»⁴⁶. Эти слова и рассказ о быстрых успехах на службе в детские годы призваны с первых строк утвердить читателя во мнении, что речь идёт о необыкновенном человеке. Мемуарист

⁴³ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 10. С. 436.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Кн. 11. С. 776.

⁴⁶ Там же. Кн. 8. С. 130.

охотно называет себя «невеждой по образованию»⁴⁷, так как такие слова ещё нагляднее убеждают в наличии природного таланта и показывают масштабы работы над собой в течение всей жизни. С.И. Маевский действительно немало занимался самообразованием. Он был прекрасным знатоком законов, положений и уставов, что и позволяло ему занимать и с блеском исполнять обязанности аудитора. Постоянно с 15 лет служа при армии, С.И. Маевский изучал военную науку от солдатских азов до стратегических тонкостей полководца. Он охотно сообщает, что, будучи ещё «штатским», мог уже давать советы кадровым военным и тем приобрёл себе таких друзей, как генералы Д.П. Неверовский и барон И.М. Дука⁴⁸.

С.И. Маевский исповедовал тот принцип, что учиться никогда не поздно. Участие в заграничных походах и осмотр европейских городов заставили мемуариста заметить недостаток своего общего образования. «Звание, чин, вес и известность в свете, родили во мне честолюбие, – писал С.И. Маевский, – честолюбие потребовало ума, ученья и познаний. Я стал входить в самого себя и увидел, что природа, одарив меня своим, ничего ещё не заимствовала у искусства»⁴⁹. Он 33-х лет от роду стал читать для пополнения своего общего образования и так преуспел, что сам заметил перемену в себе: «детские игры меня уже не занимали; я смотрел на высокое и двигался только к высокому»⁵⁰. «Детскими играми» он называл своё любопытство во время первого пребывания в Париже. Тогда он и его друг детства и товарищ по службе А.Н. Красовский были зрителями незатейливых уличных представлений, заглядывали в общедоступные трактиры, городские сады⁵¹. В свой второй приезд в Париж через год С.И. Маевский уже специально интересуется архитектурой, картинными галереями и политическими нравами и взглядами французов⁵². Во время стоянки полка в Реймсе полковник

⁴⁷ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 131.

⁴⁸ Там же. С. 140.

⁴⁹ Там же. Кн. 9. С. 282.

⁵⁰ Там же. С. 301.

⁵¹ Там же. С. 288.

⁵² Там же. С. 298–304.

С.И. Маевский тщательно изучал «капральскую службу»⁵³. Он так искренне отдавался изучению всех тонкостей военного дела, что увлекал за собой и других офицеров⁵⁴. За время пребывания в Варшаве С.И. Маевский заметил, что о службе «если знал не больше, то, по крайней мере, и не меньше седовласых соперников, которые постоянно занимались не службою, а карманом»⁵⁵. Тогда он стал знакомиться «с высшей тактикой и делал часто манёвры по всем правилам атаки и обороны», увлекая при этом и офицеров, и солдат своего полка. В своих воспоминаниях С.И. Маевский писал, что в его полку «общие умы напряжены были к полезной точке... Ученье их не утомляло, но составляло просто игру, развивающую способности; а воображение, доведённое до энтузиазма, так удерживало сторону чести, что одни брали, а другие прикрывали свои пункты с тем же искусством и даже ожесточением, какие можно только видеть в бою»⁵⁶.

На почве осознания собственной незаурядности у мемуариста развилась необычайная хвастливость. М.И. Семевский охарактеризовал её как «гасконскую» и «нередко весьма неумеренную там, где дело идёт о подвигах самого автора»⁵⁷. Сам С.И. Маевский, видимо, не особенно стеснялся этой черты своего характера, и поэтому особенно часто в его произведении встречаются выражения «могу похвастать», «смею похвалиться» и т.д.

Талант и постоянное самообразование позволяли автору воспоминаний быть всегда впереди. Он любил отмечать, в чём, где и когда был первым. Вообще он был необычайно деятелен и неутомим, что позволило ему написать о себе: «Я – действующее лицо». Он писал, что при его появлении на очередном месте службы всё преображалось: «С моим прибытием всё получило новый вид»⁵⁸. В воспоминаниях он приводит пример своего распорядка дня времён службы при П.И. Багратионе: «Я не знал границ ни трудам, ни опасностям. Идёт ли часть войск, тащится

⁵³ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 9. С. 289.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 297.

⁵⁶ Там же. С. 298.

⁵⁷ Там же. Кн. 8. С. 127.

⁵⁸ Там же. С. 149.

ли повозка, остались ли казачьи коши, – всё это издали должен знать Маевский и наизусть сказать князю. Образ моей службы был таков: весь день ехать с князем верхом, на привале писать, вечером начинать работать с Сен-При, продолжая это до 12-ти часов ночи. В это время встаёт князь и работает со мной досвету. Не забудьте, что мне должно соснуть самому, а и того нужнее знать: где кто стоит и в каком направлении и когда выйдет на сборный пункт!»⁵⁹ С.И. Маевский при исполнении любой должности был таким всегда. Он умел работать сам и побуждал к работе других. В воспоминаниях автор приводит слова фельдмаршала князя М.И. Кутузова о нём: «Мне счастливится отделаться от всех, кроме Маевского; но этот человек всегда возьмёт такую позицию, что я вижу её как свечу. Мне жаль его: я не могу отказать ему и должен иногда поневоле работать с ним»⁶⁰.

С.И. Маевский представляет себя как человека абсолютно храброго, стремящегося к единственной устраивающей его награде – славе. Рассуждения о храбрости особенно часто встречаются в тексте воспоминаний. Вот как он определил природу храбрости: «Те ошибаются, которые думают, что мундир составляет храбрость: нет, она родится с человеком и никогда ничем приобрести не может. А если и храбрость не есть общий удел человека, то её и надо считать: тому, кто имеет – даром неба, а тому, кому она полезна, – счастьем государства. Простая, даже храбрость, в объёме общей и благоразумной, столь же необходима, как необходимы лафет и колёса для пушки; а лафет ведь не стреляет, так же как и простая храбрость не распоряжает. Но одно без другого мертво и неподвижно. Велик тот, кому природа подарила оба эти таланта вместе»⁶¹. В первом бою, по признанию С.И. Маевского, он «несколько струхнул», но потом убедился, что и в нём «есть сила души и мужество. Я прилепился к войне, – писал мемуарист, – и тот день считал счастливейшим, когда мог к имени Маевского присоединить имя храброго»⁶². Скоро о храбрости С.И. Маевского стали ходить легенды. Так, когда

⁵⁹ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 136.

⁶⁰ Там же. С. 160.

⁶¹ Там же. Кн. 9. С. 300.

⁶² Там же. Кн. 8. С. 133.

до генерала Н.Н. Раевского дошли слухи, что какой-то адъютант главного штаба в Кульмском сражении отбил пушки у неприятеля, тот заметил, что «это верно Маевский»⁶³. Мемуарист, когда узнал об этих словах известного героя, счёл их самой лестной похвалой⁶⁴. Опасные поручения он считал «лестными» и «наперёд рисовал в воображении... или героическую защиту, или геройскую смерть»⁶⁵. Несколько хвастливо С.И. Маевский писал, что в армии «после боя говорят: “я был с Маевским в деле”. Это на нашем языке есть то же, что торжествовать совершеннейшую победу над собой и преимуществовать перед другими»⁶⁶. Мемуарист вспоминал, что в «армии получили мудрёное какое-то понятие, что идти со мной – значит идти прямо на пир смерти»⁶⁷. Это порой вызывало у него досаду, так как, идя на очередное задание, он иногда не мог собрать добровольцев.

Трусость же С.И. Маевский считал «хуже всякой заразы. Зараза пожирает свои жертвы исподволь, а трус в минуту уничтожает тысячи»⁶⁸.

С.И. Маевский писал о себе как о неподкупном и честном человеке. Свои ордена он получал за боевые заслуги. Однажды генерал Марков, с которым у мемуариста всегда были трения, заметил ему: «что-то много навесил крестов». С.И. Маевский отвечал: «Столько, сколько заслужил»⁶⁹. Он никогда ничего для себя не просил и «не искал». Когда С.И. Маевский получил шефство над полком, князь П.М. Волконский был разгневан и подумал, что его подчинённый выпрашивал у царя этой милости. С.И. Маевский ответил ему: «Ваше сиятельство... к шефству проложил я путь заслугами и честью»⁷⁰. До пожалования царём поместий мемуарист жил только на жалование, умея экономить. Когда он получил в командование полк, то одел его за свой счёт и никогда не наживался на полковой казне. О себе С.И. Маевский

⁶³ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 9. С. 261.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Кн. 8. С. 150.

⁶⁶ Там же. Кн. 9. С. 276.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Кн. 8. С. 164.

⁷⁰ Там же. Кн. 9. С. 262.

писал по этому поводу: «Взяток и барышей я во всю жизнь мою не терпел, да и дети мои не позволяют себе подарков даже и от родных. – Глагол “братъ” так соблазнителен, что он с первым шагом обращается в болезненную натуру»⁷¹.

Одной из черт характера С.И. Маевского было вечное стремление к похвале и награде. К чести генерала, он получал и то, и другое вполне заслуженно. Заботился С.И. Маевский и о том, чтобы его подчинённые тоже вовремя были поощрены. Он, не стесняясь, пишет в своих мемуарах о себе в стычке с графом А.А. Аракчеевым из-за наград: «Граф терпеть не мог похвал и наград; я и того, и другого домогался»⁷². И если в отношении себя похвалу и награду С.И. Маевский рассматривал как удовлетворение собственного честолюбия, то в отношении подчинённых с его стороны это был педагогический приём. На упрёк А.А. Аракчеева, что он слишком часто требует поощрения своим людям, мемуарист ответил: «Ваше сиятельство, ежели бы я был вельможа, как вы, тогда бы одного моего слова, одной улыбки довольно было составить их счастье; но как я простой генерал, то мне надобно показать всю мою признательность, чтобы подвигнуть людей к бескорыстному действию и неимоверным трудам, успеху которых сами вы отдаёте справедливость»⁷³. Вообще, повышенная заботливость свойственна была мемуаристу как в отношении себя, так и в отношении людей, с которыми сводила его судьба. Он был до слёз тронут, когда узнал, что П.И. Багратион, увидев его спящим прямо на улице (С.И. Маевский был в бою, а потом всю ночь выполнял поручения князя и под утро заснул прямо во дворе), приказал своей свите не трогать его. Воспоминание об этом грело душу старого генерала и через много лет: «Князь, проходя мимо меня со свитою, прошёл так тихо, как мы входим в кабинет любезной во время сладкого и тихого сна её. Такое внимание пред лицом армии и под открытым небом не может не поселить возвышенной преданности к начальнику»⁷⁴.

⁷¹ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 9. С. 262.

⁷² Там же. Кн. 10. С. 460.

⁷³ Там же. С. 461.

⁷⁴ Там же. Кн. 8. С. 137.

Князь П.И. Багратион был кумиром С.И. Маевского. Более автор воспоминаний боготворил только Александра I. Ради этих двух людей он был готов не за награды, а просто за одну их улыбку совершить любой подвиг и выполнить любое их поручение. Потому что, «сделав всё в глазах того, кого любишь, живёшь, кажется, не своею, но новою и лучшею жизнью»⁷⁵.

На заботу о себе он отвечал заботой о других. Когда С.И. Маевский был в подчинении у графа М.А. Милорадовича, он узнал, что генерал совершенно не умеет позаботиться о своём быте и часто ходит голодный. Он писал, что, сам испытав на себе тяготы военной жизни, «из жалости к его (М.А. Милорадовича. – **И.М.**) беспечности, заботился о бедном его столе»⁷⁶. М.А. Милорадович был признателен ему за это и когда его благодарили за хлеб-соль, отвечал: «Благодарите не меня, но Маевского... он кормит и вас, и меня»⁷⁷. Сам мемуарист считал графа «истинным Баярдом»: «он своё брал себе, а целое уступал подчинённому»⁷⁸. Можно подумать, что С.И. Маевский просто хотел выслужиться перед ним. Однако все знали, что М.А. Милорадович награждал только на словах, а на деле ему «и в голову не приходило вспоминать, кого и как он представлял»⁷⁹.

То, что внимание к людям было в характере автора воспоминаний, а не способ подольститься, показывает его командование полком. В отношении солдат он никогда не применял телесных наказаний, а увлекал собственным примером храбрости и трудолюбия, постоянной заботой об их нуждах (если не хватало полковой казны, полковник за свой счёт покупал фураж, одежду, продовольствие для всего полка⁸⁰). Незаурядный педагог от природы, С.И. Маевский постоянно придумывал способы заставить людей выполнять самые трудные поручения и выдерживать учения с радостью. Наградой за это было для него всеобщее восхищение его полком. Мемуарист с гордостью вспоминал,

⁷⁵ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 138.

⁷⁶ Там же. С. 145.

⁷⁷ Там же. С. 149.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 150.

⁸⁰ Там же. Кн. 9. С. 266.

что в его полку не было затравленного взгляда, а солдаты и офицеры держались весело, молодежато и непринуждённо, что особенно нравилось начальству⁸¹. Он писал: «Я могу похвастать, что солдата моего полка можно было отличить от солдата всей армии», «я исподволь знакомился с солдатскими обязанностями и, благодаря моему глазу, успел развязать их ловкость, живость и быстроту»⁸². Видимо, учитывая умение С.И. Маевского ладить с людьми, Александр I именно его назначил начальником вновь учреждавшегося военного поселения в Старой Руссе. Это поселение должно было стать самым большим. Предполагалось, что там могут начаться волнения населения, так как в Старой Руссе проживало немало старообрядцев⁸³. В 1826 г. там действительно начались беспорядки: поселяне притащили амуницию и бросили её командирам, не желая служить. С.И. Маевский хотя и доложил об этом графу А.А. Аракчееву, но сумел добиться того, чтобы люди не пострадали. По его совету П.А. Клейнмихель, присланный для усмирения, дело «кончил выпискою шалунов в армию»⁸⁴.

Умея ладить с А.А. Аракчеевым, С.И. Маевский осмеливался вступаться за людей, ненавидимых всемогущим временщиком, осознавая, что рискует своим благополучием. Так, граф терпеть не мог генерала графа И.О. Витта и вредил ему сколько мог. Мемуаристу он выговаривал: «Я знаю, чего вам хочется. Вам хочется, чтоб граф Витт сел мне на голову, Угрюмов – на правое, а ты – на левое моё плечо. Нет, пока я служу, никогда этого не будет, а когда перестану служить, то можете это делать с другими, а не со мною»⁸⁵. Каждый раз, когда графу И.О. Витту были письменные выговоры от императора, А.А. Аракчеев «с удовольствием» демонстрировал их С.И. Маевскому, подчёркивая польское происхождение графа: «мы бы с тобой умерли с отчаяния. А вот – поляк – ему всё ничего»⁸⁶.

⁸¹ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 9. С. 291.

⁸² Там же. С. 266.

⁸³ Там же. Кн. 10. С. 428.

⁸⁴ Там же. Кн. 11. С. 776.

⁸⁵ Там же. Кн. 10. С. 428.

⁸⁶ Там же.

Временщик забывал о том, что его помощник сам поляк. Через некоторое время А.А. Аракчеев запросил у него характеристики на армейских генералов. С.И. Маевский, характеризуя графа Витта, не в угоду начальнику похвалил соплеменника за храбрость и другие достоинства⁸⁷.

Описывая себя, мемуарист рассказал и о своём времени так, как он его себе представлял. По мнению С.И. Маевского в его веке большую роль играло счастливое или несчастное стечение обстоятельств, т.е. случай: «рождение, жизнь, заслуги, известность в свете и всё, человека сопровождающее, есть дело случая»⁸⁸. Именно он определяет судьбу человека. О себе мемуарист писал, что он – «счастливцев по случаю»⁸⁹ и поэтому «судьба явно старалась покровительствовать» ему⁹⁰.

Век, в котором пришлось жить С.И. Маевскому, был, по его мнению, без «претензий на высокое воспитание и ум»⁹¹. Их ему видеть приходилось редко. В том веке образование в армейской среде не требовалось, потому что офицеры «называли всё то хорошим, что им приказывали. Ум наш не восходил тогда к началам, а действовал по привычкам и машинально»⁹². Отсутствие образования в военной среде вели, на взгляд автора воспоминаний, к другой отличительной черте их времени – «смешному педантизму»⁹³. Например, если генерал получал приказание действовать каким-либо неизвестным до этого момента способом, то это уже было основанием для подозрения в измене⁹⁴. С.И. Маевский считал, что военная наука в России по этой причине находится в «диком» состоянии⁹⁵. Офицеры опираются более не на знание, а на стереотипные представления (например, о непогрешимости и непобедимости Наполеона), которые принимались

---

⁸⁷ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 10. С. 452.

⁸⁸ Там же. Кн. 8. С. 129.

⁸⁹ Там же. С. 131.

⁹⁰ Там же. Кн. 9. С. 273.

⁹¹ Там же. Кн. 8. С. 131.

⁹² Там же. С. 133.

⁹³ Там же. С. 138.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 142.

за «общие аксиомы войны»⁹⁶. Т.е., мемуарист недостатком своего времени видит шаблонный образ мышления военных.

Никаких великих людей, как отмечал он в своих воспоминаниях, в его веке не было⁹⁷, за исключением Александра I. Император «не был счастлив гениальными умами полководцев и, не имея образцового, увлекался к обыкновенным»⁹⁸.

Описывая своё время, С.И. Маевский даёт ему определение «филантропического», так как тогда долго держались на службе те, кто к ней абсолютно были не способны⁹⁹. Люди же более-менее развитые, но не особенно талантливые, могли сделать головокружительную карьеру, ведь «в том веке можно было найти возможность примириться с сделанной глупостью и исправить ошибку по службе, не расстраивая себя на всю жизнь, не теряя даже лавра, прежней службой приобретённого»¹⁰⁰.

Одной из положительных черт своего времени мемуарист называл верность и дружбу. У самого С.И. Маевского было много друзей, с которыми он поддерживал близкие и тёплые отношения всю жизнь. Его верными товарищами были герои, генералы А.Н. Марин, А.Н. Красовский, Д.П. Неверовский, И.М. Дука, П.В. Апушкин. Дружба позволяла выстоять им в самые трудные моменты войны. В 1814 г. А.Н. Красовский и С.И. Маевский получили приказ со своими двумя 13-м и 14-м егерскими полками и батареей П.В. Апушкина прикрыть отступление армии генерал-фельдмаршала М.С. Воронцова. Они должны были удерживать неприятеля до подхода армии Г.-Л. Блюхера. Осознавая масштаб задачи, генерал А.Н. Красовский, полковник С.И. Маевский и командующий батареей подполковник П.В. Апушкин «дали себе взаимную клятву – оправдать доверенность, хотя бы это стоило величайших жертв. Мы... жили как братья, – вспоминал мемуарист, – и никто ещё не видал, чтобы в мире и в бою был кто-то нас дружнее. Наши офицеры и солдаты были как будто одного семейства и разделяли с нами самые высокие и решительные

⁹⁶ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 8. С. 142.

⁹⁷ Там же. С. 134.

⁹⁸ Там же. С. 142.

⁹⁹ Там же. С. 134.

¹⁰⁰ Там же. С. 163.

чувства»¹⁰¹. Они «воодушевляли друг друга» в бою. Это содружество автор воспоминаний сравнивал с батареей П.В. Апушкина, ощущая её мощь: «Заряды её были клятвы, а фитилём служили ей честь и слава»¹⁰².

К чести и славе дворянина своего века С.И. Маевский относил и благородное отношение к врагам личным и врагам Отечества. Мемуарист с восхищением рассказывает о поведении М.А. Милорадовича во время переговоров с французами¹⁰³. В это время, вспоминал С.И. Маевский, «с обеих сторон господствовали как будто род некоторых великодушных уступок и самоотвержения»¹⁰⁴. Перед Бородинской битвой И. Мюрат вздумал осмотреть позиции наших войск, увлёкся и подошёл на ружейный выстрел. Некто Сысоев дал по нему выстрел, но промахнулся. И. Мюрат оскорбился и довёл об этом до сведения М.А. Милорадовича. Русский генерал запретил солдатам стрелять во время затишья по французской ставке¹⁰⁵.

К врагам личным также следовало проявлять великодушие. С.И. Маевский вспоминал, как тот же М.А. Милорадович, не терпевший П.И. Багратиона, после ранения последнего принимал его офицеров в состав своего штаба. Говоря речь при встрече с ними, граф «делал колкости памяти покойного Багратиона». Он просил назвать ему любимца князя, «дабы именно в лице сего последнего мог он доказать князю истинное своё великодушие и любовь к тому, кого любил и уважал враг его»¹⁰⁶.

С.И. Маевский участвовал или был свидетелем многих событий своего времени и оставил свои впечатления о них. Отечественная война 1812 г. и Заграничный поход, по воспоминаниям мемуариста, были отмечены тем, что «общий дух облагородил действия каждого и возвысил душу до степени героев и победителей». Центральной фигурой Отечественной войны С.И. Маевский считал Александра I, ради одной только улыбки

¹⁰¹ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 9. С. 274.

¹⁰² Там же. С. 275.

¹⁰³ Там же. Кн. 8. С. 143–144.

¹⁰⁴ Там же. С. 144.

¹⁰⁵ Там же. С. 145.

¹⁰⁶ Там же. С. 144.

которого люди были готовы на самые невероятные подвиги. В «блистательном веке обожаемого Александра I едва ли не всякий офицер был уже Багратион» и душа «его жаждала... опасности, отчаянного дела» перед лицом императора.

Декабрьское восстание 1825 г. потрясло воображение С.И. Маевского тем, что герои войны с Наполеоном, выступили против священной особы царя. Своим выступлением, по мнению мемуариста, они поставили своих товарищей по оружию перед необходимостью выбирать: воинская дружба или любовь и преклонение перед императором. Решение С.И. Маевского выразилось в словах: «Безрассудные! Неужели вы думали, что мы не пойдём по трупам вашим и не восстановим любезного нам порядка и брата того, кто ценой благостей приковал к себе наше сердце! Но тот, кто хорошо чувствует, никогда не подозревает других в злодействе. Я рад моей ошибке и всегда готов так ошибаться!»¹⁰⁷.

Таковы в общих чертах мировоззрение и характеристика своего века генерал-майора Сергея Ивановича Маевского, поляка по происхождению, посвятившего свою жизнь России по воле судьбы и по убеждению. Своё время он считал достойным внимания историков, а себя представлял как лицо историческое. Мемуары стали достойным памятником ему и его времени, последним подвигом С.И. Маевского.

---

¹⁰⁷ *Маевский С.И.* Указ. соч. Кн. 11. С. 772.

Л.М. АРЖАКОВА
г. Санкт-Петербург

В. Д. СПАСОВИЧ И ЕГО «ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Когда в начале 1860-х гг. А.Н. Пыпин приступил к составлению обзора истории славянских литератур, для написания польского раздела книги он пригласил В.Д. Спасовича.

Владимир Данилович Спасович (1829–1906) в ту пору уже был достаточно известным петербургским адвокатом и журналистом либерального направления. Поляк по происхождению, он увлекался родной историей. Участвовал в предпринятом И. Огрызко переиздании свода польских законодательных памятников 1347–1780-х гг., предпринятого в XVIII в. и давно ставшего библиографической редкостью¹. По находившимся в Публичной библиотеке двум манускриптам В.Д. Спасович перевёл с латыни на польский такой важный исторический памятник, как «Восемь книг бескорольвья» Свентослава Ожельского, очевидца и участника описываемых событий – избрания на польский трон Генрика Валуа, а затем Стефана Батория².

В «Обзоре истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича (СПб., 1865) посвящённый Польше очерк был предельно краток. Через полтора десятилетия при переиздании книги – теперь она называлась «История славянских литератур» (СПб., 1879–1881. Т.1–2.) – польский раздел был значительно

¹ Volumina legum. SPb., 1859–1860. Т. 1–8.

² Świętosława Orzelskiego bezkrólewia ksiąg ośmioro. SPb., 1856. Т. 1–3.

дополнен и занял собой почти половину второго тома. Год спустя ещё более расширенный вариант этого очерка вышел на польском языке в виде отдельной книги под заглавием «История польской литературы». Потом книга была дважды переиздана.

«История польской литературы» и предшествовавшие ей разделы в совместном труде А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича представляют интерес во многих отношениях. В данной статье мы остановимся лишь на одном вопросе – на том, как автор характеризовал развитие польской государственности.

Не вступая в прямую полемику с С.М. Соловьёвым, Н.И. Костомаровым и другими российскими историками, считавшими Речь Посполитую абсолютно нежизнеспособным политическим образованием, В.Д. Спасович старался доказать, что в действительности дело обстояло не столь однозначно.

Не удивительно, что книги А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича консервативная печать приняла враждебно. Особое раздражение вызвало то, как там освещалась история польской литературы. Для откликов такого рода показателен вышедший в 1884 г. труд М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Помещённый в самом начале этого капитального труда подробный, занявший несколько страниц разбор «Истории славянских литератур» больше походил на политический донос. Книга, по мнению М.О. Кояловича, «производит самое тяжёлое впечатление и способна порождать чудовищные понятия, которые в ней отчасти и прямо проповедаются» и т.д. О писаниях В.Д. Спасовича, помимо прочего, без обиняков было сказано, что они «отличаются обычными, свойственными этому автору качествами, – красотой общих мыслей и фраз и поражающею фальшью самого дела, притом с тою особенною окраскою видимой гуманности и действительного фанатизма ко всему русскому, какие возможны только в ополячившемся русском западной России»³.

Собственно говоря, А.Н. Пыпин, приглашая В.Д. Спасовича в соавторы, ничего другого и не ожидал. В предисловии ко второму тому «Истории славянских литератур» им будет отмечено,

³ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 6.

что участие В.Д. Спасовича в книге 1865 г. «не обошлось... без злостных комментариев»⁴. У ревнителей теории официальной народности действительно были основания негодовать – работа В.Д. Спасовича резко контрастировала с тем, что писалось М.Н. Катковым и его единомышленниками. Дополнительный повод для обвинений В.Д. Спасовича в полонофильстве давали те краткие характеристики состояния польского общества и государства, которые предвзяли каждый из разделов текста, посвящённого польской литературе.

Центральное место в рассуждениях В.Д. Спасовича по поводу польской истории заняла шляхта и её роль в становлении и развитии Речи Посполитой. Такой подход к проблеме не был чем-то новым. Но в литературе преобладали крайности. Или роль шляхты идеализировалась (что особенно ощутимо у И. Лелевеля). Или, напротив, на шляхту возлагали вину за все свалившиеся на поляков беды, до разделов Речи Посполитой включительно – вторая тенденция была свойственна русским историкам. В.Д. Спасович же стремился как-то сбалансировать свет и тени «шляхетской республики» – хотя нельзя сказать, что ему это вполне удалось.

Порядки в Речи Посполитой автору явно импонировали. Он не без гордости напоминал, что «сеймованием, системою парламентаризма, развернувшегося в Польше с особою полнотою и последовательностью», поляки опередили англичан. Но В.Д. Спасович не забывал, что рост политического веса шляхты совершился «в ущерб всем другим составным частям общественного организма». По его словам, Польское государство – эта «монархия с аристократически-республиканскими учреждениями, с законами, в которых проведена была... до последних крайностей идея почти беспредельной свободы гражданина», – было повинно в том, что Польша не сумела остановить натиск немцев на восток и «стать твердою ногою на море Балтийском», а искала распространения главным образом на востоке, в московско-русских землях⁵.

Ранее, в «Обзоре истории славянских литератур», автор ограничивался констатацией того факта, что в XVI в., «в так

⁴ *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. XIII.

⁵ Там же. С. 449–450.

называемый период Сигизмундов... шляхте удалось достигнуть преобладания, превратить наследственный престол королей в избирательный, вроде федеративной республики, имеющей во главе весьма ограниченного в правах своих монарха»⁶. Полтора десятилетия спустя, в «Истории славянских литератур» В.Д. Спасович счёл нужным добавить, что «слабая сторона этого строя заключалась в том, что настоящим народом была только шляхта»⁷, что только «шляхта ворочает всем: она имеет в руках местное земское самоуправление; она превратила королевскую власть в учреждение от себя зависимое посредством избрания королей; она участвует во власти законодательной с королём и сенатом посредством своих земских нунциев»⁸. Впрочем, этот осторожный упрёк тут же был уравновешен напоминанием о том, что «главную силу Польши составляла владеющая землёю шляхта» и что именно она утвердила то политическое устройство, которое «при всей своей односторонности... в высокой степени способствовало развитию личности и проявлению великих гражданских доблестей»⁹.

У В.Д. Спасовича такого рода колебания в оценках шляхты и созданной ею формы государственности отнюдь не редкость. Если в одном месте он, как уже видели, пишет, что в Польше «монархия, с аристократически-республиканскими учреждениями», по существу, оказалась несостоятельной в отстаивании как собственных интересов, так и интересов соседних славянских земель, то через несколько страниц будет заявлено, что в XVI в. «шляхетство было в полном цвету, без колочек и терний», «при таком благосостоянии материальном и при такой свободе политической»¹⁰.

Дальнейшая эволюция шляхетской республики, естественно, рисовалась автору не столь оптимистично: «осуществив вполне свой идеал золотой свободы, господствующий класс бросил якорь: ему не к чему было стремиться; неподвижный

---

⁶ *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 363.

⁷ Там же. С. 450.

⁸ Там же. С. 477.

⁹ *Они же.* История славянских литератур. С. 478.

¹⁰ Там же. С. 480.

консерватизм сделался господствующим настроением; общество окаменело, чуждаясь, как посягательств на свободу, всяких преобразований... Единогласие, как условие законности постановлений, парализовало государственную власть» и пр.¹¹

Свойственная Спасовичу-историку известная непоследовательность в оценках людей, событий, государственных институтов ярче всего проявят себя, когда он перейдет к такой действительно противоречивой и до сих пор вызывающей споры фигуре, как Станислав Август Понятовский. Король Станислав Август, как утверждалось в «Обзоре истории славянских литератур», «оказался ошибкою попавшим на престол артистом и литератором, тонким ценителем красот в деле искусства, но бесхарактерно и пустою куклою в политике». Последнему королю Речи Посполитой предъявлен упрёк за то, что тот оказался «не способен в решительную минуту стать во главе консерваторов под древним испытанным знаменем шляхетства и католицизма, отстоять старую Польшу, когда её отстаивали некогда его предшественники против Москвы, Турок и Шведов, и продлить по крайней мере на некоторое время её существование»¹². Но буквально через пару страниц сам же автор утверждает, что «старое шляхетство было вполне исчерпано в 18-м столетии, идеалы его оказывались несостоятельными»¹³. Так в чём же, возникает вопрос, был не прав Станислав Август, отказавшись «стать во главе консерваторов под древним испытанным знаменем шляхетства и католицизма» – кроме разве того, что вместе с тем «был не способен также стать в главе новаторов, призвать на помощь все революционные элементы»¹⁴?

Должно быть, осознав, что незаслуженно восславил «древнее испытанное знамя шляхетства и католицизма», В.Д. Спасович во втором издании труда внёс в образ Станислава Августа – и в общую характеристику XVIII в. – существенные коррективы. Он отдал должное достоинствам последнего польского короля: «Станислав Август Понятовский был, бесспорно, один их образованнейших философов XVIII в., притом человек несомненно благонамеренный, трудолюбивый и серьёзно старавшийся

¹¹ *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. С. 480.

¹² *Они же.* Обзор истории славянских литератур. С. 427.

¹³ Там же. С. 429.

¹⁴ Там же. С. 427.

сыграть с достоинством и наилучшим по возможности образом многотрудную роль польского короля». В то же время отмечено, что «деятельность его лишена была всяких нравственных устоев, нравственной подкладки; отсутствовала та сила воли, которая заставляет человека идти почти на невозможное»¹⁵.

По сравнению с «Обзором истории славянских литератур» были заметно смещены акценты. Теперь оказывается, что «стоять во главе консерваторов под старым испытанным знаменем шляхетства и отстоять старую Польшу, с Барскими конфедератами заодно» польскому королю «мешали его философские убеждения». С пониманием и даже сочувствием отмечено, что «идти во главе новаторов, навстречу последней катастрофе и призвать в крайнем случае *даже* (наш курсив. – Л.А.) революционные элементы на национальную войну против соседей – он не мог по недостатку энергии в характере, по отсутствию смелого почина»¹⁶. Первое из обвинений теперь было заметно смягчено: вместо неспособности нести «древнее испытанное знамя шляхетства и католицизма» выдвинуты «философские убеждения». Революционные элементы также на сей раз вызывают меньше одобрения. Больше того, действия Станислава Августа практически оправдываются В.Д. Спасовичем: «Когда... исчерпаны были средства отклонить неизбежное событие, Станислав Август мирился с ним, умывая руки, принимал предлагаемое, проходил под иго требований, как бы они для него унижительны ни были, и продолжал лицедействовать... Не будь этой уступчивости, очень может быть, что уже в 1772 г. Польша была бы окончательно разделена»¹⁷.

Как всякий пишущий об истории Польши, автор не прошёл мимо вопроса о причинах гибели Речи Посполитой. Он, и здесь расходясь с С.М. Соловьёвым, полагал, что приписывать упадок Польши «стремлению шляхты к необузданной свободе, неумению сторониться своим я перед требованиями общего блага» есть мнение крайне ошибочное и не выдерживающее «ни малейшей критики»¹⁸. Этому своему убеждению В.Д. Спасович не изменил и в книге 1881 г.

¹⁵ *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. С. 554.

¹⁶ Там же. С. 554–555.

¹⁷ Там же. С. 555.

¹⁸ *Они же.* Обзор истории славянских литератур. С. 422.

Похоже, его по-прежнему восхищают государственные институты Речи Посполитой. Он явно идеализирует «свободные учреждения вроде польских», которые, на его взгляд, как раз были «возможны при превратившейся в нрав и обычай наклонности подчинять своё я требованиям общего блага». Вопреки традиционно-пренебрежительному отношению российской полонистики к дворянскому сословию Речи Посполитой, В.Д. Спасович высоко оценивает эту «наклонность польской шляхты», простиравшуюся «до самоотвержения, до героизма». И – несмотря на то, что автор не закрывал глаза на негативные стороны шляхты как правящего сословия, – им делался вывод: «Её ошибка заключалась только в том, что она отождествляла себя с народом и носясь со своим идеалом общественного устройства, не понимала его иначе, как в форме аристократической». Самой привлекательной чертой в облике тогдашней польской шляхты для него, по-видимому, была её «упорная вера в свой политический идеал, изумительная стойкость в самых трудных обстоятельствах». В.Д. Спасовича восхищало «умение единиц группироваться в массы по всякому призыву во имя угрожаемого отечества»¹⁹.

Работа над «Обзором истории славянских литератур», увидевшим свет в 1865 г., шла в пору, когда ещё свежа была память о восстании 1863 г., когда ещё «не просохла кровь на свежих побоищах, ещё... раздаются стоны сражённых и победные клики»²⁰. Приступая к изложению «нового периода истории польской литературы», В.Д. Спасович вполне осознавал, что «в настоящую минуту нет никакой возможности выполнить эту задачу удовлетворительно в научном отношении, потому что спокойной критике фактов мешают возбуждённые последними событиями политические страсти». По его мнению, «при подобных условиях, едва ли своевременно касаться литературы», поскольку она «работала не ради одного эстетического наслаждения, но с начала до конца имела направление практическое и развивала известные политические идеи, враждебные, конечно, России». Он признавал, что в польской литературе «исподволь и в течение многих лет, несмотря на все цензурные стеснения,

¹⁹ *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 422.

²⁰ Там же. С. 456.

вырабатывались все горючие материалы, которые и произвели два вулканические взрыва, один 1831, другой 1863 года»²¹.

Убеждённый сторонник так называемого органического труда, он прямо заявлял, что «на оба взрыва потрачено непроизводительно множество живых сил, которыегодились бы на иное дело». Рискуя навлечь на себя негодование своих соотечественников, среди которых, как он знал, многие сохранили веру в повстанческие идеалы, он не без восхищения писал о «необыкновенной живучести национальности», которая проявила себя в этих «вулканических взрывах». Тем не менее, взрывы эти, на его взгляд, представляют собой «весьма назидательный не только для народа польского, но и для всех других, пример того, как губельны могут быть увлечения одним исключительным и односторонним патриотизмом, если этому патриотизму приносятся в жертву общечеловеческие интересы, справедливость, истина, цивилизация». Иными словами, В.Д. Спасович, отстаивал позиции «угодовцев», принципы «органической работы», получившие широкое распространение в польском обществе после поражения Январского восстания. В.Д. Спасович, проникнувшись новыми идеями и явно стремясь учитывать русское общественное мнение, в то же самое время не раз на протяжении своего историко-литературоведческого труда – вольно или невольно – отдал дань традиционным воззрениям, не удержавшись от идеализации старошляхетских порядков.

В целом общественно-политическая и научная позиция В.Д. Спасовича заметно перекликалась с той, какую несколько лет спустя займёт Н.И. Кареев, искавший в исторической науке путь к примирению польского и русского народов. Заявление одного из авторов «Истории славянских литератур» о том, что «уразуметь роковую необходимость борьбы двух главнейших ветвей славянского племени может только тот, кто способен становиться мысленно на точку зрения каждой из двух враждебно одна к другой относящихся национальностей»²² – лишнее тому подтверждение.

---

²¹ *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* Обзор истории славянских литератур. С. 456.

²² Там же.

С.В. ЛЕОНЧИК
г. Абакан

ЛЮДВИК НЕМОЁВСКИЙ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФИИ ЕНИСЕЙСКИХ ТАТАР (СОВРЕМЕННЫХ ХАКАСОВ)

Подавление Январского национально-освободительного восстания 1863 г. привело к самой массовой высылке поляков и лиц других национальностей в отдалённые районы Российской империи, и в первую очередь за Урал – в Сибирь. Официальные данные говорят о 22 000 ссыльных по делу Польского восстания. Всего в Енисейскую губернию было выслано 3719 чел.¹ (по другим данным – 4419²), которые прибыли на «водворение» в 1864–1870 гг. В Минусинский округ было выслано 1026 повстанцев. Среди ссыльных были дворяне, крестьяне, ремесленники, рабочие, студенты. На территории Хакасии ссыльных поляков было больше всего в Аскизе и Бее, а также в Уйбате.

В основном поляки были людьми образованными и мастеровыми, искали применения своим знаниям. На юге Енисейской губернии местами, где можно было найти работу ссыльным полякам, были Минусинск и Абаканский Завод (ныне – Абаза). В дневнике одного из повстанцев можно прочитать о том, как именно поляки искали работу: «Со сбережёнными рублями пошли мы в Минусинск, ища работы. Однако город этот так был переполнен Полонией, что мы уже не имели шансов чего-либо

¹ Митина Н. Во глубине сибирских руд. М., 1966. С.11–13.

² ГАКрК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1.

найти. Когда беда смотрела на нас уже прямо в глаза, я узнал, что в горах открыли железодельный завод, и что хозяин его получил позволение губернатора нанять 200 поляков в качестве подённых работников. Без раздумий, вместе с друзьями мы двинулись туда. Перед нами предстало необычное движение. Все работали на строительстве домов, складов, чтобы уже весной начать эксплуатацию. Там уже было много наших соотечественников, которые валили и пилили лес, а также уже добывали железную руду»³.

Людвик Немоёвский (1823–1892) происходил из шляхетского рода герба Верушова. Несмотря на то, что его деятельность во время Январского восстания 1863 г. не была значительной, его осудили на многолетнюю ссылку в Сибирь. Вначале находился в Тобольске, где долго болел. Затем был направлен на север Енисейской губернии, впоследствии местом его «водворения» стало большое селение Балахта Ачинского округа. Долгое время по «увольнительному билету» Л. Немоёвский работал в качестве торгового агента у одного из минусинских купцов. По торговым вопросам неоднократно выезжал на территорию Урянхая (ныне – Тыва), а в 1867 г. принял участие в организованной местными властями экспедиции в Западную Монголию. Целью этой экспедиции было определение нового торгового пути в Китай. Из сибирской ссылки Л. Немоёвский вернулся в 1874 г.⁴

Во время своего пребывания в Сибири и после возвращения в Польшу Л. Немоёвский посылал в варшавскую прессу статьи, среди которых и «Аборигенные племена Сибири». Эту работу можно считать первым крупным исследованием по этнографии сибирских народов, написанным и изданным по-польски.

В 1875 г. Л. Немоёвский опубликовал большую монографию «Картинки Сибири». В неё вошли пятнадцать этнографических очерков и три отдельных раздела общего характера: «Этнографические исследования: Аборигенные племена Сибири», «Зоологические исследования: Сибирская фауна», «Экономические исследования:

³ *Cholodecki J.* Pięć lat w kraju niewoli. Czerniowce, 1893. S. 110–112.

⁴ *Małgowska H.M.* Etnografia Syberii w pracach Ludwika Niemojewskiego // Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie etnografii: Materiały konferencji we Wrocławiu. Warszawa, 1984. S. 109.

Сибирская железная дорога». Книга была встречена с большим интересом, и более того, с небольшими изменениями переиздана в 1883 г. в Лондоне на английском языке⁵.

Безусловно, книга Л. Немоёвского стала революционной, по тем временам, в исследовании этнографии сибирских народов. Она начинается с описания тунгусов (эвенков), а затем: нивхов, бурятов, якутов, чукчей, остяков (хантов и манси). Однако более подробно и основательно, с точки зрения этнографов, он описал условия проживания и культуру енисейских татар (хакасов). В своём очерке о хакасских племенах Л. Немоёвский затронул особенности скотоводческого хозяйства, питание, костюм, семейные обычаи, в том числе и похищение невесты, религиозные верования. Немного рассказал о фольклоре, привёл примеры легенд. Его пребывания в Минусинске и выезды в близлежащие улусы сделали его повествование живым и интересным, в отличие, например, от описания якутов, с которыми автор был знаком немного, и в Якутии не был, или от описания бурят, которых автор открыто не любил, так как они, в отличие от других сибирских народов, преследовали и передавали беглых ссыльных в руки российской полиции.

Довольно интересны наблюдения Л. Немоёвского о сплетении верований уже крещённых в православии, но оставшихся язычниками хакасов. «Грубо вытесанные из дерева божки находятся в самом тёмном углу. Однако предмет почитания приверженцев шаманизма может находиться рядом с иконой святого, которая чаще всего висит в видном, светлом углу. Татары могут сначала высказать свои просьбы, прочитать заклятья, направленные к языческим божкам, а затем обратиться к иконе христианского мученика. Такая двойственность придаёт им уверенности, что их желания, просьбы будут исполнены. Чем больше добродетелей, говорят они, тем увереннее и прочнее будет судьба человека. Что не исполнит семейный божок Тенгри, то исполнит иностранный святой, главное не забывать о них двоих, не бояться ни одного из них, и выйдет двойная польза»⁶.

⁵ *Niemojowski L. Obrazki Syberii. Warszawa, 1875. Английское издание: Niemojowski L. Siberian Pictures. L., 1883. Т. 1–2.*

⁶ *Он же. Obrazki Syberii... S. 88–92.*

Автор также отмечает особую гостеприимность хакасов: «Характер этих племён добродушный, флегматичный. Они гостеприимны в полном значении этого слова. Кроме того, они умеют быть благодарными за добро, а плохого по отношению к ним никогда не помнят. Основными их чертами являются: неаккуратность, медлительность и любовь к спиртным напиткам. После случаев обмана их местными крестьянами, в торговле они стали подозрительными»⁷.

Л. Немоёвский описывает отношения между членами семьи, где видит особенности, не характерные для других народов. «Достаточно удивительны отношения у татар между мужчинами и женщинами. Согласно их религиозным и общественным представлениям, женский пол всегда занимает самый низкий уровень в семейной иерархии. Однако в семейном кругу жёны владеют всем, что их окружает, не исключая мужа, главы дома, который часто становится слепым исполнителем воли и желаний своей половины... Причина здесь кроется не столько в subtilности характера жениха, сколько в обычае женитьбы молодых юношей, ещё даже в детском возрасте на девушках значительно старших... Такой супруг был по большей части воспитанником, а не защитником и опекуном своей жены... Таким образом мужчины с раннего юношества привыкали к главенству женщин, а когда со временем вырастали и крепили, то эта их привычка становится уже второй натурой»⁸.

Интересны размышления автора, касающиеся шаманизма, а также описание отдельных случаев из его наблюдений за этим явлением. «Шаманы очень не любят, когда кто-то чужой присутствует при их обрядах... Однажды, не зная о таком особом нежелании татарских колдунов посвящать в свои тайны чужаков, но желая быть свидетелем обряда изгнания злых духов, преследующих больного, попросил знакомых татар, чтобы они позволили войти в юрту, где эта церемония будет проходить. Прибывши раньше, спрятался в самый тёмный угол юрты и закрылся нагромождёнными там войлоками... По прошествии часа цепкий взгляд степного священника разглядел меня через искусственную занавесь из войлоков

⁷ Niemojowski L. Obrazki Syberii... S. 102–103.

⁸ Ibid. S. 92–95.

и конских шкур. Только он догадался о моём присутствии, отдал бубен своему помощнику, взял посох в руку, выволок на порог юрты по очереди всех членов семьи, начиная от старших и кончая малыми детьми, и бил их со всей силы. От всей души мне стало жалко этих бедных людей, которые из-за меня были подвергнуты такой строгой каре. Когда же после нескольких часов церемонии, закончившейся, как обычно, смертью больного, шаман покинул дом, я выразил своё искреннее сожаление татарам, объясняя, что если бы знал о последствиях моего любопытства, то никогда бы такого не сделал.

– Ничего страшного, – ответил старичок, отец умершего, который больше всего получил от жилистой руки колдуна, – мы знали, что он Вас в конце концов откроет, только вот никак не предполагали, что так больно будет бить. Наш шаман лучше знает своё дело, в отличие от других, только рука у него тяжёлая. А вообще это и так пойдет в счёт тэнгри (души) моего бедного сына»⁹.

Своё содержательное повествование об енисейских татарах автор завершает пересказом легенды о воинственном властителе и его прекрасной супруге. В образе воинственного властителя он подозревает личность Чингисхана, хотя и не совсем уверен, так как трудно чего-либо узнать о прошлом у этого народа: «Несколько раз мы садились у огня в юрте, держа стакан с айраном в руке или принимая от главы рода трубку, – своего рода символ гостеприимства и взаимного братания. Я пытался использовать этот момент для того, чтобы разузнать ещё что-либо, однако все мои попытки разбивались о незнание подробностей истории северных степей. Вообще они удивляются, что кто-либо может заниматься прошлым. Они считают, что только то имеет значение, что есть в настоящее время. Прошлые же времена, которые никогда не вернуться, не заслуживают даже воспоминания»¹⁰.

Этнографические очерки Л. Немоёвского, ещё не изданные на русском языке и малоизвестные в современной польской этнографической науке, требуют нового открытия, особенно важного для возрождающихся сибирских народов.

⁹ *Niemojowski L. Obrazki Syberii...* S. 103–106.

¹⁰ *Ibid.* S. 107–109.

А.Ю. ЧЕРНЫШЁВ
г. Абакан

**ЛЕОН БАРЩЕВСКИЙ И РОССИЯ.
К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ
И РОЛИ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ**

В советской исторической науке вопрос о вкладе и роли польской интеллигенции в развитие России разработан очень слабо. Советские авторы фрагментарно освещали деятельность польской интеллигенции в общественно-политической и культурной жизни России, не задаваясь целью комплексного исследования присутствия поляков-интеллигентов и их влияния на развитие российского государства. Работа исследователей с архивными фондами была минимальной. Традиционно советская историография указывала на польских ссыльных в общем материале, посвящённом национально-освободительному движению и ссылке его представителей в Сибирь¹.

В 1990-е гг. российская наука столкнулась с фактом переориентации от советской методологии в сторону новых подходов. Историки, оказавшись в иных исторических условиях, получили возможность не только разрабатывать столь перспективную тематику на базе доступных архивных материалов, но, что более

---

¹ «Сибирско-польская» история и современный взгляд на её содержание, задачи изучения и популяризации // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: Сб. матер. межд. науч. конф., Иркутск, 11–15 сентября 2000 г. Иркутск, 2001. С. 28.

важно, на основе новых исторических методов. Начали выходить работы, посвящённые изучению собственно интеллигенции, что, безусловно, является перспективным направлением исторической науки.

В настоящее время основной тенденцией стало выдвижение на первый план проблемы научного изучения истории присутствия и эволюции в России, и в Сибири, польской интеллигенции. Особенно ярко эта тенденция проявляется в работах доктора исторических наук, профессора Иркутского госуниверситета Б.С. Шостаковича². Следует также отметить работы Е.В. Семёнова, изучающего деятельность польских врачей на территории Забайкалья в XIX в.³, С.А. Мулиной, исследующей профессиональную деятельность ссыльных поляков в Западной Сибири⁴, Е.П. Береговой, занимающейся изучением просветительской деятельности в Енисейской губернии ссыльных участников восстания 1863 г.⁵

Показателен реальный вклад, который внесли представители польской диаспоры в развитие российского просвещения и науки. Одним из таких выдающихся деятелей был Л. Барщевский.

Леон Барщевский родился в Варшаве в 1849 г. В детстве он мечтал о путешествиях и удивительных открытиях, но вскоре умерли его родители и начались трудности. Старшие братья за участие в Январском восстании 1863 г. были сосланы в Сибирь.

---

² Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVIII–XIX вв.): Учеб. пособие. Иркутск, 1995; *Он же*. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; *Он же*. К постановке проблемы научного изучения истории присутствия и эволюции в Сибири польской интеллигенции (XIX – начало XX в.) // История и культура поляков в Сибири: Сб. матер. межрегион. науч.-практ. конф. «История и культура поляков Сибири» 2005–2006 гг. / Сост. С.В. Леончик. Красноярск, 2006. С. 14–36.

³ Гапоненко В.В., Семёнов Е.В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX в. Улан-Удэ, 2006.

⁴ Мулина С.А. Поляки-медики в западносибирской ссылке // История и культура поляков в Сибири... С. 36–41.

⁵ Береговая Е.П. Просветительская деятельность ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Енисейской губернии // История и культура поляков в Сибири... С. 135–139.

Их дальнейшая судьба неизвестна. Воспитанием младшего брата занялась сестра, проживавшая в Черкассах Киевской губернии. Однако вскоре, как сирота, он был направлен в Киевскую военную гимназию.

После этого учился в Константиновском военном училище, которое окончил в 1867 г. и был записан в Одесскую юнкерскую пехотную школу. В 1869 г. на офицерском экзамене его спросили о «бунте поляков», на что Л. Барщевский открыто поддержал своих соплеменников. Его вычеркнули из списка учащихся и в чине юнкера направили в полк.

Началась его служба в Херсонской и Бессарабской губерниях, ставшая для Л. Барщевского хорошей школой жизни: он научился готовить, шить, сапожничать и столярничать. Учил он также и иностранные языки, в том числе и санскрит. В 1874 г. он обучился фотографическому искусству у знаменитого русского художника и фотографа Николая Осипова. Всё это пригодилось Л. Барщевскому в его новом призвании – путешественника и открывателя.

В 1876 г. Л. Барщевский по личному желанию был направлен в Бухарский эмират, совсем недавно присоединённый к России. С этого времени молодой военный уже числился в составе Самаркандского топографического отряда в качестве капитана 17-го линейного Туркестанского батальона. Именно тогда Л. Барщевский реализовал свою страсть к путешествиям и этногеографическим исследованиям. Он побывал во многих местах: устья Зеравшана, Амударьи, Фандарьи, Искандердарьи; Хиссарские, Зеравшанские горы, Тянь-Шань, ледники Памира. Им названы многие местности и перевалы, его же фамилией назван один из ледников.

Л. Барщевский руководил и принимал участие в более чем 20 научных экспедициях. Во время этих экспедиций кроме географических исследований, он также проводил антропологические, этнографические, археологические и геологические изыскания. Им были открыты залежи полезных ископаемых – железная руда, золото, серебро, каменный уголь. Собрание из ботанических и археологических экспонатов положили начало музею в Самарканде.

Всемирную славу Л. Барщевскому принесли фотографии, сделанные им во время экспедиций. Он получил золотые медали на фотовыставках в Париже в 1895 г. (за фото азиатских ледников) и в Варшаве в 1901 г. (за фотопортреты жителей Азии)⁶.

Российская наука высоко оценила вклад Л. Барщевского в исследования Средней Азии. Его приняли в члены Русского географического общества, Общества ихтиологии и геологии, а также Московского ботанического общества. Он был награждён орденом Золотой звезды Эмира Бухары.

Географические наблюдения Л. Барщевского вылились в небольшую публикацию «Об исследовании ледников в Маргузорских горах в юго-восточном Туркестане», опубликованную в 1896 г. Возможно, это была часть лекций, прочитанных им в 1887 г. в Русском географическом обществе. Позднее его этнографические и географические заметки были частично изданы в Польше его двоюродным братом Витольдом Барщевским. Большая же часть рукописного архива Л. Барщевского, заключающего в себе наблюдения по естественной истории, географии, геологии, археологии и краеведению до сегодняшнего дня не опубликована.

Российские власти благоволили исследователю. Для получения более высокого армейского чина ему предложили стать православным, на что Л. Барщевский ответил: «Я не соглашаюсь принять православие. Я поляк и католик». Реакция последовала незамедлительно – в 1896 г. подполковника Л. Барщевского отозвали из Самарканда и «сослали» командовать полком в польском г. Седльцы⁷. Однако уже в 1897 г. Л. Барщевский участвовал в экспедиции по поиску монолита для саркофага Александра III, по окончании которой вновь вернулся в Польшу.

Л. Барщевский принимал участие в Русско-японской войне на Дальнем Востоке, а затем вновь служба в Седльцах. В 1906 г. в чине полковника он вышел в отставку.

Путешествуя по Европе и посещая французские и швейцарские Альпы, он отмечал: «Постоянно думаю о прекрасных азиатских ледниках. Нет ничего прекраснее. Мечтаю ещё раз

⁶ *Blomborgowa M.* Leon Barszczewski – polski badacz starożytnej Samarkandy // *Studia z dziejów Cywilizacji.* Warszawa, 1998.

⁷ *Strojecki I.* Leon Barszczewski. Warszawa, 2007 (maszynopis).

увидеть этих великолепных великанов». Однако увидеть их ему уже не пришлось. Обвинённый в растрате полковых денег, Л. Барщевский уехал в Ченстохову и 19 марта 1910 г., желая сохранить свою честь, покончил с собой в одном из местных отелей.

Его жизненным девизом были слова: «Всё на свете можно преодолеть добрым словом и сердечной простотой и ни в коем случае гордостью и высокомерием»⁸. Вероятно, именно этот девиз помог Л. Барщевскому стать одним из выдающихся исследователей Средней Азии, присоединённой к Российской империи в XIX в. Сегодня, когда Россия старается восстановить своё геополитическое влияние в среднеазиатских республиках, следует вспомнить тех, кто внёс существенный вклад в исследование этого региона, в том числе и поляка Леона (Льва Семёновича) Барщевского.

---

⁸ *Ślabczyński W.* Polscy podróżnicy i odkrywcy. Warszawa, 1973; *Strojecki I.* Leon Barszczewski.

Е.Б. ЛОПАТИНА
г. Москва

И.В. ГУРКО – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИМПЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В КОНЦЕ XIX в.

Система управления Царством Польским, или Привислинским краем, установившаяся в последние годы правления Александра II, нуждалась в корректировке в соответствии с новым внутривосточным курсом, предложенным его сыном – Александром III. Проводить в жизнь административную политику в крае должен был глава польской администрации (с 1883 по 1894 г.) генерал И.В. Гурко. Вновь назначенный генерал-губернатор, в противовес прежнему – П.П. Альбединскому, воспринимался в правительственных кругах как сторонник объединительно-унификаторских действий в вопросах управления национальными окраинами¹, что соответствовало общей концепции преобразований консервативного толка.

Иосиф Владимирович Ромейко-Гурко (1828–1901) был известен, прежде всего, как умелый военный стратег – герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., под руководством которого был покорён Шипкинский перевал, что, наряду с удачным манёвром под Плевной, позволило русской армии одержать победу в этой военной кампании.

---

¹ Гурко В.И. Очерки Привислянъ. М., 1897. С. 348–349.

Перед тем, как занять пост генерал-губернатора Привислинского края, И.В. Гурко уже был испытан в роли главы местной администрации. С апреля 1879 по февраль 1880 г. он являлся Санкт-Петербургским временным генерал-губернатором и помощником главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, затем с января 1882 по июнь 1883 г. И.В. Гурко был Одесским временным генерал-губернатором и командующим войсками Одесского военного округа. Находясь на этих постах, И.В. Гурко доказал, что является волевым, жёстким, последовательным и исполнительным администратором, поэтому сможет справиться с таким непростым регионом, каким являлся Привислинский край. Его происхождение из дворянского рода Могилёвской губернии в сочетании с искренней приверженностью православию и имперскому началу позволяет полагать, что у генерала были и личные претензии к «польскому элементу».

Итак, известный военачальник был назначен генерал-губернатором Привислинского края в 1883 г. Несмотря на то что И.В. Гурко имел репутацию жёсткого военного человека, первое впечатление, произведённое им на польскую общественность, не было предвзято отрицательным. Варшавский журналист А. Залеский, например, писал: «Низкого роста, с длинными седыми волосами, ген. Гурко не производил, по крайней мере, впечатления жестокого палача. Напротив, в чертах его лица было что-то симпатичное. Что-то, что обычно свидетельствует о силе воли, солдатской прямолинейности и честности»².

Однако уже после вступительной речи полководца в качестве вновь назначенного генерал-губернатора, польская общественность стала настороженно относиться к новому главе края. Вот что вспоминал один из свидетелей начала управления И.В. Гурко Привислинским краем французский консул Бойард, чьи рапорты зафиксированы в воспоминаниях Каролины Бейлин. «Члены польской делегации, которые пришли приветствовать И. Гурко, вышли недовольные приёмом, а особенно оттого, что он говорил исключительно на русском, в то время как его предшественник использовал

² *Zaleski A. Towarzystwo Warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową / Oprac. R. Kołodziejczyk. Warszawa, 1971. S. 111.*

французский язык. Не нравился также его военный грубоватый тон. Губернатор Гурко не скрывал, что для него не важно это назначение, и принял его только по указу царя... Эти слова должны были покоробить амбициозность поляков, которые считали Царство Польское одним из ключевых регионов в Империи»³.

Негативное восприятие И.В. Гурко польской общественностью дополняло отрицательное мнение, составленное о его жене Марии Андреевне. «О ней говорили, что во время приёмов в Королевском Замке, как и её муж, она не разговаривала с гостями на французском, что было само собой разумеющимся при предшественниках Гурко, а говорила исключительно на русском. И даже меню ужина она приказала напечатать на “официальном языке империи”, повелев перевести принятые во всём мире названия французских блюд. Также она сдружилась с новым редактором официального правительственного издания “Варшавский дневник”, и печатает на его страницах русификаторские по духу статьи»⁴.

Итак, образ жестокого обрусителя стал складываться исходя из таких фактов, как замена французского языка русским во время официальных встреч, утверждения в прессе о поддержке начинаний А.Л. Апухтина – попечителя Варшавского образовательного округа, пренебрежительное отношение к Привислинскому краю как не ключевому региону Российской империи.

Конкретные действия, усилившие раздражение поляков по отношению к новому генерал-губернатору, не заставили себя долго ждать. Смена губернатора повлекла за собой перестановки в местной администрации. По свидетельству Бойарда, «сразу уволили заместителя генерал-губернатора ген. Крюденера, отличавшегося своими либеральными взглядами, и шефа жандармов Кутайсова. Уволен также Бутурлин, которого обвиняли в чрезмерной полонизации. Это известие было очень плохо воспринято в Варшаве, поскольку Бутурлин снискал доверие в обществе благодаря своему такту и склонности к компромиссу»⁵.

³ *Beylin K. Dni powszednie Warszawy w latach 1880–1900. Warszawa, 1967. S. 85.*

⁴ *Ibid. S. 121.*

⁵ *Ibid. S. 122.*

Очень скоро иллюзии относительно нового главы администрации, если таковые и существовали, окончательно рассеялись. Как пишет Орион в своём памфлете против российских властей, в администрации края «царили бесправие и насилие», которые «достигли апогея во время губернаторства Гурко»⁶. Автор памфлета объясняет консервативную политику имперского правительства тем, что больше нечего ожидать от Александра III, который был воспитан для военной карьеры, к тому же изучал законодательство под руководством «консерватора и полонофоба» К.П. Победоносцева.

Мнение французского консула по поводу начала губернаторства И.В. Гурко представляется более взвешенным и объективным. Бойард писал о впечатлениях, оставленных первыми шестью месяцами правления героя Плевны, в таком духе: «Варшавянам удалось познакомиться с новым генерал-губернатором, полугодовой опыт однако был не вдохновляющим. Из уст в уста передавалась информация о том, что этот военный человек, низкого роста, с длинными бакенбардами, с виду добродушный, в действительности жесток, бескомпромиссен и решителен»⁷. В следующем рапорте консул подтверждает свои выводы наблюдениями, которые ему удалось сделать. «По-прежнему торжествовала политика русификации образования, судов и почты, только в большей степени, чем это было при Альбединском. Действовал “чёрный кабинет”, контролирующей частную корреспонденцию, началась высылка поляков во внутренние губернии Российской империи, официальная пресса безудержно хвалила деятельность Апухтина»⁸.

В кругах варшавской интеллигенции И.В. Гурко быстро заслужил репутацию абсолютного невежды в вопросах административного управления. Правда, часть жителей Варшавы утверждала, что даже несмотря на свою безграмотность в вопросах гражданского управления, И.В. Гурко самолично готовил к исполнению приказы центрального правительства⁹. По наблюдениям

⁶ *Orion*. Charakterystyka rządów Alexandra III w ziemiach polskich (1881–1894). Lwów, 1895. S. 1.

⁷ *Beylin K.* Op. cit. S. 119.

⁸ *Ibid.* S. 120.

⁹ *Beylin K.* Op. cit. S. 123–125.

А. Залеского, «глава Привислинского края не особенно интересовался вопросами гражданского управления. Напротив, Гурко посвящал много времени военному делу и живо интересовался войсками, расквартированными в крае. Любимым занятием Гурко как профессионального кавалериста было участие в военных играх и манёврах. Результатов подобного поведения не нужно было долго ждать. Ослаб надзор за гражданскими службами: местные сановники всё чаще творили произвол. Более того, реальная власть варшавского генерал-губернатора стала иллюзорной»¹⁰. Далее А. Залеский резюмирует суть правления И.В. Гурко: «Не генерал Гурко управляет краем, а целый ряд чиновников, и главная среди них – его жена»¹¹.

Становится очевидным, что мнение польской интеллигенции относительно нового генерал-губернатора было однозначно отрицательным. И.В. Гурко быстро стал одиозной фигурой в глазах польской общественности. С точки зрения жителей Привислинского края, интересующихся политикой, И.В. Гурко являлся образцовым русификатором, пренебрежительно относящимся к местному населению. Однако нельзя не заметить некоторое противоречие свидетельств о И.В. Гурко его современников – жителей Привислинского края. По мнению большинства¹², именно в руках генерал-губернатора находились все нити управления краем, именно он был автором претворяемых в жизнь русификаторских указов. Как указывалось выше, А. Залеский считал И.В. Гурко марионеткой в руках своего окружения и жены.

Совсем другую точку зрения на деятельность И.В. Гурко высказал его сын Владимир Иосифович, рассматривавший политику отца с точки зрения целостности Российской империи и соблюдения государственных интересов. «Край, видимо, успокоился, русский человек почувствовал себя не отщепенцем, едва в нём терпимым, а полноправным гражданином; свои нужды и потребности он получил

¹⁰ *Zaleski A.* Op. cit. S. 88.

¹¹ *Ibid.* S. 113.

¹² *Orion.* Op. cit. S. 40–45; *Beylin K.* Op. cit; *Czerwiński T.* Pamiętniki. Kielce, 1931. S.46–47; *Hoesik F.* Powieść mojego życia. Pamiętniki. Wrocław, 1959. S. 174.

возможность удовлетворять там столь же свободно и полномерно, как в центре России. Безусловный порядок царил в крае за всё это время; для поддержания же его принимались исключительно меры, хотя и стойкие, но спокойные. Закономерность была лучшим фактором во всей деятельности администрации. Одним словом, с 1883 года русская политика в польском вопросе вступила в последний, – но самый трудный период её окончательного разрешения: путем бесстрастного, но постоянного воздействия на польский народ в смысле искоренения в нём тех его особенностей, которые отделяют его от России, постепенно ввести его в русскую семью, – вот к чему она сводилась»¹³. Как видно, сын был единомышленником своего отца, поэтому приводил аргументы в пользу непопулярных, но необходимых административных мер, которые проводил в жизнь И.В. Гурко на посту генерал-губернатора.

Если вспомнить о тех функциях, которые по долгу службы должны были исполнять губернаторы, то первые и дальнейшие мероприятия И.В. Гурко в Привислинском крае представляются вполне обоснованными и адекватными. Как гласит циркуляр «О служебной деятельности и обязанностях губернаторов», «эта власть и это влияние суть доли общей власти и общего влияния правительства Вам [губернаторам]веряемые для достижения общей правительственной цели». Далее в циркуляре уточнялось: «Превышение [полномочий] и бездействие одинаково вредны. Нужно строго соблюдать закон... Заботливо охраняя общие начала государственно-го единства... Вам однако же надлежит сохранять в виду, что единство не всегда означает единообразие»¹⁴.

Таким образом, основной тезис, который звучал в официальной документации эпохи Александра III касательно политики в регионах, сводился к борьбе с сепаратизмом и призыву соблюдать

¹³ Гурко В.И. Указ. соч. С. 16.

¹⁴ Урусов В. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярии губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений с 1858 по 1896 гг. М., 1896. С. 13–15.

общегосударственные интересы при условии принятия факта национального и сословного разнообразия Российской империи. На практике это должно было означать следование жёсткому курсу, намеченному императором и высшей администрацией.

С точки зрения Петербурга рассматриваемая через призму государственных интересов империи жёсткая политика в регионах была необходима. Она была направлена на развитие основ русской государственности во имя слияния окраин с коренной Россией и укрепления государственного единства. Стоять на страже государственных интересов и следить за исполнением правительственной программы должен был генерал-губернатор. Именно в его руках концентрировались нити управления регионом. Однако некоторые представители варшавской интеллигенции, как указывалось выше, сомневались в том, кто действительно управлял Привислинским краем: был ли это сам И.В. Гурко или круг лиц, приближенных к администрации.

В этой связи интересна мысль американского историка Р. Роббинса, который считает, что опыт и знания высших провинциальных управленцев снижали возможности Петербурга напрямую руководить их деятельностью в провинциях. Более того, профессионализм губернаторов мог препятствовать, а не способствовать проведению преобразований в доверенном им регионах¹⁵.

С выводами Р. Роббинса соотносятся рассуждения польского историка Л. Химяка. На основании анализа источников польский исследователь заключает, что подбор кадров для высшей региональной администрации осуществлялся по следующему принципу: царские власти обращали внимание в основном на то, чтобы кандидат в губернаторы принимал политическую линию правительства. От кандидатов не всегда требовалось знание реалий жизни того региона, куда их направляли¹⁶.

¹⁵ *Robbins R.* Choosing the Russian governors: the professionalization of the gubernatorial corps // *Slavonic and East European Review*. 1980. Т. 58. № 4. P. 540–545.

¹⁶ *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999. S. 88.

В целом можно констатировать, что политика правительства на национальных окраинах была направлена на укрепление государственного единства, а И.В. Гурко является примером администратора, который чётко следовал принятым в высших кругах схемам управления, к каким бы противоречивым последствиям это ни приводило.

Е.А. ХАНТУЕВА
г. Москва

ПОЛЬСКОЕ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Социально-экономические изменения последней трети XIX в. вели к постепенному ослаблению семейных связей. В условиях массовой миграции из деревни в город и радикальных изменений условий жизни всё больше людей уже не рассматривают семью и брак как освящённые авторитетом религии обязательные атрибуты жизни, увеличивается количество разводов. Эти перемены, а также возникающие материальные трудности, побуждают полек к самостоятельному существованию.

Женщины всех трёх частей Польши жили в схожих общественно-правовых и материальных условиях, подвергались одним и тем же ограничениям, поэтому не было ничего удивительного в том, что выдвигаемые ими требования часто перекликались между собой. Эта близость теоретически создавала условия как для развития женского движения во всех польских землях, так и для взаимодействия возникавших в них женских организаций. Но на практике дело обстояло по-иному, по степени активности выделяются два основных центра развития женского движения: Галиция и Царство Польское. Именно они определяли направления и цели деятельности польских феминисток. В прусской части польских земель борьба за женское равноправие проходила гораздо менее активно,

её усиление наблюдается только после обретения Польшей независимости поздней осенью 1918 г.

В середине XIX в. зачастую сторонниками женского равноправия оказывались мужчины-позитивисты, занимающиеся общественной деятельностью, публицистикой, преподаванием. Их стараниями женский вопрос часто затрагивался в прессе, здесь же они дискутировали с противниками перемен. Одним из самых популярных представителей этого лагеря был Александр Свентоховский, автор многих статей в «Пшеглёнде Тыгоднёвом», отстаивающих права женщин¹. Позитивисты весьма активно обсуждали волновавший тогда передовую общественность вопрос о возможности включения женщин в активную публичную деятельность наравне с мужчинами. При этом они указывали, что, с одной стороны, в среде простого народа и так нет преград для занятости женщин, они трудятся даже чересчур тяжело. Поэтому вопрос имеет не глобальный, а ограниченный характер и касается только представительниц шляхетских и интеллигентских кругов. По мнению позитивистов, трудоустройству этих женщин на имеющиеся вакансии в промышленности мешали отсутствие соответствующей подготовки и неспособность переносить физические нагрузки. Поэтому они предлагали им занятия ремесленного характера: портняжное дело, цветоводство и т.п.

Логическим продолжением развития идей эмансипации явилось включение женщин в их активное обсуждение. Борьба женщин за равноправие первоначально сосредотачивается в значительной мере на вопросе об образовании. Причём в необходимости полноценного образования для женщин требовалось убедить не только власти трёх империй, но и, в первую очередь, польское общество, значительная часть которого не желала принимать идеи эмансипации.

Большое влияние на становление феминистского движения оказала Элиза Ожешко, одна из виднейших польских писательниц второй половины XIX в., в своих многочисленных сочинениях освещавшая сложные судьбы и проблемы женщин. Можно

¹ См.: *Матвеева В.С.* Женское движение в Царстве Польском в конце XIX – начале XX в. // *Индустриализация и общество. Социальные последствия индустриализации в Европе в XIX–XX вв.* / Под ред. Г.Ф. Матвеева. М., 2004.

с полным основанием утверждать, что именно Э. Ожешко олицетворяет этот этап развития движения. Впервые свои идеи Э. Ожешко выразила в «Газете Польской» в 1870 г., заявив, что равноправие женщины в обществе – это историческая необходимость. Уже через три года вышла в свет её повесть «Марта», признанная польской книгой столетия², в которой она говорила о необходимости получения девушками нового, более качественного образования для подготовки к самостоятельной жизни. В этом произведении автор описывает трагическую судьбу молодой вдовы, не имеющей образования и оставшейся одной с ребёнком. Познав множество лишений, она умирает в нищете, поскольку от неё отвернулось общество, ранее, когда она была замужней женщиной, относившееся к Марте с должным уважением.

Жизнь самой Э. Ожешко в какой-то степени перекликается с судьбой её героини. После поражения восстания 1863 г., её мужа сослали в Сибирь, а всё его имущество конфисковали. От собственного имени она была вынуждена отказаться, поскольку не могла его содержать из-за больших долгов. Вынужденная искать работу, она была взята российской полицией под наблюдение за деятельностью в области образования. За то, что Э. Ожешко добилась аннулирования брака и за связь с женатым мужчиной, её осудило польское общество. Нет ничего удивительного в том, что проблемы женщин занимают много места в её творчестве.

Писательница протестовала против такого разделения социальных ролей, при котором у женщины не было возможности для собственного развития. Согласно с программой позитивистов она поддерживала теорию «органического труда», рассматривала толерантность, образование, работу и знания как действительный прогресс. В концепции Э. Ожешко центральное место занимала проблема обучения женщин, получение ими профессии, сознательное управление своей жизнью. Она содействовала организационному оформлению движения за равноправие, не случайно первый нелегальный конгресс польских женщин, прошедший в

² Pietrow-Ennker B. Tradycje szlacheckie a dążenia emancypacyjne kobiet w społeczeństwie polskim w dobie rozbiorów // Kobieta i edukacja na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. Warszawa, 1995. T. II. Cz. I. S. 19.

Варшаве в 1887 г., был посвящён 25-летнему юбилею её литературной деятельности.

В очерке «Несколько слов о женщинах», который впервые был напечатан в журнале «Тыгодник муд и повесыци» и одновременно отдельной брошюрой в 1871 г., Э. Ожешко настойчиво подчёркивала, что потребность в изменении статуса женщины диктуется несправедливым для неё несоответствием между традиционной системой воспитания и реалиями современного мира. Равный доступ к образованию и устройству на работу женщинам требуется для того, чтобы выжить³. Одновременно писательница подчеркивала, что у женщин, в отличие от мужчин, есть дополнительные обязанности (воспитание детей, ведение хозяйства, соблюдение высокого морального облика и т.д.), которые при получении равноправия они всё равно обязаны выполнять.

Деятельность феминисток не ограничивалась публикацией статей и художественных произведений в различных изданиях и издательствах, они очень рано осознали необходимость создания собственных печатных органов, страницы которых можно было бы полностью посвятить вопросам равноправия и свободному изложению волновавших их идей.

В 1865 г. в Варшаве начинает выходить журнал для женщин под названием «Блющ» («Плющ», издавался до 1939 г.), вначале под редакцией широко известной Э. Ожешко, а позднее – Валерии Маррене-Морковской. А в 1884 г. – «Сьвит» («Рассвет», последний номер вышел в 1887 г.), который возглавляла популярная писательница Мария Конопницкая. В этих журналах печатались не только проза, стихи и полезные советы, но и информация о развитии женского движения. Феминистки обращались в первую очередь к образованным женщинам, которые могли прочитать и правильно оценить их тексты. Но это не значит, что они не понимали необходимости сотрудничества с крестьянской и рабочей средой и того, что это станет возможным только в случае создания отдельных женских организаций, активистки которых пойдут в народ.

³ Orzeszkowa E. Kilka słów o kobietach // Górnicka-Boratyńska A. Chcemy całego życia. Antologia polskich tekstów fementycznych z lat 1870–1939. Warszawa, 1999.

Как отмечает В.С. Матвеева, «пропагандистская деятельность варшавских позитивистов и Э. Ожешко не сразу привела к появлению особых женских организаций, без которых, собственно говоря, вряд ли можно говорить о женском движении в буквальном смысле этого слова. Нужно было время для подготовки соответствующего актива из числа самих женщин, без которого о таких организациях не могло быть и речи»⁴. Именно поэтому требовалось просветить их, рассказать о том, на что они имеют право.

Следует отметить, что женщины во время становления и развития движения делились на две группы: те, которые учили, и те, которых учили. Большая роль в повышении качества образования принадлежит активисткам женского движения за равноправие. Они, по собственной инициативе организовывая различные курсы, лекции и т.п., способствовали увеличению числа образованных работающих женщин, некоторые из которых также просвещали соотечественниц.

В 1870-е гг. имела место так называемая «ремесленная лихорадка». Множество женщин начало учиться на различных курсах и в училищах, тайных или легальных, чтобы затем работать в ремесленных мастерских, магазинах, ателье, стоматологических кабинетах. Во многих городах основываются ремесленные училища, слушательницами которых становились преимущественно представительницы интеллигенции и городских слоёв. Большинство из них учились на закройщиков, цветоводов, переплётчиков, лишь немногие выбирали перчаточное дело или сапожное ремесло, которые были новыми для женщин.

Обучение в ремесленных и торговых училищах было достаточно дорогим, поэтому их ученицы были в основном из средних слоёв общества. Дочери же рабочих, крестьян и ремесленников, желающие получить образование, были вынуждены устраиваться в частные мастерские на тяжёлую низкооплачиваемую работу.

Некоторые девушки, желая приобрести полноценное высшее образование, уезжали за границу, в Швейцарию или Бельгию, где была возможность обучения в университетах. Но не все могли

---

⁴ Матвеева В.С. Указ. соч. С. 61.

себе позволить оплатить пребывание там, поэтому активистки женского движения пытались создать свои аналоги высших учебных заведений. В Варшаве в 1883 г. Ядвига Шчавиньская-Давидова организовала тайный женский «летучий» университет. Всеми организационными вопросами и преподаванием в основном занимались женщины. Занятия проводились в разных местах, в зависимости от предоставления помещения для проведения лекций и семинаров по тому или иному предмету, в том числе и в некоторых легальных библиотеках-читальнях.

В университете было четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, педагогический и общественных наук. Ряд его слушательниц стали в будущем широко известными учеными (физик Мария Склодовская-Кюри, врач Ванда Шчавиньская, социологи Мария Вислоух и Зофья Дашиньская-Голиньская), педагог и правозащитница Стефания Семполовская и др. Вскоре в университет начали принимать и мужчин, в основном студентов Варшавского университета, которые высоко оценили подготовку преподавателей и содержание учебных программ. По некоторым оценкам, девушки составляли до 70 % общего числа его слушателей, поэтому его часто называли «бабьим университетом»⁵.

Конечно, у юношей было гораздо меньше причин для учёбы в «летучем» университете. У них имелись законные возможности получения высшего образования, к тому же обучение в официально не существующем учебном заведении не давало им впоследствии формальных оснований для работы по специальности. Тем не менее, «летучий» университет пользовался определённой популярностью, поскольку преподавание здесь, в отличие от Варшавского университета, велось на польском языке, поляками и в патриотическом духе.

В 1886 г. возникла первая всеобщая польская женская организация – Кружок женщин Короны и Литвы. В неё входили видные представительницы феминистского движения, такие как С. Семполовская, Иза Мосьценьская, З. Дашиньская-Голиньская,

⁵ *Wawrzykowska-Wierciochowa D. Udział kobiet w tajnym i jawnym ruchu społeczno-kulturowym w Warszawie w latach 1880–1914 // Z dziejów książki i bibliotek w Warszawie. Warszawa, 1961. S. 305.*

В. Маррене-Морковская, а возглавляли её писательницы М. Конопницкая и Э. Ожешко. Деятельность этой организации охватывала все польские земли, что было важным шагом на пути консолидации пока разобщённых сторонников равноправия.

Как отмечает исследовательница истории этой организации, её члены вели активную общественную деятельность. Одни «отправлялись в деревни работать народными учителями, чтобы там преподавать детям..., в это время другие..., закончив, к примеру, акушерские курсы, переезжали из города в провинцию, дабы заботиться о жизни и здоровье деревенских женщин»⁶. Они организовывали в городах и деревнях тайное обучение детей и женщин, различные курсы, читали лекции с целью просвещения сельского населения. В связи с этим встал вопрос о необходимости подготовки учительских кадров для работы в деревне. С этой целью были созданы тайные учительские курсы, в программу которых входили история Польши, география, литература, методика работы со взрослыми учениками и пр.

Кружок способствовал выпуску журналов для жителей деревни, а также специальной педагогической периодики, статьи в которые писали многие видные представительницы польского женского движения. Публикации касались насущных потребностей деревни и были нацелены не только на женщин, но и на мужчин.

В последние десятилетия XIX в. в регионе появилось множество женщин, пишущих о развитии движения и его основных идеях. Так, в Царстве Польском, отмечает А. Шварц, появилась достаточно большая «группа писательниц, порой высокого полёта, публицисток, специализирующихся на женской теме, авторов романов, а также произведений для детей»⁷.

В 1885 г. в Царстве Польском среди занятых в промышленном производстве работников 41 % (29 565 чел.) составляли женщины, в том числе 49,5 % в текстильной промышленности,

---

⁶ *Wawrzykowska-Wierciochowa D. Z dziejów kobiety wiejskiej. Warszawa, 1961. S. 38.*

⁷ *Szwarc A. Aspiracje edukacyjne i zawodowe kobiet w środowiskach inteligencji Królestwa Polskiego u schyłku XIX w. // Kobieta i edukacja na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. Warszawa, 1995. T. II. Cz. I. S. 77.*

45,6 % в бумажном и 40,6 % в деревообрабатывающем производстве⁸. Но при этом они по-прежнему были лишены основных прав. К примеру, их заработная плата в 1880-х гг. составляла порой лишь 50 % от уровня оплаты труда мужчин, а иногда и меньше. В связи с этим А. Жарновская отмечает: «Скорее всего, это было вызвано в первую очередь тем, что большинство женщин в это время выполняли работу, не требующую квалификации, и только меньшая часть занятых в промышленности работниц принадлежала к категории “обученных”. Впрочем, даже в этой категории рабочих конкуренция с мужчинами, более сильными физически, а потому лучше приспособленными к тяжёлой работе, закрывала женщинам путь к более оплачиваемым позициям»⁹.

Таким образом, в последней трети XIX в. деятельницы женского движения в Царстве Польском прилагают громадные усилия для подготовки общества к восприятию своих идей путём повышения уровня его образованности, создают организации для консолидации феминисток, всячески поддерживают женщин в желании учиться и работать. Но чёткая программа деятельности так и не была сформулирована, превалировали требования частичного освобождения женщины. Только в конце XIX в. на польских землях возникает новое, более радикальное, течение в движении за равноправие, поддерживающее тесные связи с зарубежными борцами за эмансипацию.

---

⁸ *Pietrow-Ennker B.* Op. cit. S. 16.

⁹ *Żarnowska A.* Kierunki aktywności zawodowej kobiet w Polsce XX wieku (do 1939 r.) // *Kobieta i edukacja na ziemiach polskich w XIX i XX wieku.* Warszawa, 1995. T. II. Cz. I. S. 117.

К. ЛЯТАВЕЦ
г. Люблин

**ВРАЧИ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
В СТРУКТУРАХ АДМИНИСТРАЦИИ
И САМОУПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**

Вопросы медицинского попечения в России с середины 1770-х гг. находились в компетенции учреждений общественного призрения. На их плечах лежала забота обо всех формах здравоохранения. Одна из реформ Екатерины II, регулирующая основы управления губерниями, ввела институт уездного лекаря (первоначально уездный доктор). Как правило, на территории каждого уезда действовал один врач. Этими чиновниками руководил губернатор, который и определял круг их обязанностей. По положению указа, вводящего этот институт, уездные врачи должны были оказывать медицинскую помощь всем лицам в ней нуждающимся, выдавать свидетельства о болезни, принимать участие в борьбе с эпидемиями, участвовать в заседаниях губернских врачебных органов. Лица, желающие занять должность уездного врача, должны были иметь степень врача или доктора, хорошо владеть русским языком и сдать экзамен по правам и обязанностям уездного врача.

Должности уездных врачей были введены по всей территории России. Функционировали они до конца 1917 г. и представляли собой ключевой элемент медицинской администрации. Причём зачастую они были единственными врачами, практикующими на данной территории.

Профессиональная врачебная помощь предоставлялась также врачами частной практики. Не все выпускники высших медицинских образовательных заведений попадали на государственную службу. Некоторые из них принимали решение заняться частной врачебной практикой.

Структуры здравоохранения получили шанс значительного развития с момента введения закона о земском самоуправлении (так называемых земствах). В 1864 г. в 34 губерниях центральной России были образованы уездные и губернские земские управы¹. В их компетенции оказался широкий спектр дел, связанных с организацией медицинской помощи местному населению. Земства решительно, уже в первые месяцы своего существования, предприняли действия на этой ниве. По праву использования фондов ликвидируемых структур общественного призрения были предприняты действия по переподчинению уездных и губернских больниц². Сначала это не принесло ощутимых эффектов. Отмечалось явное отсутствие долгосрочного плана оздоровления медицинских учреждений. Действия земств носили скорее импровизированный, чем продуманный характер³.

Одной из важнейших проблем, с которыми пришлось столкнуться земствам, стало отсутствие квалифицированных врачебных кадров. Хронический недостаток врачей приводил к невозможности расширения деятельности. Поиски кандидатов на должности земских врачей велись, прежде всего, среди тех, кто занимался частной практикой и выпускников медицинских факультетов, уже получивших право практиковать, а также среди лиц, исполнявших должности уездных врачей.

В 1866 г., т.е. после двух лет функционирования земской структуры здравоохранения, в России служило 288 земских врачей. Принимая во внимание обширные пространства, которые оказались под юрисдикцией самоуправления, это было каплей

¹ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 39. № 40 457.

² *Latawiec K.* Polacy w służbie medycznej ziemstw na przełomie XIX i XX w. na obszarach guberni nadczarnomorskich // Південний Архів. Историчні Науки. Херсон, 2005. Випуск XX. С. 88.

³ Ibid.

в море потребностей, и не могло удовлетворить нужды населения. Из-за отсутствия кадров было решено на территории каждого уезда держать только одного земского врача⁴. Чтобы охватить врачебной помощью всё население уезда, был введён специфический метод работы врачей. Их обязали совершать объезды всех населённых пунктов, где на месте оказывались медицинские услуги. Более того, они консультировали местных медицинских фельдшеров⁵. Система объездов принесла большую пользу населению. Земским врачам случалось принимать сложные роды. Они также проводили занятия для акушерок.

В 1870-е гг. земства продолжили набор желающих служить на должностях земских врачей. На этих постах в 1880 г. работало уже 1125 чел. Это позволило реформировать основы оказания медицинских услуг. Было решено разделить территории уездов на медицинские участки. В 1870 г. территория такого участка составляла в среднем 4800 кв. вёрст и работал на нём один врач. Увеличивающееся количество врачей под конец XIX в. оказало воздействие на уменьшение площади участков до 1800 кв. вёрст. Модификация системы коснулась также основ работы врачей. Стал заметен постепенный отход от института разъезжающего врача в пользу врача практикующего стационарно⁶. В 1880-х гг. этот процесс ускорился, так как работало уже более 1800 врачей⁷. Процесс отказа от практики объездов завершился в разных губерниях в разное время. Зачастую оба метода использовались одновременно. Нередко подобная ситуация зависела лишь от активности местного самоуправления и успехов, связанных с наймом врачей.

Вне сомнения, распространение системы стационарной врачебной практики позволило обустроить постоянные учреждения здравоохранения. Земским врачам пришлось организовывать для себя рабочие места, создавая амбулатории. Амбулатории, в свою

---

⁴ Łaski B. Kilka słów o medycynie ziemskiej w Rosyi // Kronika Lekarska. 1898. R. XIX. Z. 1. S. 39.

⁵ Ibid. S. 41–43.

⁶ Szumowski W. Dzieje organizacji medycznej w rosyjskim samorządzie ziemskim, czyli tak zwanej medycyny ziemskiej 1864–1914. Warszawa, 1919. S. 18–21.

⁷ Łaski B. Op. cit. S. 39–40.

очередь, становились основой для возникновения маленьких земских больничек не более чем на 10 коек.

Земства были заинтересованы в постоянной модернизации системы оказания медицинской помощи на территории своей губернии. Для единообразия медицинской политики губернские земства созывали съезды земских врачей. Они приносили много пользы. Улучшали координацию действий земских врачей. Предоставляли возможность обмена опытом использования новых методов лечения многих заболеваний и расстройств здоровья.

Врачи, решаясь работать под покровительством земства, подписывали контракт на определённый срок. Чаще всего это были годичные контракты. Врачи редко решались на более продолжительные договоры. За выполнение своих обязанностей они получали от 800 до 1200 р, что было немалой суммой. В глухой российской провинции эти деньги давали возможность вести достойный образ жизни. Более того, земские врачи получали преимущества, вытекающие из факта признания их гражданскими служащими⁸. Стоит приглядеться к обязанностям земских врачей. Основной задачей было оказание медицинской помощи местному населению и санитарный контроль помещений общественного пользования⁹. Последние контролировались во время санитарных осмотров. Постепенно власти стали проявлять инициативу по созданию на упоминавшихся медицинских участках хотя бы одной амбулатории. Эти скромные больнички давали возможность перестраивать их по мере выделения финансовых средств. Расширение больниц продолжалось в течение всего периода существования земств. В губернских городах создавались земские больницы, насчитывающие даже более 100 коек, в уездах – ограничивались несколькими десятками коек и спектр их деятельности был значительно уже. Последнее место занимали участковые – сельские больницы¹⁰. Конечно же, всё зависело от финансовой политики земств и величины располагаемых ими средств.

⁸ ПСЗ. 2-е собрание. СПб., 1876. Т. 3. Ст. 481–489; *Latawiec K.* Op. cit. S. 90.

⁹ *Kosiński S.* Rosyjska medycyna ziemiska i jej polska akomodacja // *Annales UMCS.* 1984. Sectio I. Vol. IX. S. 145.

¹⁰ *Ibid.* S. 148.

Расширением структур медицинской помощи занимались также органы городского самоуправления. Городские думы, действовавшие на основе положений указа 1870 г., имели возможность создавать свои больницы. Следует, однако, заметить, что города были специфическим местом с точки зрения доступности медицинских услуг. Здесь значительно легче было получить помощь врача частной практики. Более того, деятельность городских дум зачастую находила поддержку у земских организаций.

Ещё одной областью деятельности органов самоуправления, связанной со здравоохранением, было их участие в распределении фармакологических средств. Уже в 1860-е гг. появились первые земские аптеки. Иногда они принимали под своё крыло уже существующие аптеки, а иногда создавали их заново. Деятельность самоуправления в этой сфере могла бы оказаться неуспешной, если бы не сотрудничество с частными аптекарями. Им, зачастую, предлагалось действовать под покровительством земств. Эффектом стало постепенное разрастание сети земских аптек.

Представленная выше структура системы здравоохранения, действующая под опекой российского местного самоуправления, принесла существенную пользу. Это отразилось и на рынке труда. Работа, даваемая органами самоуправления, предоставляла шанс трудоустройства для многих выпускников медицинских факультетов университетов и других высших учебных заведений. Возникшие структуры, нацеленные на многостороннюю деятельность, требовали привлечения профессионального медицинского персонала, чтобы иметь возможность с полной ответственностью успешно реализовывать доверенные земствам задачи¹¹. Следует иметь в виду, что должности земских врачей появились в центральной России и эти вакансии ждали тех, кто выразит желание их занять. Казалось бы, что эти посты будут предназначены исключительно для врачей православного вероисповедания и русской национальности. Однако случилось иначе. Анализируя национальный состав земских врачей, можно найти среди них российских подданных, принадлежащих к польской или немецкой

---

¹¹ *Kosiński S.* Op. cit. S. 148–149.

национальности¹². Таким образом, у земств отсутствовала программа подбора медицинских кадров по национальному признаку. Это был второстепенный вопрос, не оказывающий большого влияния на процесс найма в рассматриваемые нами структуры.

Одним из главнейших факторов присутствия поляков в земской медицинской службе было сравнительно небольшое количество государственных должностей уездных врачей или врачей деревенских больниц на территориях, где польское население преобладало¹³. Не следует забывать и о политическом аспекте. Именно на территории Западного края власти предпочитали видеть на государственных врачебных постах не поляков, а представителей русской национальности. Следует отметить, что намного лучше выглядела ситуация с врачами-поляками в Царстве Польском. Здесь не часто решались направлять на должности уездных врачей русских¹⁴. Расширяющиеся структуры земского здравоохранения предоставляли возможность получения сравнительно постоянного места работы с солидным жалованием. Для поляков же это давало шанс на работу по специальности.

Среди выпускников медицинских факультетов российских университетов в Москве, Петербурге, Киеве, Варшаве, Казани, Одессе, Томске, Харькове и Юрьеве или Императорской медико-хирургической академии довольно солидную долю составляли поляки. К примеру, в 1885 г. в Харьковском университете медицине изучало 46 лиц римско-католического вероисповедания¹⁵. После бурных 1863–1864 гг. наверняка уменьшилась возможность занятия поляками врачебных должностей, но всё говорит о том, что отдельные органы самоуправления не руководствовались критериями национальности при подборе будущих земских врачей.

Многие поляки отдавали себе отчёт в том, что факт поступления на службу земским врачом был связан с необходимостью

¹² *Latawiec K.* Op. cit. S. 89.

¹³ Можно было бы провести отдельное исследование о поляках на должностях ветеринарных врачей в глубине России.

¹⁴ *Latawiec K.* Op. cit. S. 90.

¹⁵ *Wojślawski L.* Polacy w Guberni Charkowskiej w końcu XIX wieku (lata 1881–1900) // *Kształowanie pamięci narodowej: Polska i Ukraina. Referaty konferencji międzynarodowej.* Charków, 2008. T. 3. S. 9.

покинуть постоянное место жительства, например, в одной из губерний Царства Польского в пользу губернии, расположенной между Днепром и Волгой. Желание работать по специальности, заниматься врачебной практикой под опекой органов самоуправления, которые предоставляли относительно много свободы, было решающим доводом в пользу выбора этой должности.

Приверженность к земской медицине диктовалась часто и неудачами в ведении частной врачебной практики. Так, отсутствие возможности иметь собственный врачебный кабинет стало непосредственной причиной появления Адама Гущи на должности земского врача в Полтавской губернии (1902–1904 гг.) или Виктора Фивегера в Никополе Екатеринославской губернии (1905–1906 гг.)¹⁶.

Ещё одной притягательной для поляков причиной работы в структурах земской медицины была экономическая выгода. Как уже упоминалось, земские врачи получали твёрдый оклад жалования. Перспектива немедленного, после окончания учёбы, получения места врача, была, вне сомнения, привлекательна. Земства также заботились о повышении профессионального мастерства своего медицинского персонала. Врачей посылали на всевозможные курсы, съезды, на стажировку при медицинских факультетах университетов или даже в иностранные научные институты. Такой возможностью воспользовался и Казимеж Бабский, которого Харьковское губернское земство направило в ларингологическую клинику профессора А. Юраша во Львове¹⁷. Как можно заметить, множество факторов определяло присутствие поляков в медицинских структурах финансируемых российскими органами самоуправления.

Стоит присмотреться к некоторым полякам, занимавшим медицинские посты в местной администрации Российской империи (не считая Царства Польского), уделив наибольшее внимание уездным врачам. Первые поляки на этих должностях появились в глубине России, по-видимому, ещё в 1830–1840-е гг.

¹⁶ *Szarejko P. Słownik lekarzy polskich XIX wieku. Warszawa, 1991. T. 1. S. 180, 230.*

¹⁷ *Ibid. S. 45.*

В 1869 г. врачом Мелитопольского уезда Таврической губернии был назначен Октавиан Пиотровский. Пятью годами позднее он был переведён на должность врача г. Мелитополя, где проработал до 1876 г.¹⁸

В течение многих лет в Острожском уезде Воронежской губернии уездным врачом работал Францишек Домбровский¹⁹.

Достаточно любопытно протекала работа врача Феликса-Эдварда Точиньского. Под конец 1862 г. властями Харьковского университета ему была присвоена степень доктора. В середине января 1863 г. он занял пост врача Мезенского уезда Архангельской губернии. Там проработал до конца апреля 1864 г., после чего был переведён на аналогичную должность в Демьяновский уезд Новгородской губернии. В марте 1872 г. власти переместили доктора Ф.-Э. Точиньского на пост врача г. Валдайска, где он прослужил шесть лет. Пребывание в Валдайске было прервано начавшейся Русско-турецкой войной. В январе 1878 г. он занял должность старшего ординатора временного военного госпиталя № 38. После годичного исполнения этой должности, в январе 1879 г. он прибыл в Липецк, где приступил к обязанностям уездного врача. Службу на этой должности закончил под конец декабря 1881 г.²⁰

На Кавказе уездным врачом работал Роман Выжиковский. В качестве выпускника Киевского университета он в 1889 г. попал в Потю, где стал работать врачом. Впоследствии его перевели в Ейск, где он пребывал примерно до 1907 г.²¹

Казимеж Толвиньский – это очередной пример работы уездного врача. После окончания Казанского университета осел в Костроме, где уже жили его родители, и получил там должность уездного врача²².

¹⁸ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1371. К. 59–63.

¹⁹ Францишек Домбровский умер в 1912 г. См.: *Акиншин А.Н.* Воронежский некрополь. Вып. 2: Лютеранские и католические захоронения на Вознесенском (Чугуновском) кладбище. СПб., 2002. С. 171.

²⁰ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1849. К. 1–7.

²¹ *Szarejko P.* Op. cit. S. 597.

²² *Ibid.* S. 553.

Глубокий анализ работы Петра Шарейко, озаглавленной «Словарь польских врачей XIX века» позволяет нам осознать степень присутствия и активности поляков на постах уездных врачей. Со всей уверенностью можно утверждать, что в течение нескольких десятилетий через эти должности прошло не менее ста врачей польской национальности. Проблема продолжает оставаться неисследованной и в будущем стоило бы создать исследовательский коллектив, который занялся бы основательным поиском в архивах стран, возникших на развалинах Российской империи.

Говоря о присутствии врачей польской национальности на уровне администрации Российской империи, нельзя не вспомнить о тех, кто служил в структурах, подчинённых Министерству финансов. Многие из них работали в учреждениях Департамента таможенных сборов (на таможах и в пограничной страже). Эту проблему исследовать непросто. Мешает отсутствие соответствующих материалов, оставшихся от действовавших органов таможенной администрации. Единственным источником, сохранившимся для исследований, являются печатные списки врачей, служивших, например, в пограничной страже (см. табл. 1).

На службу в пограничную стражу врачи попадали, как правило, после многолетней практики в воинских частях, органах гражданской администрации или после периода частной врачебной практики. Довольно часто выбор места службы зависел не от них самих. Служба протекала в частях пограничной стражи, дислоцированных на побережьях Балтийского и Чёрного морей, на персидской, афганской границах или в Заамурском округе пограничной стражи²³.

Однако наибольшую активность польские врачи проявили в земском здравоохранении. Поляки присутствовали в этих структурах с конца 1860-х гг. и до момента ликвидации земств в 1917 г. Многие врачи попали на службу в земствах сразу же после получения врачебного диплома. Именно таким образом свой роман с земской медициной начал Виталис Хоментовский, который после окончания Киевского университета Св. Владимира

²³ См.: Список медицинским и ветеринарным врачам, классным чиновникам и священникам Отдельного корпуса пограничной стражи по старшинству. Составлен по 1 июля 1904 г. СПб., 1904.

Таблица 1

**Врачи польской национальности,
служившие в пограничной страже России в 1912 г.**

Имя и фамилия	Место получения образования	Начало службы в пограничной страже
Альберт Янушевский	Императорская Военно-медицинская академия	1896 г.
Игнаций Терлецкий	Варшавский университет	1896 г.
Юзеф Домбровский	Юрьевский университет	1896 г.
Юзеф Краевский	Варшавский университет	1896 г.
Теофил Леськевич	Варшавский университет	1896 г.
Томаш Краевский	Варшавский университет	1896 г.
Бронислав Павлович	Императорская Военно-медицинская академия	1897 г.
Зыгмунт Сырокомский	Киевский университет Св. Владимира	1900 г.
Леон-Казимеж Клиотт	Варшавский университет	1901 г.
Куно-Конрад-Мацей фон Корвин-Вежбицкий	Московский университет	1901 г.
Ян Гельднер	Юрьевский университет	1901 г.
Александр Гуминьский	Императорская Военно-медицинская академия	1902 г.
Герберт Клеменс	Юрьевский университет	1902 г.
Владислав Мажецкий	Киевский университет Св. Владимира	1906 г.
Владислав Карпович	Харьковский университет	1909 г.
Казимеж Ходоровский	Юрьевский университет	1912 г.
Юзеф-Винцентий Лебля	Варшавский университет	1912 г.

Источник: Личный состав чинов Отдельного корпуса пограничной стражи на 1913 год. СПб., 1913.

в 1898 г. попал на должность земского врача в с. Владимировка Херсонской губернии²⁴. После получения диплома медицинского факультета Харьковского университета подобный путь избрал Леонард Бобровский-Королько, работавший в Кишинёвском уезде Бессарабской губернии. Харьковский университет окончил и Казимеж Ревковский, который в 1873–1876 гг. служил на одном из участков земской медицины в Екатеринославской губернии²⁵. Стефан Криницкий после окончания Московского университета работал земским врачом в Саратовской губернии²⁶.

Даже при создании земств в губерниях Западного края не чинились препятствия для найма в них поляков. Показательным примером может послужить личность Людвика Чарковского. Этот выпускник Варшавского университета после многолетней врачебной практики в Семятычах в Бельском уезде Гродненской губернии, в 1912 г. стал земским врачом в Сене Могилёвской губернии. Работал там до 1918 г. руководя небольшой земской больницей²⁷.

Среди земских врачей польской национальности встречаются выдающиеся личности, которые внесли заметный вклад в развитие медицины. Юзеф Коляновский, один из выпускников Киевского университета Св. Владимира конца 1850-х гг., через десять с небольшим лет попал в Кобеляцкий уезд Полтавской губернии. Здесь он стал заметной фигурой в уездном земстве и занялся совершенствованием состояния земской медицины. В 1873 г. Ю. Коляновский подготовил «Инструкцию земским фельдшерам Кобеляцкого уезда». Таким образом он пробовал обратить особое внимание медперсонала земской службы здравоохранения на решение медицинских проблем, возникающих у местного населения. Несколькими годами позже, в 1881 г. в Полтаве вышла очередная его работа «О санитарном надзоре, как мере против дифтерита»²⁸.

²⁴ *Szarejko P.* Op. cit. S. 106–107.

²⁵ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 1495. K. 16–21; *Latawiec K.* Op. cit. S. 91.

²⁶ APL. RGL (1867–1918). Sygn. osobowe 885. K. 11–12, 33–37; *Latawiec K.* Op. cit. S. 91.

²⁷ *Szarejko P.* Op. cit. S. 119.

²⁸ *Ibid.* S. 282.

Ещё одной формой активности поляков, связанной с земским здравоохранением, стало их участие в создании аптечной сети и распределении фармакологических средств. Особенно заметным был их вклад в создание аптек на территории нынешней южной Украины²⁹.

Упомянутые выше врачи были связаны с земской медициной. Это лишь некоторые из тех, чья служба в системе российского здравоохранения установлена. Однако чтобы оценить действительный масштаб присутствия поляков в земской медицине, следовало бы, как и в случае с уездными и городскими врачами, провести трудоёмкий архивный поиск. Огромным успехом стало бы создание исследовательского коллектива, который поставил бы перед собой задачу создать монографию, в которой была бы освещена роль польских врачей в системе здравоохранения Российской империи.

---

²⁹ См.: *Latawiec K.* Op. cit. S. 92–94.

Н.С. СИДОРЕНКО
г. Краснодар

Р. ИНГАРДЕН И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Современное мышление под феноменологией опознаёт определённого рода методологические принципы, лежащие в основании гносеологической установки. Но феноменология, прежде всего, представляет собой новое освещение старых классических проблем, связанных с пониманием опыта сознания и философии, которая делает этот опыт явным для нас. Между тем само это явление в философском мире имеет сложный характер, не сводимый к конкретным персоналиям. Точнее, можно сказать, что феноменология как философское течение XX в. существует сама по себе, а учение Э. Гуссерля (её основателя) – само по себе. Но и то, и другое во многом определили характер и особенности экзистенциального способа мыслить, герменевтических рассуждений и лингвистических раскладок аналитической философии.

В этом плане интересны взгляды польского мыслителя Романа Витольда Ингардена (1893–1970), который, с одной стороны, был непосредственным участником феноменологического движения, ближайшим учеником и последователем Э. Гуссерля и чуть ли не единственным из тех мыслителей, которые уяснили всю глубину гуссерлевских открытий. Но, с другой, он пытался перерастить своего учителя в смысле преодоления противоречивых моментов феноменологической программы. И в этом преодолении выкристаллизовалось его собственное философское учение,

связанное уже не столько с гносеологической тематикой и её нерешёнными проблемами, а с онтологическим экскурсом в мир идеальных предметностей. Речь идёт, конечно, о его специфическом осмыслении литературных, музыкальных, художественных и даже архитектурных явлений и выявлении их структуры и особенностей¹.

Р. Ингарден заявляет, что поиски трёх мыслителей предопределили путь развития философской мысли после того, как немецкая классическая традиция уступила место позитивистским настроениям и психологизму. Ф. Brentano, К. Твардовский и Э. Гуссерль каждый по-своему исследовали постигающее отношение (то, что связывает объект и субъект познания между собой). Их анализ нашего сознания и привёл к выявлению его интенционального характера. Т. е., сознание всегда направленно на объект. Это и составляет его существенную особенность. Но Р. Ингарден предлагает говорить не об «интенциональных актах», а об «актах-интенциях», поскольку имеются и «интенциональные»

---

¹ Р. Ингарден родился 5 февраля 1893 г. в Кракове. В 1911–1912 гг. учился во Львовском университете, слушал лекции основателя Львовско-Варшавской школы К. Твардовского. В 1912–1915 гг. обучался в Гёттингенском университете, слушал лекции Э. Гуссерля, вошёл в круг его ближайших учеников. В 1916–1917 гг. учился во Фрайбургском университете, где продолжил интенсивно общаться с Э. Гуссерлем. Р. Ингарден также занимался математикой у Д. Гилберта и психологией у Г. Мюллера. В 1918 г. защитил написанную под руководством Э. Гуссерля докторскую диссертацию «Интуиция и интеллект у Анри Бергсона». Состоял в переписке с Э. Гуссерлем вплоть до смерти последнего, считал, что содержание первого тома его «Идей к чистой феноменологии» есть существенный прогресс в философии XX в. Но уже в 1918 г. высказал своё несогласие с ним по ряду положений. В целом Р. Ингарден не принял идеи позднего Э. Гуссерля – его трансцендентальную феноменологию; критиковал её с позиций, близких реалистической традиции Львовско-Варшавской школы. С 1918 г. преподавал во Львовском университете (доцент в 1925–1933 гг., профессор в 1933–1941 гг.), во время оккупации 1941–1944 гг. подпольно. С 1938 г. редактировал журнал «*Studia Philosophica*» (с перерывами журнал просуществовал до 1948 г.). В 1945–1949 и 1957–1963 гг. профессор Ягеллонского университета (Краков). В первой половине 1950-х гг. был отстранён от преподавания (до 1956 г.). Занимался переводом «Критики чистого разума» И. Канта, который был опубликован в 1957 г., в этом же году Р. Ингарден был избран членом Польской АН. Умер философ в Кракове 14 июня 1970 г.

предметы². В этих актах мы что-то схватываем, определяем отношение к чему-либо, на первый план выходит особый способ обращения, в котором я в своём восприятии или мышлении обращаю своё внимание на какой-либо объект. Интенция или интенциональность раскрывают специфику непосредственного познания, и на этой основе закладывается фундамент новой теории сознания и, соответственно, опыта сознания. В этом плане выделяется феноменологическая установка Э. Гуссерля.

Но что такое «опыт»? Обычно под этим понятием понимается данные органов чувств или внутреннее восприятие, а именно так называемая рефлексия. Э. Гуссерль открывает иные перспективы для анализа опытного знания. Прежде всего, он расширяет границы понятия «опыт». Узкое его рассмотрение уже исчерпало себя в рационалистическом и эмпиристском догматизме. Э. Гуссерль отталкивается от непосредственности опытного знания. Оно олицетворяет собой живой контакт с реальностью. Иначе его можно охарактеризовать как изначально дающее созерцание или интуиция. Получается, что в этом изначально, подлинном опыте подтверждаются определённые познавательные результаты, их истинность и значимость. Какое-либо сомнение абсурдно. При этом существует не один вид непосредственного знания, а столько – сколько может открыться нам видов предметной реальности. Феноменология признаёт наличие особой коррелятивности между свойствами познаваемых предметов и характером постигающего отношения.

Вообще понятие опыта очень сложно и неоднозначно. Восприятие какого-либо объекта – непосредственное его самораскрытие – существенно отличается от ощущений, которые им вызваны и которые в большей степени имеют субъективный характер. Тем более и восприятие, и ощущение нельзя сравнивать с представлением. В нём мы имеем дело не с реальным предметом, а с мыслимым. То же самое можно сказать, что Я как физически-телесно-душевное существо есть нечто иное, чем мои текущие многообразные переживания.

Из этого вытекает и специфическое понимание сознания в

---

² *Ингарден Р.* Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля / Пер. А. Денежкина и В. Куренного. М., 1999.

феноменологической философии. Оно выступает не как нечто замкнутое в себе, а открытое миру и способное вместить саму вещь и не довольствоваться только её заместителями, которые невозможно сличить с подлинником. Но в ходе развития гуссерлевской феноменологии изменяется смысл сознания. В «Логических исследованиях» под «сознанием» он понимал психическую реальность, а именно всё, что содержит в себе интенцию, что является «интенциональным»³. А в первом томе «Идей к чистой феноменологии...» уже ставятся «правовые вопросы» конституирования и формируется понятие «чистого» сознания⁴. Т. е., на лицо возврат к трансцендентальной установке, сформулированной И. Кантом.

Следует заметить, что Р. Ингарден вдохновляется идеями раннего Э. Гуссерля (периода «Логических исследований»), когда немецкий философ заинтересован прояснением предметной структуры того, что конституируется. В дальнейшем он переходит к теме актов конституирования как таковых вне зависимости от предмета, на который они направлены. Э. Гуссерль несколько не доволен онтологическими поисками своего ученика. Для него в то время онтология стала запретной тематикой, так как Э. Гуссерль был уверен, что, в конечном счёте, всё должно быть подвергнуто редукции. Согласно же анализу Р. Ингардена сознание включает в себя не только акты Я, но и нечто, что к Я не относится, а именно оттенки и смыслы того, на что и направлены акты Я. И если мы отнесём это всё к сфере сознательного, то вновь вернёмся к психологистической точке зрения, которой так старались избежать. Чтобы доказать свою теорию польский философ и обращается к анализу художественного произведения. Здесь ясно, что мы имеем дело с двумя реальностями: должны существовать картина или литературное произведение и я, как активный наблюдатель и читатель. Тем не менее, он признаёт результаты почти всех позитивных аналитических исследований Э. Гуссерля, видя в них больше достоинств, нежели недостатков.

³ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1 // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

⁴ *Он же*. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. Т. 1.

Любое литературное произведение представляет собой нечто многослойное и последовательное (Р. Ингарден говорит о минимуме четырёх слоёв, которыми должно обладать произведение художественной литературы). Помимо этого польский философ выделяет следующие черты художественного творчества. Прежде всего, речь идёт о некоторой неопределённости, незаконченности и как бы «неустойчивости» его специфики. Это определяет и специфику чувств, охватывающих читателя. Он полностью подчиняется «очарованию» текста, его незавершённости и динамичности. Таким образом, «домысливание» и «доигрывание» ситуации является необходимым элементом литературного произведения. Реальная ситуация лишена всего этого. Ведь в ней всё ясно и определено, и в этом плане мы выступаем как пассивные наблюдатели, а не активные «соавторы». Помимо этого, Р. Ингарден говорит о схематичности произведений художественной литературы. «Она проистекает, во-первых, из существенной диспропорции между языковыми средствами изображения и тем, что должно быть изображено в произведении, а во-вторых, из условий эстетического восприятия произведения художественной литературы, которые также имеют существенное значение»⁵. К этому следует добавить, что предметы, изображаемые в произведениях художественной литературы несут в себе отпечаток индивидуальности, даже если они воплощают общие типы или характеры. «Не общая идея человека, а отдельные люди находят своё изображение в произведениях художественной литературы»⁶.

Р. Ингарден замечательно анализирует эстетическую реальность и само эстетическое чувство (не без использования различных художественных средств, что свидетельствует о наличии таланта не только философа, но и писателя). Он ставит ряд очень важных не только для эстетики, но и для гносеологии вопросов. Что делает предмет – предметом искусства и эстетической ценностью? Как возникает во мне эстетическое переживание этого предмета? Что оно собой представляет? Эти вопросы восходят

⁵ Ингарден Р. Исследования по эстетике / Пер. А. Ермилова и Б. Фёдорова. М., 1962. С. 46.

⁶ Там же. С. 47.

ещё к Сократу и Платону. Какую новизну в их решение вкладывает Р. Ингарден? «Предмет эстетического чувствования не идентичен никакому реальному предмету, – пишет он, – и лишь некоторые, особым образом сформированные реальные предметы служат в качестве исходного пункта и в качестве основы построения определённых эстетических предметов при соответствующей направленности воспринимающего субъекта»⁷. И далее он говорит о том, что не следует полагать, будто эстетическое переживание есть какое-то только пассивное и бездеятельное «созерцание» качеств в отличие от активной практической деятельности. «Наоборот, эта фаза весьма активной, интенсивной и творческой жизни личности; другое дело, что данные действия не вызывают никаких изменений в окружающем нас реальном мире и не “рассчитаны” на это»⁸.

Следует добавить, что эстетическое переживание – это множество сложных переживаний, фиксирующих целый ансамбль качеств предмета. «Эстетическое переживание, как я уже показал, не является – вопреки тому, что мы часто слышим, – каким-то мимолётным переживанием, мимолётным ощущением приятного или неприятного, возникающим в ответ на определённые данные чувственного наблюдения, а есть сложный процесс, который имеет различные фазы и протекает своеобразно»⁹. Он прерывает привычный ход нашей жизни, наполняя его иным, совершенно новым смыслом, который осознать сразу невозможно. Перед нами как бы открываются двери в неизведанное, но такое сладостное и манящее. «В позднейших фазах интенсивного эстетического переживания может возникнуть особое и столь хорошо известное нам явление *quasi*-забвения реального мира. Это находится в непосредственной связи с изменением направленности, какое совершается в нас благодаря предварительной эстетической эмоции»¹⁰.

Таким образом, весь процесс эстетического переживания представляет собой сочетание активных творческих фаз и

⁷ Ингарден Р. Исследования по эстетике... С. 122.

⁸ Там же. С. 133.

⁹ Там же. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 128.

пассивное вчувствование, когда созерцание застывает. Этот процесс, конечно, нельзя назвать познанием, но к нему применимо иное понятие – опыта.

Р. Ингарден называет учение Э. Гуссерля – живым философствованием. Оно радикальным образом превосходит всех его последователей научной серьёзностью и продуманностью феноменологических анализов. Действительно, Э. Гуссерль был слишком мудр для нас и слишком сложен. И Р. Ингарден сокрушается о том, что феноменологическая традиция ныне предана забвению. Более того, во Франции, Америке или Германии когда говорят «феноменология», то имеют в виду учения Жана-Поля Сартра, Мориса Мерло-Понти или же Мартина Хайдеггера. Так получается, что истинный феноменологический анализ познавательной деятельности и окружающей нас реальности остаётся за кадром. Эту несправедливость и пытался устранить польский мыслитель всем своим творчеством. Оригинальность его философской позиции показывает, что ему это удалось.

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И КАВКАЗЕ

О.В. МАТВЕЕВ
г. Краснодар

ПОЛЯКИ В УКРЕПЛЕНИЯХ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ В 1830–1850-е гг.*

В отечественной исторической науке долгое время отстаивалась идея растворения индивидуального в общественном. Лишь в последние десятилетия исследователей всё более привлекает «жизнь незамечательных людей». Для изучения формирования индивидуальных стратегий экстремального выживания и трансформации ценностных ориентиров и приоритетов под влиянием ограниченного пространства, специфики окружения и правовой регламентации важной и интересной представляется проблема исторической повседневности поляков в условиях Кавказской войны. В данной работе предпринята попытка рассмотреть историю повседневности солдат и офицеров польского происхождения в укреплениях Черноморской береговой линии в 1830–1850-е гг.

В 1837 г. по инициативе Николая I была учреждена Черноморская береговая линия из 17 укреплений, разбросанных от Анапы до Поти. По замыслу императора, задача черноморских гарнизонов заключалась в том, чтобы пресечь снабжение горцев оружием и боеприпасами морским путём из Турции, а также противостоять работорговле и черкесскому пиратству. Однако

---

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 07-01-38102 а/Ю).

береговые укрепления, вместо того чтобы сдерживать горцев, сами оказались в состоянии блокады. Даже из-за стен фортов нельзя было показаться, не рискуя жизнью: всё – от возделывания огородов до рытья могил – оплачивалось кровью. Кроме того, все усилия полковых медиков были бессильны перед здешней малярией. Дело нередко доходило до того, что 9/10 солдат гарнизона лежали больными...

Среди личного состава черноморских линейных батальонов оказалось немало поляков. Выпускник Академии Генерального штаба, генерал-лейтенант Г.И. Филипсон в своих воспоминаниях отмечал, что «поляков в войсках береговой линии, офицеров и солдат, было более 10 %»¹. О том, насколько эти данные точны, судить трудно. Архивные материалы дают сведения лишь о лицах римско-католического вероисповедания. Среди последних же встречались не только поляки, но и немало белорусов, украинцев и даже армян (например, вице-адмирал Л.М. Серебряков). К началу 1843 г. на Черноморской береговой линии, включая Абхазию, находилось следующее количество воинских чинов римско-католического вероисповедания: генералов – 1, штаб- и обер-офицеров – 70, нижних чинов и «разного звания людей» – 1762, «жён их и детей обоего пола» – 62, всего – 1895². По укреплениям ситуация варьировалась. Больше всего католиков было в Новороссийске: 1 генерал, 16 штаб- и обер-офицеров, 6 офицерских жён, 3 детей, 6 жён классных и гражданских чиновников и 408 нижних чинов. В крепости Анапа находились католиков: 12 штаб- и обер-офицеров, 2 женщины и 1 ребёнок, 170 нижних чинов и 17 неслужащих. В форте Раевский служили 37 католиков, в укреплении Гостагаевском – 36, в Кабардинском – 33, в станице Витязевой – 31, в станице Николаевской – 63, в укреплении Джемете – 27³. В Геленджике на 26 января 1843 г. находилось 111 католиков, в укреплении Новотроицком – 19, в Тенгинском – 39,

¹ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 142.

² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 81.

³ Там же. Л. 59об. – 61.

в форте Вельяминовский – 63, в форте Лазаревский – 39, в форте Головинский – 36⁴.

В кавказоведческой литературе сложился стереотип, что чуть ли не все поляки попадали в состав войск Отдельного Кавказского корпуса принудительно. Сначала 2 тыс. уроженцев бывшей Речи Посполитой, воевавших в армии Наполеона и взятых в плен с оружием в руках, были распределены по гарнизонам крепостей. За ними последовали участники восстания 1830–1831 гг. и разного рода «неблагонадёжные»⁵. Однако официальные данные о поляках в кавказских войсках говорят о том, что подавляющее число солдат польского происхождения было призвано в качестве рекрутов. Из сохранившейся в бумагах А.М. Дондукова-Корсакова ведомости явствует, что в 1835–1846 гг. в Отдельный Кавказский корпус было призвано 14 430 поляков⁶. Число же участников Ноябрьского восстания, прибывших в Отдельный Кавказский корпус, по подсчётам современного историка В. Цабана, составило всего 1865 чел.⁷ Нехитрый подсчёт показывает, что призванные на действительную службу в обычном порядке из польских, украинских и белорусских губерний почти в восемь раз превышали число участников вооружённых выступлений против царской власти. Указание мемуариста Матеуша Гралевского о свыше 20 тыс. репрессированных поляках в 1840–1850-х гг. на Кавказе⁸, некритически повторяемое отечественными и польскими историками (В.А. Дьяков, Л.Г. Подлевских, М. Яник, И.В. Цифанова и др.), из идейно-политических соображений преувеличивает масштабы карательной политики царизма.

⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 45об. – 47.

⁵ *Латин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 246.

⁶ *Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917.* М., 1976. С. 123.

⁷ *Цифанова И.В.* Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. С. 84. И.В. Цифанова почему-то ссылается на использование этих данных краснодарским исследователем В.Н. Ракачёвым, хотя в указанной работе последнего об этом ничего не говорится.

⁸ *Gralewski M.* Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Lwów, 1877. S. 53.

Что касается офицерского состава, то анализ формулярных списков Черноморских линейных батальонов показывает: в большинстве своём офицеры польского происхождения были дворянами без имений, стремившимися улучшить своё материальное положение воинской службой. В условиях Кавказской войны можно было отличиться и быстро сделать карьеру.

Так, подполковник Иван Матвеевич Банковский, воинский начальник форта Головинского, был «из вольноопределяющихся Ковенской губернии города Шавии», римско-католического вероисповедания. В службу вступил в 1820 г. в бывший 24-й Егерский полк, но лишь в конце 1828 г. был удостоен первого офицерского чина прапорщика. С переводом в марте 1841 г. в Черноморский линейный № 4 батальон его служебная карьера пошла по нарастающей: 15 июня 1842 г. пожалован «за отличие по службе капитаном», 16 июля 1846 г. «за отличие противу горцев майором», 23 декабря 1846 г. «за примерный подвиг противу горцев подполковником». И.М. Банковский был кавалером орденов Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 3-й степени, имел «серебряную медаль за Турецкую войну»⁹.

Команданту крепости Новороссийск Марку Константиновичу Ясинскому в 1849 г. было 52 года, он происходил из дворян Могилевской губернии, принадлежал к римско-католическому вероисповеданию, имения не имел. За отличие по службе в 1832 г. был пожалован чином подполковника, а 16 ноября 1839 г. произведён «за отличие в делах противу горцев в полковники». Имел ордена Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-й степени, «императорской короной украшенный», и 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени, знак отличия за XXV лет службы и медали в память Отечественной войны 1812 г. и взятия Парижа в 1814 г.¹⁰

Командиру Черноморского линейного № 1 батальона майору Игнатию Григорьевичу Гучинскому в 1849 г. было 49 лет. Он происходил из дворян Волынской губернии, римско-католического вероисповедания, имения не имел, был кавалером орденов

⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 950. Л. 1об. – 3об.

¹⁰ Там же. Д. 962. Л. 13об. – 27.

Св. Анны 2-й степени «с императорской короной, таковой же степени без короны», Св. Владимира 4-й степени с бантом и Св. Анны 3-й степени, имел «серебряные медали за Персидскую 1826, 1827 и 1828 и Турецкую 1828 и 1829 годов войны и знак отличия беспорочной службы за XX лет»¹¹.

Помимо материального стимула не последнюю роль, видимо, играло то, что многие шляхтичи, добровольно участвовавшие в Турецкой и Кавказской войнах, видели в военной службе возможность продолжить вековые традиции польского средневекового пограничья¹². Из поколения в поколение в польских семьях передавались предания о славе рыцарей, оборонявших рубежи Речи Посполитой от набегов татар и турок¹³. Г.И. Филипсон в своих воспоминаниях с теплотой отзывался о воинском начальнике Новотроицкого укрепления подполковнике Карове, который служил в польских войсках во всех наполеоновских войнах, «в 1831 г. командовал полком против нас, а в 1840 г. пожелал вступить в ряды нашей армии». Некоторые офицеры предполагали, что «Карове шут, или выжил из ума». Каково же было удивление Г.И. Филипсона, когда он увидел добросовестного и разумного начальника гарнизона, служившего по убеждению. «Скоро его разумная доброта, – писал мемуарист, – сделалась известной даже ближайшим немирным горцам, и нередко случалось, что они приходили к старику с просьбой разбирать их ссоры или тяжбы. От этого враждебность ближайших горцев значительно ослабела, гарнизон мог выменивать скот на порцию, отчего болезненность заметно уменьшилась»¹⁴. Подполковник Пётр Осипович Корове, которому в 1849 г. исполнился 61 год, происходил «из дворян города Познани Великого княжества Познаньского», принадлежал к римско-католическому вероисповеданию и действительно имел насыщенный боевую биографию. В службу вступил подпоручиком в ноябре 1806 г. в штаб французских войск дивизионного генерала Гюдена. В составе наполеоновских войск участвовал

¹¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 962. Л. 29об. – 39.

¹² Цифанова И.В. Указ. соч. С. 100.

¹³ Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 112.

¹⁴ Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 162.

в походах 1806–1812 гг., в сражениях под Пултуском, Гейльсбергом, Прейсиш-Эйлау, Кёнигсбергом, при осаде Бобруйска, под Борисовом, при Березине и др. В деле под Прейсиш-Эйлау ранен штыком в левую руку, при переправе через Березину ранен пулей в голову, лечился в Виленском военном госпитале. 15 декабря 1812 г. был взят в плен, в котором находился до 14 апреля 1814 г. В 1810 г. получил Золотой крест «за военное достоинство». В 1831 г. подполковник Корове командовал 12-м пехотным польским полком в Плоцком воеводстве и действовал против русских войск. Однако «возобновил верноподданную Его Императорскому Величеству присягу» и в 1840 г. определён на службу в резервный Черноморский линейный № 13 батальон¹⁵. 8 мая 1844 г. Пётр Осипович «в воздаяние отлично усердной и ревностной службы в России Всемиловнейше награждён орденом Св. Станислава 2-й степени». 10 апреля 1848 г. «в награду отличного усердия и ревностной службы Всемиловнейше пожалован орденом Св. Анны 2-й степени». А 6 декабря 1846 г. «за содействие в освобождении из плена от кавказских горцев трёх австрийско-подданных» награждён австрийским орденом Железной короны 3-й степени¹⁶.

Многие офицеры польского происхождения, служившие в фортах Черноморской береговой линии, в своё время не только не участвовали в Польском восстании 1830–1831 гг., но и активно содействовали его подавлению. Так, командир роты в 1849 г. Черноморского линейного № 1 батальона капитан Антон Габриелевич Ольшевский в 1833 г. «за отличие в сражениях против польских мятежников произведён в прапорщики»¹⁷, как и его младший брат – Семён Габриелевич Ольшевский¹⁸.

Командир в 1849 г. 3-й линейной роты Черноморского № 3 батальона капитан Франц Геронимович Посербский во время Польского восстания остался верен присяге, неся службу в Брест-Литовском полку¹⁹.

¹⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 957. Л. 1об. – 3об.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 944. Л. 1об.

¹⁸ Там же. Л. 89об.

¹⁹ Там же. Д. 946. Л. 9об. – 10об.

Командир роты в 1849 г. Черноморского линейного № 7 батальона капитан Иван Томашевич Завадский участвовал в сражениях с польскими повстанцами «под командою генерал-адъютанта барона Розена 1-го»²⁰.

Командир военно-рабочей № 18 роты в 1849 г. поручик Викентий Корнеевич Зенькович (из дворян Могилевской губернии, римско-католического вероисповедания), имел «серебряную медаль за Турецкую войну 1828 и 1829 годов и Польский знак отличия за военные достоинства 5-й степени», в 1831 г. воевал в Царстве Польском в корпусе барона Розена²¹.

Служба на имперской окраине давала возможность начать жизнь «с чистого листа» не только участникам вооруженных выступлений против России, но и тем, кто совершил преступление или подозревался в таковом. Их без особой огласки ставили перед выбором: заведение уголовного дела или рапорт о переводе в Отдельный Кавказский корпус²².

Характерный пример – судьба подпоручика Юлиана Сигизмундовича Боуффала, служившего в 1849 г. в Черноморском линейном № 5 батальоне. В это время ему было 29 лет, он происходил из дворян Гродненской губернии, принадлежал к римско-католическому вероисповеданию. По окончании 2-го кадетского корпуса его определили в придворную Его Императорского Величества контору. Однако в 1838 г. «за кражу бриллиантов, принадлежащих Ея Императорскому Величеству, назначен в военную службу рядовым без лишения дворянского достоинства» с определением в Навагинский пехотный полк²³. Служба на Черноморской береговой линии позволила ему отличиться. Юлиан Боуффал 17 апреля 1842 г. «во внимание хорошему поведению, примерной нравственности, храбрости и тяжёлой раны, полученной в 1838 году в делах с неприятелем, произведён в унтер-офицеры». В 1843 г. получил знак отличия военного ордена Св. Георгия под № 77 954. 3 октября 1847 г. «за отличия противу горцев произведён в прапорщики», а 2 февраля 1849 г. –

²⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 950. Л. 9об., 10.

²¹ Там же. Д. 962. Л. 261об., 262.

²² Латин В.В. Указ. соч. С. 145.

²³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 948. Л. 109об.

в подпоручики²⁴. Воспитание посредством настоящей армейской службы считалось в Российской империи общепринятым средством от преступных «в государстве порядка» увлечений²⁵.

Власти не препятствовали разжалованным в солдаты сделать в войсках Отдельного Кавказского корпуса военную карьеру. Подтверждение этому находим во многих формулярных списках офицеров Черноморской береговой линии. Так, поручик Станислав Юлианович Неминский, 40 лет, в 1849 г. занимал должность батальонного казначея Черноморского линейного № 1 батальона. Он происходил из дворян Августовской губернии, принадлежал к римско-католическому вероисповеданию, участвовал в составе польских войск в военных действиях против русской армии в 1831 г. Рядовым был зачислен в войска Черноморской береговой линии, в 1838 г. «за отличие в делах против горцев произведён в прапорщики»²⁶.

Батальонный адъютант в 1849 г. подпоручик Франц Павлович Вояковский, из дворян Гродненской губернии, римско-католического вероисповедания, имел 34 года, учился в Виленской медико-хирургической академии. 8 февраля 1839 г. признан «виновным в соучастии в возмутительном обществе между студентами этой Академии и прочими лицами образовавшимся, назначен в военную службу с определением в Отдельный Кавказский корпус впредь до выслуги, без лишения прав состояния»²⁷. В 1842 г. «за отличные мужество и храбрость оказанные против горцев по Высочайшей воле произведён в унтер-офицеры», в 1843 г. «за отличие по службе произведён в прапорщики», в 1845 г. «за отличие против горцев произведён в подпоручики». Имел знак отличия военного ордена Св. Георгия под № 73 916. 21 апреля 1848 г. «за отличия, оказанные в делах и перестрелках с горцами в продолжении 1847 года, бывших на Черноморской береговой линии, награждён орденом Св. Анны 4-й степени

---

²⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 948. Л. 110–112об.

²⁵ *Марченко А.М.* С подорожной по казённой надобности. М., 1984. С. 293.

²⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 944. Л. 79об.

²⁷ Там же. Л. 129об.

с надписью “За храбрость”»²⁸. Впоследствии дослужился до чина генерал-майора.

Прапорщик в 1849 г. Людвик Матвеевич Коретковский, 38 лет, из дворян Августовской губернии, римско-католического вероисповедания. В 1833 г. «за участие в бывшем Польском мятеже в 1831 году по конфирмации Г. Главнокомандующего армией лишён дворянского достоинства и назначен на службу в Отдельный Кавказский корпус» рядовым. «За отличие против горцев, оказанное в экспедиции 1839 года по служении в Тенгинском пехотном полку» награждён знаком отличия военного ордена Св. Георгия под № 74 982. 1 декабря 1843 г. «за отличие против горцев произведён в прапорщики» с переводом в Черноморский линейный № 1 батальон²⁹.

Прапорщик того же батальона в 1849 г. Александр Викентьевич Псарский, 33 лет, из дворян Варшавской губернии, римско-католического вероисповедания. За участие в «возмутительном обществе» в Виленской медико-хирургической академии назначен в военную службу рядовым. «За отличие против горцев» в 1846 г. удостоен чина прапорщика³⁰.

Поручик Франц Людвигович Гутовский, 36 лет, происходил из дворян Волынской губернии, римско-католического вероисповедания. Будучи юнкером 1-го Уланского полка Польской армии, попал в 1831 г. в плен и был зачислен рядовым в Навагинский пехотный полк. Однако это не помешало ему выслужить офицерский чин, занимать должности батальонного адъютанта, а затем заведующего казённым инженерным имуществом в Анапе³¹.

Провиантмейстер штаба начальника Черноморской береговой линии штабс-капитан Андрей Николаевич Горегляд (в 1849 г. ему исполнилось 52 года), происходил из дворян Минской губернии, римско-католического вероисповедания. По окончании уездного училища был определён на службу в канцелярию Подольского губернатора. В 1833 г. был «разжалован из коллежских регистраторов в рядовые без лишения дворянства впредь

²⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 944. Л. 137.

²⁹ Там же. Л. 185об. – 193.

³⁰ Там же. Л. 199об.

³¹ Там же. Д. 945. Л. 73об.

до отличной выслуги и определён в Отдельный Кавказский корпус по подозрению в списывании копий с секретных министерских бумаг о переселении шляхты на Кавказ, во время служения его в канцелярии Каменец-Подольского гражданского губернатора и переданных в сторонние руки»³². Воевал в Тенгинском пехотном полку, заслужил орден Св. Георгия, в 1841 г. «за отличие в делах против горцев произведён в офицеры»³³.

Майор Иван Станиславович Кобылянский, из дворян Волынской губернии, «в бывшую Польскую войну взят в плен при сдаче крепости Замостье», направлен рядовым в Черноморский линейный № 6 батальон. «За отличие против горцев» произведён в подпоручики, а в январе 1854 г. в майоры, был кавалером орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 3-й степени с бантом, исправлял в 1853 г. должность цебельдинского пристава³⁴.

Поручик Черноморского линейного № 5 батальона в 1849 г. Юлиан Осипович Пржигодский, 40 лет, происходил «из дворян Австрийской Империи из Галиции Тарновского циркула. На верноподданство России не присягал», римско-католического вероисповедания. В ходе Польского восстания 1830–1831 гг. был взят в плен и определён в 39-й Егерский полк, а затем в Кавказский линейный № 8 батальон. «За отличие в делах против горцев» в 1839 г. произведён в прапорщики, служил батальонным адъютантом и батальонным казначеем резервного Черноморского линейного № 13 батальона³⁵.

Штабс-капитан Черноморского линейного № 6 батальона в 1850 г. Семён Мартынович Ольшевский, 47 лет, происходил из шляхты Августовской губернии, римско-католического вероисповедания. 10 июля 1824 г. «за возмутительные сочинения» был сослан «в крепостную работу бессрочно». Из арестантской роты Бобруйской крепости в 1832 г. его перевели в 3-й резервный сапёрный батальон. Здесь за отличия против горцев он выслужил офицерский чин, был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»³⁶.

³² ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 95. Л. 106об.

³³ Там же. Л. 119об.

³⁴ Там же. Д. 93. Л. 37об.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 948. Л. 39об. – 40об.

³⁶ Там же. Д. 949. Л. 41–48об.

Исправляющий в 1849 г. должность батальонного квартирмейстера поручик Фома Мартынович Вильчинский, 42 лет, происходил из дворян Люблинской губернии, римско-католического вероисповедания. Будучи подпоручиком Польской армии, в апреле 1831 г. попал в плен и был «назначен в полки Отдельного Кавказского корпуса рядовым». «За отличие в делах против горцев» пожалован в 1846 г. чином подпоручика, имел золотую медаль «За спасение погибавших»³⁷.

Поручик в 1849 г. Эдуард Антонович Порчинский, 32 лет, римско-католического вероисповедания, происходил из дворян Волынской губернии. «За участие в тайном возмутительном обществе между студентами Императорского университета Св. Владимира по Высочайшему повелению определён в военную службу в войска Отдельного Кавказского корпуса на праве вольноопределяющихся»³⁸. Выслужил офицерский чин, стал батальонным адъютантом. Его брат, прапорщик Степан Антонович Порчинский 2-й, «за невосчувствование дарованной ему милости в том, что он был Всемиловестивейше прощён за участие в Польском мятеже и обнаружил себя вновь в злонамеренных проступках», был лишён дворянского достоинства и назначен на службу в Отдельный Кавказский корпус. Участвовал в экспедициях против горцев на восточном берегу Чёрного моря, награждён Знаком отличия военного ордена Св. Георгия под № 75 845, стал батальонным квартирмейстером³⁹.

Происходивший из польских дворян Радомской губернии подпоручик Игнатий Карлович Родзинский служил во время восстания 1830 г. унтер-офицером 2-го Уланского полка бывшей Польской армии. Рядовым отправлен на Кавказ, «за отличие в сражении против горцев 1834 года октября 18 награждён Знаком отличия военного ордена Св. Георгия и двумя рублями серебром»⁴⁰.

Феофил Яковлевич Даниловский происходил из дворян Царства Польского Плоцкой губернии, римско-католического

³⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 949. Л. 87об. – 89.

³⁸ Там же. Д. 953. Л. 45об.

³⁹ Там же. Л. 107об. – 112.

⁴⁰ Там же. Д. 957. Л. 95об. – 102.

вероисповедания. Юнкером 5-го Линейного полка участвовал в боях с русскими войсками, 12 мая 1831 г. взят в плен и в 1834 г. отправлен унтер-офицером в Тенгинский пехотный полк. Дослужился до чина штабс-капитана, в 1849 г. в возрасте 40 лет командовал гренадерской ротой Черноморского линейного № 11 батальона⁴¹.

Схожую биографию имел уже упоминавшийся поручик Юлиан Осипович Пржигодский, которому в 1849 г. исполнилось 40 лет. Он происходил «из дворян Австрийской Галиции Тарновского округа», принадлежал к римско-католическому вероисповеданию. Будучи военнопленным «бывшей Польской армии зачислен в российскую службу рядовым 1831 г. июля 7», стал кавалером ордена Св. Анны 3-й степени и старшим адъютантом управления 2-го отделения Черноморской береговой линии⁴².

Должность батальонного казначея исправлял в 1849 г. в 11-м Черноморском линейном батальоне поручик Франц Генрих Матвеевич Сандецкий, 34 лет, из дворян Виленской губернии, римско-католического вероисповедания. Служил подпрапорщиком в 1-м Уланском полку, в 1833 г. «за самовольную отлучку в Пруссию по подозрению в намерении присоединиться за границей к мятежному Матусевичу зачислен в солдаты впредь до отличной выслуги» и отправлен в Отдельный Кавказский корпус⁴³. «За отличие против горцев» был произведён в 1841 г. в прапорщики, в 1846 г. – в подпоручики, а в 1848 г. – в поручики⁴⁴.

Таким образом, сложившееся в советской и польской историографии утверждение о «свирепой карательной политике царизма» по отношению к полякам нуждается в существенном дополнении: самодержавие не препятствовало «отличной выслуге», смотрело на войну как важнейшее средство воспитания в верноподданническом духе. Кавказское командование старалось помогать полякам и другим разжалованным лицам. Из них даже формировались отдельные отряды, для того чтобы предоставить

---

⁴¹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 954. Л. 33об. – 35.

⁴² Там же. Д. 960. Л. 31об.

⁴³ Там же. Д. 954. Л. 61–68об.

⁴⁴ Там же. Л. 61об. – 63об.

возможность отличиться⁴⁵. Г.И. Филипсон вспоминал, что перед началом каждой экспедиции против горцев посылал своего старшего адъютанта поляка Адама Тржасковского «на пароходе по всем укреплениям собирать всех разжалованных, желающих участвовать в военных действиях. Их набиралось человек до 200, и мы, в шутку, называли эту команду иностранным легионом. Тржасковский часто был их командиром. Не нужно и говорить, что легион лез в огонь очертя голову, чтобы отличиться и выбиться из своего положения»⁴⁶.

Не препятствовало самодержавие и в получении утраченных ранее прав по образованию или связанных с дворянским достоинством. В Черноморском линейном № 10 батальоне служил батальонным адъютантом Иван Григорьевич Ковалевский (из дворян Гродненской губернии, Кобринского уезда, римско-католического вероисповедания)⁴⁷. В 1851 г. «Государь Император... Высочайше повелеть соизволил: окончившему в 1838 году курс наук в Университете Св. Владимира, со степенью кандидата, Ивану Ковалевскому, и по случаю обнаруженного тогда участия его в тайном обществе, определённом в 1839 году по Высочайше утверждённому приговору военного суда в Отдельный Кавказский корпус, на правах вольноопределяющихся, выдать диплом на степень кандидата»⁴⁸.

Командир Черноморского линейного № 4 батальона майор Левашов докладывал 19 сентября 1856 г.: «Вверенного мне батальона унтер-офицер из дворян Викентий Мневский, служа с 1848 года, своею усердной службою и примерным поведением вполне заслуживает производства в офицеры, но права его на дворянство до сих пор не разрешены Герольдию и потому он до этого времени остаётся в нижнем чине»⁴⁹. Представив вытребованные от предводителя дворянства Люблинской губернии документы о происхождении Викентия Мневского (указ об отставке его отца – поручика Викентия Мневского, а также метрическое

⁴⁵ Латин В.В. Указ. соч. С. 146.

⁴⁶ Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 161.

⁴⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 953. Л. 101об.

⁴⁸ Там же. Д. 1120. Л. 9.

⁴⁹ Там же. Д. 2144. Л. 9.

свидетельство о рождении и крещении самого унтер-офицера), майор Левашов просил ускорить утверждение дворянских прав своего подчинённого⁵⁰.

В советской и современной кавказоведческой литературе сложилось мнение о чуть ли не «естественно вытекающей польско-адыгской дружбе», а сами поляки в войсках Отдельного Кавказского корпуса традиционно представляются тайными и явными союзниками горцев в борьбе с царизмом. Например, А.Х. Бижев писал: «Ссылные поляки, поддерживая освободительное движение горцев не только морально, но и фактически, помогали не только декабристам, но и части солдат русской армии преодолеть двойственность своего положения – необходимость участвовать в войне против тех, чьи идеалы свободы разделяли, что в целом способствовало становлению в русской армии оппозиции политики царизма. Поляки стали тем недостающим звеном, которое сблизило представителей передовой России с борющимися горцами, и тем самым содействовало интернациональному единению жертв царизма – поляков, русских и адыгов»⁵¹.

Многие упоминания о тайном содействии офицеров польского происхождения горцам были основаны на выдумках разного рода доносчиков и неподтверждённых слухах⁵². Г.И. Филипсон писал в своих воспоминаниях, что иеромонах Новотроицкого укрепления Паисий никак не мог примириться с польским происхождением начальника гарнизона П.О. Карòве, и поэтом «часто приносил нелепые жалобы и делал нелепые доносы»⁵³. 14 июня 1852 г. генерал-майор Н.И. Вольф запрашивал из Тифлиса вице-адмирала Л.М. Серебрякова: «Милостивый государь Лазарь Маркович! Дошло до сведения Г. Главнокомандующего, что будто бы один из офицеров Крыжановский, променял звание своё на звание разбойника и получил такое отвращение к людям, что в разбое позволял над ними самые жестокие пытки,

⁵⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2144. Л. 1, 1об., 9, 9об.

⁵¹ *Бижев А.Х.* Присягнувшие свободе // *Латинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В.К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 450.

⁵² *Латин В.В.* Указ. соч. С. 247–248.

⁵³ *Филипсон Г.И.* Указ. соч. С. 162.

что слухи, носящиеся об этом деле в народе, весьма вредны и гибельны». Штаб корпуса просил командование Черноморской береговой линии «дознать чрез лазутчиков наших: нет ли в горах какого-либо беглого офицера или нижнего чина Крыжановского, какие имел он причины к побегу и есть ли какие основания в таких розысках»⁵⁴. Распорядившись проверить эту информацию, Л.М. Серебряков получил следующее донесение: не обнаружилось «проживающих у горцев беглого офицера или нижнего чина под фамилиею Крыжановский, но полковник Миронов донёс, что в аулах Шебик, Куя-Тачемезс, Псиф, у Сохты Хазака, Глебсоча, и Псебепс у Сейгяса Хадмафа находятся по одному беглому русскому, которые и участвуют в партиях и набегах хищников, но прозвания их неизвестны и при участии в разбоях жестокостей над людьми не делают»⁵⁵. Г.И. Филипсон протестовал против суждений, основанных на подозрительном отношении командования и домыслах: «Мой почтенный сослуживец М.Ф. Фёдоров, со слов генерал-майора фон Бринка, поместил в июньской книжке “Русской старины” 1877 г. статью о взятии Михайловского укрепления. В этой статье сказано, между другими неточностями, что “горцы получали самые верные сведения о положении наших гарнизонов от поляков-перебежчиков”. Против этого я должен протестовать. Польская национальность никогда не была для меня симпатичною, но на Кавказе я встречал множество поляков, в разных чинах и положениях, которым готов был от души подать дружескую руку... Беглецов к горцам было между поляками соразмерно не более, чем между русскими; сообщать же сведения могли как те, так и другие, если бы горцам нужны были эти сведения. С гор, которые возвышались над укреплениями в расстоянии 250 сажень, а иногда и менее, они могли видеть всё, что делается в укреплении до малейшей подробности»⁵⁶. Исследования В.В. Лапина показывают, что «основную массу дезертиров, воевавших на стороне горцев, составляли русские (в том числе, украинцы и белорусы)»⁵⁷.

⁵⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 69. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 7.

⁵⁶ Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 142.

⁵⁷ Лапин В.В. Указ. соч. С. 250.

Не укладываются в сложившиеся стереотипы и свидетельства о том, что нередко офицеры польского происхождения своей разумной опекой личного состава не допускали случаев дезертирства в горы. 12 сентября 1847 г. генерал-майор Л.Л. Альбрандт докладывал начальнику Черноморской береговой линии генерал-адъютанту А.И. Будбергу: «Во 2-й роте Черноморского Линейного № 7 батальона с 1-го сентября 1843 года, т.е. со времени как командует ею капитан Завадский, не было ни одного бежавшего ни из старослужащих, ни из молодых солдат. До вступления же его в командование были побегы: в 1841 году бежало два, в 1842 году один, и в 1843 г. по 1 сентября бежало два. Относя прекращение побегов во 2-й Линейной роте к заботливости и попечению оной капитана Завадского, на основании приведённого приказа Военного министра осмеливаюсь иметь честь просить покорнейше ходатайства Вашего Превосходительства о награждении означенного офицера Высочайше определённую наградою, Высочайшим благоволением»⁵⁸.

Вопрос о том, сколько поляков дезертировало к горцам на Западном Кавказе, остаётся открытым в военно-историческом кавказоведении. А.Х. Бижев утверждал, что только в 1834 г. во время экспедиции русских войск в Закубанье «на сторону горцев перешло более тысячи поляков»⁵⁹. Эта цифра явно надумана: столько поляков не могло находиться в одной закубанской экспедиции. В донесении командующего Отдельным Кавказским корпусом даются более реальные сведения: за период с 12 августа по 10 октября 1834 г. из Тенгинского и Навагинского полков бежало «к немирным горцам» 26 поляков⁶⁰. В сообщении титулярного советника Бутенева барону Г.В. Розену от 8 марта 1837 г. отмечается, что «среди шапсугов и соседних горцев скитается несколько сот поляков, число которых постепенно увеличивается»⁶¹. Думается, что речь в таких сообщениях идёт не только о собственно поляках, но и о русских солдатах-дезертирах. По крайней мере, первый начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант

⁵⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 667. Л. 60б.

⁵⁹ Бижев А.Х. Указ. соч. С. 448.

⁶⁰ Очерки революционных связей народов России и Польши... С. 123.

⁶¹ Цит. по: Цифанова И.В. Указ. соч. С. 89.

Н.Н. Раевский не отделял русских дезертиров от поляков, когда писал: «В земле черкесов много беглых из русских и поляков. Некоторые из них находятся там 10–15 и более лет. Многие женаты»⁶². Теофил Лапинский, возглавлявший отряд польских диверсантов в Закубанье, упоминает в своих мемуарах, что к нему в 1857 г. из русского лагеря на Кубанском острове бежало 166 нижних чинов. Цифра явно преувеличена, однако для нас интересен национальный состав дезертиров. «Среди перебежчиков, – отмечал Т. Лапинский, – было очень мало поляков и русинов (только восемь), а большинство – москвиты и татары; последние были особенно многочисленны, потому что надеялись найти здесь турок»⁶³.

Мотивы дезертирства поляков обычно трактуются в литературе как желание бороться «за нашу и вашу свободу». Анализ архивных дел фонда Черноморской береговой линии показывает, что часто причиной ухода в горы было вовсе не стремление «поддерживать освободительную борьбу горских народов», а проступки по службе, халатность, недовольство тяжёлыми условиями полублокадного существования прибрежных фортов. 25 мая 1854 г. Л.М. Серебряков сообщал командующему Отдельным Кавказским корпусом, что горцы в 1852 г. доставили в Кабардинское укрепление бывшего рядового Кабардинского егерского № 1 полка Францишека Длуцкого: «По доставлении его (Длуцкого. – О.М.) в г. Новороссийск, он показал, что лет за 15 пред тем, находясь при перевозке провианта от Кубанской пристани в укр. Абин, он был в цепи в числе 4 человек при ефрейторе и, отстояв свои часы, ночью лёг спать, а когда проснулся, то товарищей его и ружья при нём уже не было и только оставалась сума с патронами до 40 штук. Посему, боясь наказания и не зная местности, он пошёл наудачу и, встретившимися горцами был взят с амуницией и боевыми патронами. После того передавали его от одного горца другому и наконец он приведён в укр. Кабардинское»⁶⁴. Было установлено, что «Францишек

⁶² Цит. по: *Бижев А.Х.* Указ. соч. С. 448.

⁶³ *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских... С. 345.

⁶⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1615. Л. 11–11об.

Янов сын Длуский действительно поступил в службу бывшей Польской Армии в 17-й пехотный полк солдатом, из дворян бывшего Плоцкого воеводства, Остроленского обвода, деревни Кулиск Малых 1831 г. имея тогда от роду 30 лет»⁶⁵. Дезертира решено было отправить на службу в Кавказский линейный № 2 батальон, а выданные «горцам за привод подсудимого Длуцкого 10 руб. принять на счёт казны»⁶⁶. Однако угодивший в Анапский военный госпиталь Францишек Длуский (Длуцкий) 15 мая 1854 г. скончался от воспаления лёгких⁶⁷.

Как видно из исповеди другого дезертира, горцы не очень-то церемонились с бежавшими к ним «соратниками по борьбе». Приведённый черкесами в Новороссийск в начале 1850 г., он показал: «Зовут меня Мартын Фёдоров сын Лапицкий, от роду мне 30 лет, грамоты не знаю... Веры я римско-католической, на исповеди и у Св. Причастия до побега ежегодно бывал... В службу Его Императорского Величества поступил 1838 года месяца и числа не помню, из помещичьих крестьян Минской губернии Десенского уезда села Ковкова помещика Доманта с определением первоначально в Житомирский гарнизонный батальон, откуда в 1840 году переведён в Черноморский Линейный № 5 или № 15 батальон, расположенный в укреплении Геленджик»⁶⁸. В объяснении М.Ф. Лапицким причины побега в горы нет и намёка на осознанное желание «борьбы с царизмом»: «По прибытии в укрепление Геленджик в 1840 году и по замещении в 3 роту в одном из означенных выше батальонов я месяца через два бежал в горы без всяких побудительных к тому со стороны начальства, по одной мне своей глупости, при сём побеге я никаких казённых вещей не снёс»⁶⁹.

«В сём побеге, – рассказывал далее М. Лапицкий, – я находился около девяти лет, проживая в горах в ауле Гешепцын, и в прошлом 1849 году в июле месяце выбежал из гор и явился в Новороссийск к здешнему коменданту, где допросив меня, я скрыл настоящее

⁶⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1615. Л. 21.

⁶⁶ Там же. Л. 13об.

⁶⁷ Там же. Л. 17.

⁶⁸ Там же. Д. 859. Л. 43.

⁶⁹ Там же. Л. 43об.

происхождение своё, имя и прозвание и показал себя непомнящим родства, почему и был прикомандирован для одного только довольствия к Резервному Черноморскому линейному № 14 батальону. Будучи в горах, я по туземному обычаю имел там жену, от которой и прижил двух детей мужеска пола. Жалея как отец детей своих, я вздумал было бежать опять в горы и найти случай вывести оттуда в Новороссийск или другое какое-либо укрепление детей, тем более, что они остались совершенными сиротами, потому что жена моя, как узнал я здесь на Сатовки от черкес, продана бывшим хозяином моим Навоем... другому горцу, а дети остались без всякого призрения, почему 17 числа сего Генваря вечером вышел за первый блокгауз, где режут скотину, под видом набрать кишок и, дождавшись сумерек, скрылся в лесу около батальонных огородов, и пошёл было в аул Гешепды, но на пути, измокши от дождя, я зашёл было осушиться в один аул, где хозяин взял меня и на другой день привёл обратно в Новороссийск, где и подвергнут уже аресту»⁷⁰. На вопрос о возможном участии в акциях против русских войск М.Ф. Лапицкий категорично ответил: «Проживая в горах, я никакого противозаконного поступка сам не сделал и ни с кем другим в том не участвовал»⁷¹.

При этом немало бежавших в горы поляков, несомненно, воевало в рядах горцев, хотя отношение последних к дезертирам было далеко неоднозначным. Генерал Н.Н. Раевский в рапорте командующему Отдельным Кавказским корпусом 8 апреля 1838 г. сообщал: «Беглые большею частью обращались в рабы, продавались в Трапезунде, где откупщики медных руд покупали их для работ, но с построением новых крепостей и с большею бдительностью [наших] крейсеров, вывоз стал затруднителен; в горах цена на рабов упадает... и число беглых, живущих там на свободе, увеличивается. Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на польском языке “целься в чёрных”. Беглые в черкесской одежде друг другу сими словами означают по платью наших офицеров»⁷².

⁷⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 859. Л. 43об., 44.

⁷¹ Там же. Л. 44об.

⁷² Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. док. матер. / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 144.

Большинство офицеров и солдат польского происхождения, служивших в укреплениях Черноморской береговой линии, добросовестно выполняли свой воинский долг. Один из сочинских старожилов в начале XX в. сокрушался: «Армяне, греки, молдаване, поляки... вот кто явился унаследовать угоды черкесов, с таким трудом добытые русскими войсками»⁷³. На это замечание откликнулся известный местный предприниматель и общественный деятель Я. Гейдук: «В прекрасных воспоминаниях о прошлом посада Сочи г. Черномор немного обмолвился. Совершенно справедливо возмущаясь тем, что добытый русской кровью прибрежный край достался разным непричастным к трудному делу иноземцам, он в числе последних приводит даже... поляков, это конечно описка, ибо рассказывая о бедствиях и лишениях жизни боевой, понесённых в диком краю сосланными в Кавказские войска бывшими студентами Рукевичем, Завадским, Смарским, упоминая о гибели на Годлике Гавронского, он не мог не понять, что это были добрые, любимые товарищами поляки; о том же множестве нижних чинов-поляков, совершенно терявшихся в общей массе серых солдатских шинелей, писавшему воспоминания не пришлось упоминать. Неужели же они своею кровью и страданиями не заслужили наравне с русскими для себя и своих земляков клочка завоеванной земли для мирного земледельческого существования!»⁷⁴ И действительно, в своих записках сочинский старожил отмечал, что в бою на р. Годлик «был изрублен черкесами поручик Гавронский, а его тело найдено, перевезено и погребено в Лазаревском укреплении; товарищи севастопольцы впоследствии поставили ему памятник, который и сейчас возвышается среди окопов бывшего укрепления»⁷⁵. Отметив усердную службу поляков, мемуарист сообщал о судьбе оставшихся в живых участников боя на р. Годлик: «В этой экспедиции принял участие Рукевич и его товарищи Завадский и Смарский. Первый дослужился до генеральского чина

⁷³ *Черномор*. Сочи и его прошлое (из воспоминаний старожила) // Черноморское побережье. 1903. № 26.

⁷⁴ *Гейдук Я.* Открытое письмо г. Черномору // Черноморское побережье. 1903. № 32. 8 февраля.

⁷⁵ *Черномор*. Указ. соч.

(был воинский начальник в Екатеринодаре), второй также, уже будучи генералом, зверски убит разбойниками близ г. Сухума в 1886 г. Третий дожил до глубокой старости и в чине майора управлял именем генерала Сафалова»⁷⁶.

Документы фонда Черноморской береговой линии также дают немало свидетельств о боевой доблести поляков. Майор И.М. Банковский находился «в 1845 году июня 30-го – июля 1-го чисел при отражении горцев, сделавших сильное нападение на Форт Головинский; в 1846 году ноября 28 при штурме Форта Головинского скопищем горцев в 6000 человек в мужественной обороне гарнизоном того Форта в 500 человек, при совершенном поражении неприятеля, отступившего с значительною потерей, и за оказанное в этом деле отличное мужество пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени и полугодовым окладом денежного жалования»⁷⁷.

Подпоручик Александр Викентьевич Галисевич (из дворян Гродненской губернии) в 1845 г. участвовал «в перестрелках с горцами, 23 Генваря напавших на команду, высланную из форта Навагинского для рубки дров, 3 Апреля с пикетами и командою, высланной для работ на огородах, 21 Декабря при отражении горцев, напавших на команду, высланную для рубки дров. За отличие, оказанное в этих перестрелках Всемилостивейше награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью “За храбрость”»⁷⁸.

Прапорщик Томаш Денисович Покутовский (из дворян Царства Польского Августовской губернии) участвовал в 1839 г. «под начальством генерал-лейтенанта Раевского на восточном берегу Чёрного моря... 3 мая в высадке войск при устье реки Субаши в жарком деле при том бывшем, с того числа при укреплении лагеря и при уготовительных работах к возведению укрепления, в это время в перестрелках с 4 по 9 мая, где и ранен черкесскою пулею в грудь при устройстве засеки»⁷⁹.

Воинский начальник Гостагаевского укрепления А.Г. Ольшевский 20 мая 1843 г. получил «Всемилостивейшее именное

⁷⁶ *Черномор.* Указ. соч. // Черноморское побережье. 1903. № 17. 22 января

⁷⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 950. Л. 2, 3.

⁷⁸ Там же. Д. 951. Л. 126.

⁷⁹ Там же. Л. 154.

благоволению за отличия, оказанные в экспедициях при возведении двух новых укреплений на левом берегу реки Кубани»⁸⁰.

Штатный инженер управления 1-го отделения Черноморской береговой линии полевой инженерии поручик Юлиан Иванович Духновский в Крымскую кампанию, «когда крепость Новороссийск потребовала усиленной обороны, он с небольшим сподручным средством успел посильно удержать верки и работы эти, в виду крейсирующей эскадры неприятеля, при безоружном состоянии Новороссийска со стороны моря, требовавшие кроме соображений и искусства ещё и неусыпной деятельности, выполнены им быстро и во всём, сколько можно было, применены к цели»⁸¹.

Факты участия в экспедициях в формулярных списках офицеров-поляков плохо работают на сложившийся в литературе стереотип «борцов за нашу и вашу свободу». Так, старший адъютант штаба начальника Черноморской береговой линии полевой инженер-капитан Юстин Иванович Третеский (из дворян Каменец-Подольской губернии, римско-католического вероисповедания) находился 25 января 1852 г. «при выступлении соединённых отрядов из Абинского укрепления под начальством вице-адмирала Серебрякова; при переправе через реку Бугундырь, при взятии и истреблении аулов Гуссерхабль, Джрегабль и Хуримгабль»⁸².

Подпоручик Михайло Николаевич Сласковский, из польских уроженцев, участвовал в 1844 г. «в движении под начальством Свиты Его Величества Контр-Адмирала Серебрякова из укрепления Новороссийск чрез... хребет Маркотх в ущелье Неберджай для наказания жителей за неприязненные противу нас действия. 17 января в делах с горцами при истреблении непокорных аулов... за отличие в сём деле Всемилостивейше награждён Знаком отличия военного ордена Св. Георгия под № 80 281»⁸³.

Капитан А.Г. Ольшевский в 1842 г. участвовал в сожжении аулов в пойме р. Гостагай⁸⁴.

⁸⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 944. Л. 7.

⁸¹ Там же. Д. 2075. Л. 21.

⁸² Там же. Оп. 2. Д. 95. Л. 92.

⁸³ Там же. Оп. 1. Д. 948. Л. 104, 105.

⁸⁴ Там же. Д. 944. Л. 5.

Свою идентичность поляки прибрежных фортов проявляли скорее не в оппозиционности царскому самодержавию, а в стремлении сохранить приверженность католическому вероисповеданию. Командование постоянно сообщало о просьбах офицеров и нижних чинов прислать католического капеллана для исполнения христианских треб. Военский начальник форта Головинского капитан Назимов 30 мая 1840 г. докладывал начальнику Черноморской береговой линии: «Нижние чины Римско-католического исповедания, во вверенном мне форте состоящие, около года не выполняли долгу христианского по небытности священника, а потому и просят моего ходатайства о высылке такового»⁸⁵. Начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии граф А.К. Опперман докладывал 20 июня 1841 г.: «Во многих укреплениях вверенного мне 2-го отделения есть значительное число как офицеров, так и нижних чинов римско-католического вероисповедания, которые со времени поступления в Черноморские батальоны, а некоторые даже с 1836 года у исповеди и принятия святых тайн не были, по неимению в береговых укреплениях священников, могущих исправлять все христианские требы по обряду католическому»⁸⁶. Правительство старалось идти навстречу духовным запросам поляков. 7 февраля 1841 г. Николай I «Высочайше повелеть соизволил: в Управлении Черноморской береговой линии назначить особого капеллана с причетником из польских нижних чинов, знающих латинский язык, для объезда ежегодно прибрежных укреплений»⁸⁷. 15 июля 1843 г. Л.М. Серебряков докладывал: «Капеллан береговой линии иеромонах Томкевич прибыл в Новороссийск 5 числа и 15-го по окончании здесь христианских треб для чинов Римско-католического вероисповедания, отправился в Кабардинское укрепление, откуда должен 16-го на ночь следовать в Геленджик. Иеромонах Томкевич сам пожелал отправиться сперва по береговым укреплениям, чтобы не упустить благоприятного для плаванья времени года, и уже на обратном пути в Керчь исполнит обязанности свои в Анапе, форте Раевский

⁸⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

⁸⁶ Там же. Л. 8.

⁸⁷ Там же. Л. 3.

и Гостагайском укреплении»⁸⁸. А.И. Селицкий, специально изучавший вопрос о католицизме на Черноморской береговой линии, высоко оценивает деятельность Л.М. Серебрякова по организации достойной жизни католиков в прибрежных фортах⁸⁹.

В тяжелейших условиях существования черноморских гарнизонов католические иеромонахи отпевали усопших, крестили младенцев, исповедовали и приводили к причастию поляков. Иеромонах Пётр Пурвинский от понесённых трудов получил «расстройство умственных способностей и по распоряжению министра внутренних дел назначен к помещению в Симферопольский дом умалишённых»⁹⁰. При этом начальник линии уточнял 30 октября 1843 г.: «Иеромонах Пурвинский не совершенно лишён ума, но вообще слабый от природы, при неблагоприятном климате на Черноморской береговой линии, от частых поездок по укреплениям, где непрестанные тревоги и беспокойная жизнь имели ощутительное влияние на его здоровье, он получил временное расстройство в уме, которое повторится в неопределённое время»⁹¹.

Сохранившиеся в архивных делах прошения польских офицеров и чиновников береговых укреплений трогают приверженностью к национальному вероисповеданию в условиях тяжких испытаний. 26 октября 1848 г. лекарь коллежский асессор Яновицкий просил командира Черноморского линейного № 1 батальона: «16 числа прошлого сентября месяца от законной моей жены родился сын, который и до сего времени не окрещён по обряду Римско-католической церкви. Младенец этот от рождения своего и по настоящее время одержим болезнью; а потому осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие не оставить Вашим ходатайством сделать сношение с управлением Черноморской береговой линии

⁸⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 95, 95об.

⁸⁹ *Селицкий А.И.* Адмирал Л.М. Серебряков и католицизм на Черноморской береговой линии // Мир культур: Матер. Всерос. научн.-творч. конф. «Народы и культуры: проблемы и перспективы» (Сочи, 14–16 сентября 2007 года) / Отв. ред. Ю.А. Болдырев. Краснодар, 2007. С. 109–124.

⁹⁰ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 103.

⁹¹ Там же. Л. 104.

о высылке в Анапу при первом удобном случае Римско-католического священника 3-го отделения береговой линии, проживающего в г. Керчи»⁹². Об этом же просил в своём рапорте от 17 февраля 1851 г. поручик Рошковский, мотивируя тем, что «родившийся от законной моей жены младенец в настоящее время не в совершенном состоянии здоровья»⁹³.

Известный кавказский разведчик Г.В. Новицкий в своём труде «Анапа и закубанские поселения» сообщал, что в крепости Анапа «стараниями благочинного католических церквей в 1-м и 2-м отделениях Черноморской береговой линии, ксёндза Калиновского, воздвигается с 1850 года католическая часовня за счёт добровольных жертвований»⁹⁴. В октябре 1853 г. газета «Кавказ» писала, что 26 сентября было произведено освящение римско-католической церкви в укреплении Новороссийск. При освящении хор из солдат, офицеров и жителей города исполнил «Ave Maria» Моцарта⁹⁵. С оставлением Новороссийска и Анапы русскими войсками в 1855 г. эти храмы были разрушены...

Обычно важная роль в сохранении национальных традиций принадлежит семьям. Как обстояло дело с этим у поляков Черноморской береговой линии? Из формулярных списков видно, что они по возможности стремились вступать в браки с соотечественницами. Так, упоминавшийся капитан Ф.Г. Посербский был «женат на дочери отставного поручика Российских войск Держановского Ассалии Раймондовой», у них дети: сын Платон (род. 30 августа 1833 г., воспитывался в Дворянском полку), Александр (род. 12 ноября 1836 г., находился при отце), дочь Алинду (род. 15 сентября 1835 г., воспитывалась в Мариинском институте за счёт казны). Жена и дети римско-католического вероисповедания⁹⁶.

⁹² ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 241.

⁹³ Там же. Л. 321.

⁹⁴ *Новицкий Г.В.* Анапа и закубанские поселения // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 23.

⁹⁵ *Герасименко А., Санеев С.* Новороссийск – от укрепления к городу (Хронология исторических событий возникновения и развития Новороссийска со времени заключения Адрианопольского мирного договора до декабря 1917 г.). Краснодар, 1998. С. 90.

⁹⁶ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 946. Л. 15.

Поручик Александр Иванович Стражец был женат на дочери дворянина Словодецкого Серафиме Каспаровне, имел сына Владимира (род. 27 апреля 1843 г.) и дочь Аделаиду (род. 1 мая 1845 г.). Жена и дети находились при отце, принадлежали к римско-католическому вероисповеданию⁹⁷.

Майор И.Г. Гучинский был женат на дочери дворянина Озембловского Юлии Осиповне, имел детей: сына Адольфа (род. 16 декабря 1846 г.), дочерей Аделинду (род. 5 октября 1845 г.) и Антонину (род. 22 февраля 1849 г.). Жена и дети принадлежали к римско-католическому вероисповеданию, находились при матери⁹⁸.

Имена детей, стремление окрестить их по католическому обряду говорит о том, что в таких семьях, по-видимому, пытались соблюдать польские традиции. Однако многие офицеры, не имевшие возможности часто бывать на родине, вступали в брак с местными девушками. Поручик Ф.-Г.М. Сандецкий был женат на «дочери урядниковой», дворянке Екатерине Степановне, имел дочь Наталью. Жена и дочь были православными и находились при офицере⁹⁹. Штабс-капитан Черноморского линейного № 13 батальона Пётр Викторович Янчевский был женат на дворянке Елене Степановне Хлебниковой, оставшейся в православном вероисповедании¹⁰⁰. Супругой капитана И.Т. Завадского стала дочь православного священника¹⁰¹. Прапорщик Черноморского линейного № 1 батальона В. Ф. Петрусевич (из дворян Минской губернии, римско-католического вероисповедания) женился на дочери отставного цейхвахтера 12-го класса Дарье Никитичне Кузминой, детей не имел, жена исповедания православного находилась при нём¹⁰². У большинства же офицеров-поляков в графе формулярных списков о семейном положении значится надпись «холост».

Скука и однообразиие гарнизонной службы, когда известие об экспедиции в горы с непредсказуемыми последствиями

⁹⁷ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 946. Л. 57.

⁹⁸ Там же. Д. 962. Л. 39.

⁹⁹ Там же. Д. 954. Л. 69.

¹⁰⁰ Там же. Д. 956. Л. 45.

¹⁰¹ Там же. Д. 950. Л. 19.

¹⁰² Там же. Д. 944. Л. 177.

воспринималось с восторгом, отсутствие женщин и книг, необходимость видеть каждый день одни и те же лица, сказывались на том, что некоторые офицеры-поляки коротали свой досуг в карточных играх и попойках. На почве пьянства нередко возникали конфликты с подчинёнными и командованием, семейные скандалы. Жестокость нравов крепостного века была свойственна и вольнолюбивым полякам. Таков был уже упоминавшийся штабс-капитан П.В. Янчевский (из дворян Белостокской области, римско-католического вероисповедания), служивший в 1849 г. в 13-м батальоне¹⁰³. Его денщик Павел Плакуненко жаловался, что «г. Янчевский бьёт его за вину или маловажную или иногда вовсе без причины, по одним лишь подозрениям за упущения, происходящие от дворовых его людей; сверх того Плакуненко подвергается частой брани и своеручным побоям от жены штабс-капитана Янчевского»¹⁰⁴.

Рядовые Отдельного Кавказского корпуса, на фоне забытых солдат остальных частей Русской армии, отличались повышенным чувством собственного достоинства, тем более, что среди них встречалось немало разжалованных в нижние чины дворян. В 1844 г. в станице Витязевой служил ротным командиром капитан К.В. Едлецкий. В его подчинение попал бывший выпускник Московского кадетского корпуса Лебедев, из дворян, разжалованный в рядовые «за побег, в коем находился более месяца, снос и утрату казённой шинели и ложное наименование себя дворовым человеком». К.В. Едлецкий постоянно ругал рядового Лебедева «мошеником, подлецом и сукиным сыном». Однажды Лебедев явился к своему командиру домой и стал просить об ходатайствовании ему отставки, «ибо не видит в военной службе счастья, и от него, Едлецкого как ближайшего начальника ежедневно терпит притязания». Капитан К.В. Едлецкий отвечал: «В каком уставе он нашёл, чтоб по его поступкам, значащимся в формулярном списке, можно ходатайствовать отставку»? Лебедев стал приводить офицеру статьи из Свода законов, но К.В. Едлецкий заявил, чтобы тот не смел приходить к нему

¹⁰³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 956. Л. 35об.

¹⁰⁴ Там же. Д. 666. Л. 1об.

без дежурного унтер-офицера. Тогда Лебедев дал капитану пощёчину, от которой офицер «упал через порог на диван, стоявший в другой комнате». Лебедев, «повторив удар в голову, говорил: “Вот тебе, витязевский бог”»¹⁰⁵. На крики К.В. Едлецкого выбежала его жена, которая воскликнула: «Подлец, мерзавец (Лебедев), прибил моего мужа, теперь пропал мой Казимир Викентьевич»¹⁰⁶. Вскочив с дивана, К.В. Едлецкий «схватил шашку за конец ножен, выбежал за Лебедевым с намерением ударить его ефесом по голове, но Лебедев, взявшись левою своею рукою за шашку, правую ещё ударил Едлецкого по лицу, и он упал на крыльцо, оправившись же, выскочил на двор и кричал солдатам: взять Лебедева, но он сам пошёл прямо на гауптвахту»¹⁰⁷. Командование постановило: «Капитана Едлецкого, в уважение долговременной и усердной службы, засвидетельствованное начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмиралом Серебряковым, арестовать на одну неделю с содержанием на гауптвахте и перевести его в другой батальон... причём строго подтвердить ему, Едлецкому впредь воздержаться от неприличных поступков с нижними чинами из дворян»¹⁰⁸.

В Головинском укреплении служил смотрителем провиантского магазина подпоручик Маевский, к которому был приставлен денщиком рядовой 7-го батальона Иван Стомин. 21 сентября 1846 г., «когда Стомин подавал обед, г-н Маевский неизвестно за что начал его бить кулаками по лицу и под бока, продолжал это делать до тех пор, пока Стомин побежал из комнаты. В сенях Стомин настигнут Маевским и вследствие удара упал на спящего унтер-офицера Ильина и разбудил его. Когда же сей последний встал и доложил Маевскому, что если Стомин виноват в чём-либо, то лучше сказать ротному командиру, тот накажет его розгами, – Маевский оставил бить Стомина, сперва бранился, а после намеревался бить Ильина, и, несмотря на то, что он имеет знак отличия военного

---

¹⁰⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 311. Л. 53.

¹⁰⁶ Там же. Л. 53об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 53.

¹⁰⁸ Там же. Л. 56.

ордена, один раз толкнул его рукою в грудь»¹⁰⁹. Вздорный характер Маевского сказался в том, что он не стеснялся ругать пришедших на шум офицеров – командира роты поручика Шацкого и начальника укрепления майора И.М. Банковского: «первого назвал вором солдатской собственности, а последнего недостойным быть майором, кроме того, когда г-н Банковский приказал поставить у квартиры часовых, Маевский грозил ударить его, Банковского стулом». Незадолго до этого подпоручик, «будучи в нетрезвом виде, поносил бранными словами Черноморского Линейного № 7 батальона прапорщика Натару и угрожал бить чубуком в квартире иеромонаха»¹¹⁰. При этом Маевский оказался ещё и вором казённого имущества, а также клеветником и доносчиком. Его доносы начальнику Черноморской береговой линии любопытны тем, что при всей пелене лжи и наговоров содержат сведения о повседневной жизни поляков в укреплении Головинском. Сообщая начальству, что терпит гонения от майора И.М. Банковского, штабс-капитана Шацкого и капитана И.Т. Завадского, Маевский писал, что эти офицеры «делают на него союзные заговоры, и в сём этом действует из бывших по мятежу польский гражданский чиновник унтер-офицер Красовский, который исполнял в полной доверенности письменными делами у воинского начальника, великое имеет к нему расположение, хлебосольство и подарками его награждает»¹¹¹. Согласно доносу Маевского, офицеры-поляки встречаясь с А.И. Красовским, «пьют разные напитки, и картёжные игры происходят, в чём захотят, в том играют»¹¹². О начальнике Головинского укрепления Маевский доносил: «Во время производства в чин майора и по получении им эполет тогда, после отъезда Вашего Превосходительства из форта Головинского, производилось поздравление г. майора Банковского, целых три дня весёлое было гуляние, и едва могли очувствоваться и прийти в здравый рассудок во время питья за здоровье майора, и тут г. Банковский при всех обнял унтер-офицера Красовского и целовал его, с произнесением слов: “Через твой совет и помощь

¹⁰⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 311. Л. 16об.

¹¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹¹ Там же. Л. 36.

¹¹² Там же. Л. 37.

удостоился получить всю Высочайшую милость, и покамест жив буду, не оставлю тебя, и надейся на меня, в скорости получишь чин прапорщика, ибо ты мой друг был и будешь навсегда»¹¹³. Андрей Иванович Красовский действительно в январе 1849 г. «за отличие против горцев» получил чин прапорщика. В это время ему было 35 лет, он происходил «из дворян бывшей Белостокской области», римско-католического вероисповедания. В службу вступил «с раскаянием за неявку к законному начальству во время польского мятежа, хотя и не обвинён в действительном участии, за укрывательство по разным местам и имение у себя непозволительных революционных сочинений... отдан в солдаты в Отдельный Кавказский корпус впредь до отличной выслуги, не лишая его ни дворянства, ни прав наследования имения»¹¹⁴. При штурме и обстреле горцами Навагинского укрепления 15 августа 1841 г. А.И. Красовский с несколькими солдатами сумел заклепать три орудия, спрятанные черкесами, за что был награждён Знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени под № 75 830. За мужество при защите форта Головинского А.И. Красовский получил в 1842 г. звание унтер-офицера¹¹⁵.

Таким образом, все указанные в доносе Маевского поляки были отличными офицерами (о боевых заслугах майора И.М. Банковского и капитана И.Т. Завадского речь шла выше). Майор И.М. Банковский заявил, что Маевский «омрачил честь и мундир свой»¹¹⁶, а контр-адмирал Л.М. Серебряков назвал рапорт подпоручика Маевского «бездоказательным доносом»¹¹⁷. Но вскоре проявилась характерная черта взаимности поляков. Несмотря на склоки и обиды, соотечественники, по-видимому, не дали делу хода, и Маевский отделался весьма легко: две недели просидел на гауптвахте. Подполковник И.М. Банковский рапортом 3 марта 1850 г. доложил начальнику Черноморской береговой линии: «Все обиженные им, Маевским в нетрезвом виде лица, по просьбе его, простили его обиды»¹¹⁸. Постоянные

¹¹³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 311. Л. 38.

¹¹⁴ Там же. Д. 950. Л. 127об. – 130.

¹¹⁵ Там же. Л. 133.

¹¹⁶ Там же. Д. 311. Л. 50.

¹¹⁷ Там же. Л. 59об.

¹¹⁸ Там же. Л. 60.

военные тревоги и понижение регулирующей роли уставов были причиной того, что в Отдельном Кавказском корпусе достаточно снисходительно смотрели на нарушение дисциплины вне зоны боевых действий¹¹⁹.

«Жизнь армейского офицера известна, – говорил пушкинский Иван Петрович Белкин. – Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пунш и карты». Если военная служба, самый дух императорской эпохи отнимал, по мысли Ю.М. Лотмана, у человека свободу, исключал случайность, то карточная игра эту случайность в жизнь вносила¹²⁰. Выигрыш был не самоцелью, а средством вызвать ощущение риска, внести в жизнь непредсказуемость.

Как видно из приведённого выше доноса Маевского, карты были неотъемлемой частью досуга жизни офицеров в Черноморских береговых укреплениях. Герой Парижской коммуны Ярослав Домбровский начинал свою карьеру артиллерийским офицером, часть которого в июне 1858 г. располагалась «недалеко от Новороссийска»¹²¹. Жена Домбровского вспоминала о его службе на Кавказе, что тот «в свободное от походов время пил, играл в карты и влюблялся чуть ли не в каждую из встречавшихся женщин. Дело однажды дошло до того, что несколько заядлых картежников предложили устроить в его квартире нечто вроде постоянного игорного притона»¹²².

Полученное образование позволяло вносить в однообразное существование поляков дух научных изысканий и литературных увлечений. У многих офицеров в формулярных списках записано: «Воспитывался в частном учебном заведении и знает: закон Божий, грамматику русскую и польскую, всеобщую и российскую историю, географию, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию и язык польский»¹²³. Некоторые

¹¹⁹ Латин В.В. Указ. соч. С. 151.

¹²⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994. С.154.

¹²¹ Дьяков В.А. Ярослав Домбровский. М., 1969. С. 40.

¹²² Там же. С. 41.

¹²³ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 946. Л. 56об. Приведён пример из формулярного списка поручика А.И. Стражец.

имели высшее образование. Подполковник П.О. Корове «воспитывался во Франкфуртском университете, лежащем на реке Одер и кончил полный курс наук»¹²⁴. Поручик И.Г. Ковалевский «воспитывался в Императорском университете Св. Владимира по 2-му отделению философского факультета и, кончив в оном полный курс, получил учёную степень кандидата»¹²⁵. Немало среди поляков было выпускников Московской и Виленской медико-хирургических академий, Дворянского полка, кадетских корпусов и инженерных училищ. Свои знания некоторые из них пытались реализовать на Черноморском побережье. Г.И. Филипсон писал в своих воспоминаниях о рядовом 6-го линейного батальона поляке Владиславе Багриновском, который окончил медицинский факультет Виленского университета, «но вместо лекарского мундира на него надели солдатскую шинель. Малого роста, изнурённый лишениями и лихорадкой, Багриновский был хорошо образован и сохранил страсть к научным занятиям. С высочайшего соизволения он был назначен директором Сухумского ботанического сада с производством в унтер-офицеры»¹²⁶.

М.Я. Ольшевский, которому не раз пришлось побывать на Черноморской береговой линии¹²⁷, стал этнографом горцев Кавказа, был избран членом Русского Императорского географического общества.

Неравнодушны были поляки и к литературным веяниям. В.А. Дьяков писал о хождении по рукам так называемой потаённой литературы: «Тетрадки, куда переписывались её произведения, были почти у каждого из молодых офицеров. Некоторые коллекционировали преимущественно эротические стихи, но чаще всего тетрадки заполнялись политическими текстами антиправительственного содержания»¹²⁸.

Таким образом, повседневная жизнь поляков в Черноморских береговых укреплениях была во многом связана с

¹²⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 957. Л. 6об.

¹²⁵ Там же. Д. 953. Л. 104об.

¹²⁶ Филипсон Г.И. Указ. соч. С. 160–161.

¹²⁷ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 19.

¹²⁸ Дьяков В.А. Указ. соч. С. 41.

состоянием, которое Д.И. Олейников называет «культурным билингвизмом»¹²⁹. Служение интересам многонациональной империи ставило польских военных в положение связующего звена между Россией и родиной, превращало «границу-стену» (*border*) в «границу-контактную зону» (*frontier*). В такой ситуации польская идентичность проявлялась не столько в оппозиционности войне с горцами, сколько в сохранении традиционных ценностей и веры. Командование Черноморской береговой линии шло навстречу духовным запросам поляков в солдатских и офицерских шинелях, не препятствовало карьерному росту вчерашних мятежников. В боях за Черноморское побережье поляки становились носителями, хранителями и строителями российской государственности, хотя процесс этот развивался крайне противоречиво, являя случаи не только доблестного служения, но и дезертирства, прямой борьбы с оружием в руках на стороне горцев. Хорошо адаптировавшись в среде особой общности «кавказцев», поляки в полной мере обзавелись как её достоинствами, так и пороками, разделяя со своими русскими товарищами тяжёлую повседневность жизни прибрежных фортов.

---

¹²⁹ Олейников Д.И. Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / Под ред. Е.С. Сенявской. М., 2002. С. 235.

В.И. ШКУРО
г. Краснодар

РОДИЛСЯ ПАНОМ — УМЕР АТАМАНОМ (ШТРИХИ К БИОГРАФИИ Я.И. МЕДУШЕВСКОГО)

17 февраля 1878 г. Высочайшим приказом было объявлено, что «состоящий по Кубанскому казачьему войску Атаман Баталпашинского военного отдела полковник Медушевский – умерший, исключается из войска»¹. Для занятия такой должности требовалась не только личная храбрость, но и распорядительность, забота о подчинённых и склонность к хозяйственной деятельности. Судя по последней должности, он всеми этими качествами обладал. А вот некоторые сведения о том, как они приобретались можно извлечь из его послужного списка.

Родился Яков Иванович Медушевский 23 мая 1823 г. в дворянской семье римско-католического вероисповедания. Воспитывался в частном учебном заведении. Военную службу начал унтер-офицером в Ингерманландском пехотном полку 11 июня 1839 г., а, по получении документов из Департамента Герольдии Правительствующего Сената, 23 сентября того же года произведён в подпрапорщики².

Через пять лет, 15 июня 1844 г. Я.И. Медушевский произведён в прапорщики и переведён в Кавказский линейный № 5 батальон. С этого времени Северный Кавказ станет самой важной страницей его биографии и местом последнего упокоения. 5 июля 1846 г. его переводят в Ставропольский пехотный полк,

¹ Приказы Кубанскому казачьему войску 1878 г. // ГАКК. Библиотека. Инв. № 8070.

² ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Л. 1–17.

вновь формируемой на Кавказе 19-й пехотной дивизии. 21 марта 1848 г. за отличие по службе Я.И. Медушевского производят в подпоручики, а 21 октября 1850 г. за боевые отличия – в поручики. Тогда, будучи заведующим полковой учебной командой, он принимал участие в боевых действиях отряда полковника Волкова в районе станицы Владимирской.

С 1 мая по 24 октября 1851 г. Я.И. Медушевский в отряде генерал-лейтенанта Н.С. Заводовского принял участие в возведении укрепления Белореченского, а 22–28 ноября того же года с отрядом генерал-майора Н.И. Евдокимова участвовал в рекогносцировке Майкопского ущелья. 1 мая 1853 г. Я.И. Медушевский был командирован в Образцовый пехотный полк, там 6 декабря 1854 г. он произведён в штабс-капитаны, а по окончании стажировки в Образцовом полку был назначен командиром роты в Великолуцком пехотном полку, который входил в состав войск охранявших Санкт-Петербург во время Крымской войны. По возвращении в Ставропольский полк, 30 июля 1857 г. Я.И. Медушевский назначен командиром роты, с которой с 5 по 26 декабря того же года в составе Майкопского отряда принял участие в постройке штаб-квартиры Кубанского пехотного полка. За отличие по службе 18 октября 1857 г. Я.И. Медушевский награждён орденом Св. Станислава 3-й степени, а 17 октября 1858 г. за боевые отличия произведён в капитаны, со старшинством с 5 января. В этот день Яков Иванович Медушевский отличился во время успешного боя с горцами между станицами Воронежской и Усть-Лабинской. С 19 апреля по 15 ноября того же года он был на берегу Чёрного моря в составе Константиновского отряда, который на месте разрушенного укрепления Новороссийского на берегу Цемесской бухты начал устройство укрепления Константиновского.

С 5 января по 10 октября 1859 г. Я.И. Медушевский был в составе Черноморского, а затем Адагумского отряда «при завершении Адагумской линии»³. Здесь можно отметить удачные действия «адагумцев» 22 июня при нападении на их лагерь 15-тысячной партии натухайцев, шапсугов, убыхов и абадзехов,

³ ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Л. 1–17.

«27 августа при ночном движении наших войск для выселения горских армян из середины шапсугского населения»⁴. За отличие в этих делах он был награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Период с 1 января по 16 августа 1861 г. прошёл в повседневных делах Адагумского отряда: устройство дорог, рубка просек, стычки с горцами. С 9 февраля по 28 июля 1861 г. Я.И. Медушевский – в Шапсугском отряде. Работа та же. Можно отметить устройство прямого сообщения между г. Екатеринодар и укреплением Григорьевским. 19 апреля 1861 г. «за отличие в делах против горцев» Я.И. Медушевский произведён в майоры, 26 мая – назначен командиром 2-го батальона, а 28 июля – награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

Новый 1862 год начался для майора Я.И. Медушевского назначением его командиром 1-го батальона. С 31 марта по 27 июня он со своим батальоном был занят отражением бесконечных набегов горцев в районе Григорьевского и Дмитриевского укреплений. 20 сентября 1862 г. «за отличие в делах противу горцев награждён Золотою саблею с надписью “За храбрость”»⁵. С 27 июня по 31 декабря 1862 г. Я.И. Медушевский был занят заготовлением строительных материалов и постройкой штаб-квартиры Ставропольского пехотного полка в укреплении Григорьевском и отражением набегов горцев. В составе Шебшского отряда Ставропольский полк был до 10 марта 1863 г. Продолжалось строительство штаб-квартиры полка в укреплении Григорьевском.

27 августа 1863 г. Ставропольский пехотный полк вошёл в состав Джубского отряда, сформировавшегося в укреплении Григорьевском, перед которым ставилась цель проложить дорогу на южный склон Кавказского хребта, в долине р. Джубга. С 31 августа по 15 сентября Я.И. Медушевский занимался возведением ограды и редута станице Ставропольской. 9 июня 1863 г. его наградили орденом Св. Станислава 2-й степени с короною и мечами, а 3 октября 1864 г. за боевые отличия он произведён в подполковники.

В 1866 г. Я.И. Медушевский принимает участие в разгроме абреков, окруживших Цебельдинское укрепление, а затем

⁴ ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Л. 1–17.

⁵ Там же.

в составе Абхазского отряда принимал участие в поимке абреков в районе Гудауты и Каласуры. За отличие в этом, 15 июля 1866 г. был награждён орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

С 15 июня 1867 г. Я.И. Медушевский служил в Кубанском казачьем войске и был назначен командиром 13-го Кубанского пешего пластунского батальона, а 22 сентября того же года – награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за выслугу в офицерских чинах 25 лет. За отличие по службе 15 декабря 1869 г. Я.И. Медушевский произведён в полковники, а 1 сентября 1871 г. – назначен командиром 2-го Кубанского пешего пластунского батальона. Это было время, когда в процессе реформы в Кубанском казачьем войске остались только два пластунских батальона, отличившиеся при обороне Севастополя в 1854–1855 гг. Тогда 2-й батальон был переименован в 1-й, а 8-й – во 2-й.

30 августа 1872 г. Я.И. Медушевский награждён орденом Св. Анны 2-й степени с Императорскою короною, а 12 ноября 1873 г. – пожалован бронзовой медалью в память столетнего юбилея учреждения ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, как обладатель Георгиевского оружия (золотой сабли с надписью «За храбрость»).

Косвенным свидетельством авторитета атамана Баталпашинского военного отдела Кубанского казачьего войска может служить то, что когда началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в этом отделе были сформированы 4-я и 6-я сотни добровольцев для Кубанского конно-иррегулярного полка. А при следовании Марухского отряда генерал-лейтенанта П.Д. Бабыча через отдел, старейшины карачаевцев, черкесов, абазинцев, ногайцев и других племён, несмотря на разгар полевых работ, выделили свыше 100 юношей для помощи казакам, отправляющимся освобождать Абхазию от захвативших её турок⁶.

Я.И. Медушевский был женат на дочери коллежского асессора Берёзова – Елизавете Дмитриевне. У них были дети: Андрей (род. 11 апреля 1857 г.), Исидор (род. 16 сентября 1861 г.),

---

⁶ Подробнее см.: *Шкуро В.И.* Участие горцев-добровольцев Кубанской области в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Кубанский сборник / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. Т. 2 (23). С. 402–429.

Михаил (род. 2 ноября 1866 г.) и Юлия (род. 6 января 1868 г.) Возможно, их потомки живут до сих пор, и им будет интересно узнать об одном из своих предков. На эту мысль автора наводят воспоминания о студенческих годах. В начале 1950-х гг. в Историко-архивном институте курс метрологии преподавала ныне профессор, доктор исторических наук Ольга Михайловна Медушевская (1922 г.р.).

А.А. БОГОЛЮБОВ
г. Пятигорск

СУДЬБЫ ПОЛЯКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX в.

1. Первые контакты между Польшей и Кавказом

Уже во второй половине XV в. с польской стороны предпринимались попытки наладить связи со странами, расположенными на Кавказе. Вначале это были дипломатические и торговые контакты с государствами Закавказья. Первым из польских королей попытку установить такого рода отношения предпринял король Казимир IV Ягеллончик, стремившийся к заключению союза против Турции с Узун-Хасаном, властителем государства, расположенного на территории сегодняшнего Азербайджана. Роль посланника сыграл тогда Катерино Зено¹.

В 1495 г. в Центральной Европе побывал монах Корнелий, посланник Константина II, царя Картли. Корнелий, вне всякого сомнения, находился какое-то время при дворе великого князя литовского Александра. Весьма вероятным представляется также, что Корнелий посетил Краков, где был принят польским королём Яном I Ольбрахтом².

Однако первые упоминания о пребывании поляков на территории Северного Кавказа относятся к XVI в. Польский историк

¹ *Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. Łódź, 1985. S. 24–25.*

² *Materski W. Pięćset lat kontaktów polsko-gruzińskich. Zarys problematyki // Polacy w Gruzji / Pod red. ks. E. Walewandra. Lublin, 2002. S. 57.*

Ян Рейхман писал, что уже на рубеже XVI–XVII вв. польские купцы могли путешествовать в Персию через «ворота Азии» – г. Дербент³.

После того, как Польша потерпела поражение в войне с Турцией в 1620 г., на Кавказ отправились два польских дипломатических агента – Абгарович (имя, к сожалению, неизвестно) и Кшиштоф Серебкович (Церебкович). Оба они, по мнению польских историков Богдана и Кшиштофа Барановских, принадлежали к армянской диаспоре г. Львова, входившего тогда в состав Речи Посполитой. Первый из этих агентов, Абгарович, должен был вести переговоры о возможном военном союзе против общего врага – Турции – с черкесскими князьями, а второй – с властителями Грузии. Однако переговоры эти не дали результатов.

В конце 1630-х гг. польский король Владислав IV выслал в Исфахан, тогдашнюю столицу персидских шахов, посольство во главе с Теофилом Шембергом (у Я. Рейхмана – Шаремберг). Этот человек принадлежал к числу старых заслуженных воинов польского приграничья, был участником многих войн с турками и крымскими татарами. Посол добирался через Москву и далее Волгой – до Астрахани и Каспийского моря. На обратном пути посольство было полностью уничтожено горцами Дагестана. Барановские считают, что эта акция была спланирована и осуществлена турецкими агентами⁴.

В 1637 г. Владислав IV выслал на Кавказ представителя монашеского ордена доминиканцев по имени Иоанн. Именно этот монах впервые в европейской литературе составил описание Кавказа. Об этом авторе упоминал в XIX в. немецкий исследователь Карл Нойманн⁵, который цитировал это описание, изданное в Париже в 1664 г.⁶

³ *Reychman J.* Polacy w górach Kaukazu do końca XIX wieku // *Wierchy*. Kraków, 1954. Т. 23. S. 20.

⁴ *Baranowski B., Baranowski K.* Polaków kaukaskie drogi. S. 26–27.

⁵ *Neumann K.F.* Rußland und Tscherkessen / Drük und Verlag der J.G. Gotta-Sehen Buchhandlung. München, 1840. S. 43.

⁶ *Relations des Tartares, Percopites et Nogais, des Circassiers, Mingreliens et Georgiens // Relations de divers voyages Curieux qui n'ont été publiés.* Paris, 1664.

Барановские упоминают также польского посла, армянина из Замостья, Каспера Шиманьского, который выехал в Западную Грузию и земли черкесов, но до Грузии так и не добрался⁷. По мнению исследовательницы Кристины Врубель-Липовой К. Шиманьский в 1653 г. в качестве переводчика в составе польского посольства побывал в землях калмыков. Целью посольства было склонить калмыков атаковать Крым, за что польский король Ян II Казимир должен был заплатить им 5000 талеров и оказать военную помощь⁸.

В работе Барановских можно встретить также имя польского дипломата Богдана Гурдзицкого (Гурдзецкого, Грудзицкого, Грудзецкого), который на рубеже XVII–XVIII вв. путешествовал из Москвы через Астрахань в Тбилиси и Исфахан в качестве польского дипломатического представителя. Маршрут его следования пролегал по землям Северного Кавказа⁹.

Иезуит Иуда Тадеуш Крусиньский, один из крупнейших специалистов своего времени в области восточных языков, в начале XVIII в. находился в Закавказье. Именно его перу принадлежит одно из первых в польской науке описание народов Кавказа¹⁰.

Барановские писали также о военном инженере Себастьяне Адерсе, который, под видом купца, путешествовал в XVII в. вдоль черноморского побережья Кавказа, изучая турецкие береговые укрепления¹¹.

В работах некоторых российских авторов сообщается о тесном взаимодействии поляков с русскими на Кавказе. В.А. Потто утверждает, что уже с XVI в., т.е. с самого начала существования Терского (в тот период – Гребенского) казачьего войска в его рядах находились и католики, выходцы из польских земель¹².

⁷ *Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. S. 27–28.*

⁸ *Wróbel-Lipowa K. Działalność dyplomatyczna Ormian polskich w XVI–XVIII wieku // Studia z dziejów kontaktów polsko-ormiańskich / Pod red. M. Zakrzewskiej-Dubasowej. Lublin, 1983. S. 112.*

⁹ *Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. S. 28–29.*

¹⁰ *Kolbaja D. Juda Tadeusz Krusiński SJ – misjonariusz, uczoney i dyplomata. Życie i dzieło // Pro Georgia. Warszawa, 1992. № 2. S. 21–22, 25–27.*

¹¹ *Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. S. 28.*

¹² *Потто В.А. Два века терского казачества (1557–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 20, 34.*

С.А. Чекменёв также утверждает, что уже в XVIII в. в рядах казаков, и, прежде всего, кубанских казаков, на Северном Кавказе были католики и даже лица иудейского вероисповедания. Часть из них в последствии выехала в другие страны, в том числе и в Польшу¹³.

После упадка Речи Посполитой в 1795–1797 гг., когда большая часть её территории отошла к России, прибывавшие на Кавказ поляки как чиновники, так и политические ссыльные, рассматривались властями уже в качестве подданных империи.

Особого внимания в этот период заслуживает путешествие в 1797–1799 гг. на Северный Кавказ польского графа Яна Потоцкого (1761–1815). Дорога проходила через Москву, Коломну, Рязань, Ряжск, далее через Козлов (ныне – Мичуринск), Тамбов, далее – через казачьи станицы по берегам Волги и Дона на Кавказ.

В своей книге Я. Потоцкий описывает обычаи различных народов южных рубежей России, начиная с калмыков, которых повстречал путешествуя Волгой. Там же состоялась его первая встреча с представителями горских народов Северного Кавказа – черкесами и чеченцами. Далее граф посетил Кизляр, где увидел жизнь народов Дагестан и составил описание этого региона, прежде всего аула Кубачи, а также обычаев народов, его населяющих. Интересно отметить, что Я. Потоцкий называет этот аул «Женовой Кавказа», указывая на якобы сохранившиеся в нём остатки христианских храмов, а также описывая необычайное благородство жителей аула, которых никто из их соседей не смеет захватывать в плен или брать в заложники.

Путешествуя далее к западу от Кизляра осенью 1797 г. Я. Потоцкий побывал на землях чеченцев и ингушей и подробно описал их жизнь и обычаи. Я. Потоцкий подчёркивал, что разница между двумя народами заключается в том, что чеченцы были мусульманами, а ингуши – язычниками¹⁴. По словам Я. Потоцкого значительная часть чеченцев занималась грабежом

---

¹³ Чекменёв С.А. Переселенцы (Очерки заселение и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в XVIII–XIX вв.). Пятигорск, 1994. С. 55–56.

¹⁴ *Potocki J. Podróże / Opr. L. Kukulski. Warszawa, 1959. S. 348.*

путешественников, а также похищением их с целью выкупа. В этом «ремесле» они достигли совершенства¹⁵.

Особо следует остановиться на описании путешественником Маджар (ныне, скорее всего, с. Бурдун-Маджары в окрестностях Будённовска), где на момент пребывания там Я. Потоцкого сохранились старинные руины, не дошедшие до наших дней. Граф не только подробно описал, но и зарисовал эти древние постройки. Во времена его путешествия эта местность была населена преимущественно армянами и грузинами, выращивавшими виноград¹⁶.

Перу графа Я. Потоцкого принадлежит также описание земель кабардинцев, балкарцев и черкесов, составленное во время его пребывания в городах Георгиевск и Моздок. Весной 1798 г. Я. Потоцкий некоторое время находился в Константиногорске (ныне – Пятигорск), его восхищала природа этого уголка Кавказа¹⁷. Граф описал также быт и обычаи кочевых народов Северного Кавказа – ногайцев, калмыков и туркмен.

В конце XVIII в. некоторые поляки постоянно проживали на Кавказе. Польский историк Б. Барановский утверждает, что уже в рядах первых частей российской армии, направленных в Грузию, были поляки, вступившие в её ряды добровольно. Эти люди были родом из тех земель Речи Посполитой, которые после разделов её вошли в состав Российской империи¹⁸. В ряды российской армии также принудительно включались польские солдаты, участники восстания Тадеуша Костюшко. Их количество неизвестно, но можно предположить, что число их было невелико¹⁹.

Внимания заслуживает также упоминание графом Я. Потоцким встреченного им в Моздоке осенью 1797 г. капитана Вильковского, поляка по отцу и черкеса по матери. Капитан Вильковский провёл в краю черкесов 15 лет, служа в российской армии переводчиком. Комментируя этот эпизод из книги графа,

¹⁵ *Potocki J.* Podróże. S. 323, 356.

¹⁶ *Ibid.* S. 378–380.

¹⁷ *Ibid.* S. 378–380, 396.

¹⁸ *Baranowski B.* Polskie zainteresowania z XVIII i XIX wieku kulturą Gruzji. Wrocław; Łódź, 1982. S. 23–24.

¹⁹ *Ibid.* S. 24.

Я. Рейхман предполагает, что Вильковский был польским ссыльным на Кавказе²⁰. Эта гипотеза представляется маловероятной. Прежде всего, возникает вопрос, каким образом в XVIII в. черкесская девушка, будущая мать капитана Вильковского, могла очутиться в Польше, чтобы позднее выйти замуж за поляка? Теоретически ссыльным мог быть отец капитана Вильковского. Возможно, он был взят в плен российскими войсками во время одного из конфликтов второй половины XVIII в., позднее сослан на Кавказ, где и женился на черкесской девушке.

Граф Я. Потоцкий упоминает также, что поселение Маджар было заложено по приказу генерал-майора П.М. Скаржинского, бывшего астраханского губернатора и правителя Кавказского наместничества (в 1792–1796 гг.), поляка по происхождению²¹.

В 1807 г. Я. Потоцкий прислал в РАН письмо на французском языке²², в котором информировал Юлия Клапрота, российского учёного немецкого происхождения, занимавшегося тогда подготовкой экспедиции на Кавказ, о том, на что, прежде всего, следует обратить внимание во время путешествия и что при подготовке к нему следует прочитать. В письме граф упоминает ногайцев, осетин, абазинцев и черкесов. О земле черкесов граф Потоцкий пишет как о крае мифических амазонок, подчёркивая, что среди черкесов в ту пору продолжали ходить легенды о воинственных женщинах²³.

Граф Я. Потоцкий предлагал Ю. Клапроту совершить путешествие от устья Дона до Моздока²⁴, либо вдоль побережья Чёрного моря от Анапы до Мингрелии. При этом граф упоминает убыхов, народ под названием *Les Arge*, а также аланов, которые, по его сведениям, жили к северу от лезгин²⁵. Как справедливо указывает Я. Рейхман, Я. Потоцкий явно покровительствовал Ю. Клапроту. Благодаря протекции графа РАН поручила

²⁰ *Reychman J. Polacy w górach Kaukazu...* S. 23–24.

²¹ *Potocki J. Podróże.* S. 382.

²² Вышеупомянутая книга о путешествии по Кавказу также была написана на французском языке и полностью переведена на польский язык лишь в 1959 г.

²³ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1807. Д. 24. Л. 5–9.

²⁴ Там же. Л. 5об.

²⁵ Там же. Л. 6.

Ю. Клапроту исследовать языки кавказских народов. Большого научного значения эти исследования не имели, но позднее в знак благодарности Ю. Клапрот первым издал полный текст книги Я. Потоцкого о его путешествии по Кавказу (1829 г.). Сделано это было уже после смерти автора²⁶.

На присутствие поляков на Северном Кавказе указывает в своих мемуарах Семён Михайлович Броневский (1763–1830/1831), действительный статский советник и офицер, уроженец г. Белёв Тульской губернии, чей род также имел польское происхождение. Юношей С.М. Броневский поступил в кадетский корпус, который первоначально располагался в г. Шклов в центральной России, а позднее – в Гродно, в Королевском замке. В 1770–1780-х гг. С.М. Броневский путешествовал по Кавказу. В 1802–1806 гг. был правителем канцелярии при главнокомандующих российскими войсками на Кавказе. В 1804 г. в Екатеринограде он встретил семью Ивановых, глава которой, Павел Иванов, был начальником провиантской комиссии, а хозяйка дома, Роза Степановна, была по национальности полькой. Беседы с С.М. Броневским на польском языке, которым он прекрасно овладел, учась в Гродно, неизменно доставляли Розе Ивановой огромное удовольствие. Не в последнюю очередь именно по этой причине семья Ивановых так сердечно принимала С.М. Броневского²⁷.

2. Поляки на Северном Кавказе до Ноябрьского восстания 1830 г.

В польской историографии существует довольно много работ о поляках на Кавказе в период между наполеоновскими войнами и Ноябрьским восстанием 1830 г. (Польским восстанием 1830–1831 гг.). Однако большинство работ посвящено полякам в Закавказье.

²⁶ *Reychman J. Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie w XIX w. Warszawa, 1972. S. 178.*

²⁷ ОР РНБ. Ф. IV, 698. Л. 49–50; *Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1–2. Другое издание: Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999.*

Исследователь Мечислав Инглот обращает внимание на работу Эдварда Рачиньского «Дневник путешествия в Турцию», изданную во Вроцлаве в 1821 г. Важно отметить, что в «Дневнике» упоминается и Северный Кавказ. М. Инглот назвал Э. Рачиньского «продолжателем туристических традиций Потоцкого»²⁸.

После поражения наполеоновской армии число поляков на Кавказе значительно увеличилось за счёт захваченных в плен во время похода Наполеона на Россию. Анджей Ходубский оценивает общее число польских пленников, высланных на Кавказ, примерно в 10 000 чел.²⁹

Часть этих пленников проходила в Грузию через Ставрополь. При этом предводитель дворянства Кавказской губернии требовал от уездного предводителя дворянства, чтобы каждую группу пленников офицеров сопровождал не только специальный чиновник, но и представитель дворянства. Однако исполнять это требование оказалось непросто – все, кто мог, всячески старались от него уклониться³⁰.

В 1814 г. положение пленников значительно изменилось: в столицу Кавказской губернии пришёл указ царя об освобождении поляков, находящихся в российском плену³¹. На основании этого указа в январе 1814 г. земский суд в Ставрополе попросил губернского предводителя дворянства выделить человека, который мог бы сопроводить группу из 12 бывших польских пленников до северной границы губернии, т.е. Области Всевеликого войска Донского. В этой группе пленников значительное число составляли мещане из г. Белостока³². В июне 1814 г. гражданский губернатор Кавказской губернии при посредничестве градоначальника Ставрополя добивался от губернского дворянства назначения чиновников-дворян, которые могли бы сопровождать бывших польских пленников непосредственно до места

---

²⁸ *Inglot M.* Polacy piszący na Kaukazie w pierwszej połowie XIX w. // Pamiętnik literacki. Rocznik XLVIII. Wrocław, 1957. Z. 2. S. 541.

²⁹ *Chodubski A.* Aktywność kulturalna Polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku. Gdańsk, 1986. S. 90.

³⁰ ГАСК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 26. Л. 90, 110, 128.

³¹ Там же. Л. 69, 72, 137.

³² Там же. Л. 4, 8.

их жительства. Губернатор требовал, чтобы бывших пленных вплоть до назначенного места сопровождал российский унтер-офицер³³. Тем не менее, российские чиновники, даже после выхода царского указа, с величайшей неохотой сопровождали группы бывших польских пленнх. Например, в марте 1815 г. ставропольский земский исправник информировал предводителя дворянства в Ставрополе Якова Масальского, что чиновники, вместо того, чтобы сопровождать поляков до назначенного пункта русско-польской границы, задерживаются в других российских городах, оставляя, таким образом, бывших пленнх на произвол судьбы³⁴.

Тем не менее, вопреки всем трудностям, число поляков, пребывавших в плену на Кавказе и вернувшихся домой, составило не менее 8000 чел.³⁵ Одним из поляков, взятых в плен в ходе войны с Наполеоном и находившихся на Кавказе, был капитан Масальский (не путать с уже упоминавшимся предводителем ставропольского дворянства!). Мемуары капитана Масальского о его путешествии через Владикавказ в Грузию были изданы в Познани в 1833 г.³⁶

Следует отметить, что среди чиновников Кавказской губернии в период наполеоновских войн и после них можно было встретить весьма много польских фамилий. Например, кавказским гражданским губернатором (в 1809–1811, 1813–1820 гг.) был Марк Леонтьевич Малинский³⁷, а городским головой Ставрополя – Юзефович³⁸.

Можно предположить, что хотя большинство бывших польских пленнх, не пожелавших возвращаться на родину, осело в Закавказье, прежде всего, в Грузии, их число на Северном Кавказе составляло тогда несколько сот человек. В большинстве своём это были люди хорошо образованные, а значит, они не могли не оставить след в истории региона.

³³ ГАСК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.

³⁴ Там же. Л. 32.

³⁵ *Chodubski A. Aktywność kulturalna Polaków... S. 90.*

³⁶ *Reychman J. Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 24.*

³⁷ ГАСК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.

³⁸ Там же.

Одним из таких пленников был Михал Вржоско. Он родился 21 сентября 1788 г. в Лидском уезде в семье Каетана и Клары, урождённой Шуйской, Вржоско³⁹. Михал был окрещён ксендзом Викентием Суркотом в костёле Заблоцкого прихода. Восприемниками были подचाший луцкий Довгиртт и Антонина Лепарская⁴⁰. Имение Каетана Вржоско – Копциёвщизна в Лидском уезде – ранее принадлежало Осецким, позднее – Журавским. В 1795 г. род Вржоско был утверждён в дворянском достоинстве Герольдией Российской империи.

В 1805 г. Михал Вржоско, получив домашнее образование, добровольно вступил во французскую армию⁴¹. В 1812 г. он был взят русскими в плен у городка Бауск, недалеко от Риги⁴². Год спустя вместе с другими польскими пленными был выслан на Кавказскую линию, где служил в гарнизоне Моздока. В 1815 г., прикрывая марш российской колонны войск, был тяжело ранен в сражении с черкесами. В связи с этим в 1816 г. М. Вржоско был уволен со службы. Он остался жить в Кизляре на положении пленного и был записан в сословие мещан этого города, на что, впрочем, не давал своего согласия. В следующем году М. Вржоско был назначен городским головой Кизляра⁴³. После трёх лет службы на этом посту М. Вржоско получил от властей Кавказской губернии трёхлетний отпуск, выехал на родину, разыскал родных (у него был брат Ежи) и вновь вступил во владение имением, которым успешно распоряжался⁴⁴. По завершении отпуска, уже на рубеже 1820–1830-х гг. М. Вржоско пробовал получить согласие властей на исключение его из списков мещан Кизляра и разрешение на постоянное проживание в своём имении. Под разными предложениями ему отказывали. Вначале он получил отказ от Дворянского собрания Кавказской губернии⁴⁵, затем – от Кавказской казённой палаты, которая проинформировала М. Вржоско

³⁹ ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 51. Л. 2об., 13об.

⁴⁰ Там же. Л. 2об.

⁴¹ Там же. Л. 2.

⁴² Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1608 (связка 149). Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 1, 1об.

⁴⁴ Там же. Ф. 63. Оп. 5. Д. 51. Л. 13об.

⁴⁵ Там же. Л. 24.

о том, что на основании указов Сената, утверждённых царём, польские пленные не могли проживать на территориях бывшей Речи Посполитой, включённых в состав Российской империи. Об этом Кавказская казённая палата уведомила также и начальника полиции Кавказской области 12 апреля 1834 г.⁴⁶ А 6 апреля 1826 г. эта палата сообщила М. Вржоско о том, что исключение его из числа мещан Кизляра не представляется возможным, так как император не утвердил его в дворянском достоинстве⁴⁷.

Таким образом, основываясь на документах, касающихся судьбы бывшего солдата наполеоновской армии, можно прийти к выводу, что уже в период 1813–1814 гг. на пути к возвращению на родину бывших польских пленных возникали порой непреодолимые препятствия вследствие административно-бюрократических проволочек.

Среди польских пленных, оказавшихся на Кавказе, был также Станислав Новацкий, унтер-офицер Польской армии времён Великого герцогства Варшавского⁴⁸. С. Новацкий оставил мемуары «Путешествие в Грузию во время моей неволи в России, совершённое в 1813, 1814 и 1815». Книга С. Новацкого, также как и мемуары вышеупомянутого капитана Масальского, была опубликована в Познани в 1833 г.

С. Новацкий писал, что находясь в Грузии терпел голод и нужду вместе с жителями этого некогда благодатного края, страдавшего к тому же от набегов кавказских горцев. Такое мрачное описание положения Грузии породило у исследователя Б. Барановского серьёзные сомнения в том, что автор вообще был на этой территории. Особые сомнения вызвала фраза: «Край этот называют Георгия, Грузия и Кавказская линия»⁴⁹. Скорее всего, делает вывод Б. Барановский, С. Новацкий в действительности никогда не бывал в Грузии, а служил в одном из гарнизонов Северного Кавказа.

Как свидетельствуют архивные данные, некоторые из польских пленных 1812 г., пребывавших на Северном Кавказе,

⁴⁶ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1608 (связка 149). Л. 13.

⁴⁷ Там же. Ф. 63. Оп. 5. Д. 51. Л. 7, 7об.

⁴⁸ *Inglot M. Polacy piszący na Kaukazie...* S. 541.

⁴⁹ *Baranowski B. Polskie zainteresowania...* S. 23.

похищались горцами. Судьба этих пленных, по возвращении к русским оказывалась значительно лучше, чем судьба уже упомянутого М. Вржоско. Например, Викентию Жембровскому (Жебровскому) удалось вырваться из плена горцев в июле 1817 г. Правление Гродненской губернии сообщило тогда по запросу властей Кавказской губернии следующую информацию о В. Жембровском: от роду ему 28 лет, родился в городке Надажин Блоньского уезда Варшавского департамента⁵⁰ Царства Польского, был сыном солдата. В 1806 г. призван в Войско Польское и включён в состав 2-го пехотного полка. Во время войны с Россией был взят в плен в 1812 г. под Минском и отправлен на Кавказскую линию, где, скорее всего, находился до апреля 1814 г.⁵¹ В. Жембровский, по его собственным словам, вместе с двенадцатью другими польскими пленными (среди которых упомянут и некий Ярошевский), были похищены горцами в тот момент, когда копали ров укрепления Константиновское⁵².

Иначе представил обстоятельства пленения В. Жембровского и его товарищей генерал-майор И.Л. Дебу, командовавший 1-й бригадой 22-й пехотной дивизии правого фланга Кавказской линии. В своём рапорте от 3 ноября 1816 г. правлению Кавказской губернии И.Л. Дебу утверждал, что В. Жембровский был захвачен горцами в 1813 г. вместе с несколькими пленными польскими офицерами, ремонтировавшими стену укрепления. Среди офицеров были: полковник Юзеф Спедомский (Следомский) и майор Урнижельский (Ирнижельский). По словам И.Л. Дебу, однажды ночью эти офицеры очутились за стеной укрепления, где и были схвачены горцами. Поляков увезли в горы, где неоднократно перепродавали. Генерал-майор И.Л. Дебу утверждал, что, по крайней мере, полковник Ю. Спедомский добровольно бежал к горцам, а посему, когда последний

---

⁵⁰ Во времена Великого герцогства Варшавского (1807–1815 гг.) территория Польши единственный раз в своей истории делилась не на воеводства, а на департаменты.

⁵¹ ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595. Л. 490.

⁵² Там же. Л. 485, 490.

вернулся в русский лагерь, его подвергли наказанию в виде заключения в карантин на 42 дня⁵³.

В. Жембровский также бежал от горцев к русским и находился в карантине в Екатеринодаре, откуда его под охраной казаков вместе с товарищем по побегу от горцев, сыном греческого купца Михаилом Зембереновым (Зембериновым), отвезли в Георгиевск, где передали в распоряжение правления Кавказской губернии. При этом обстоятельства похищения горцами В. Жембровского, как и в случае с Ю. Спедомским, также вызвали серьёзные опасения И.Л. Дебу, приказавшего доставить В. Жембровского в Георгиевск под строгой охраной⁵⁴.

Сразу же по прибытии в Георгиевск В. Жембровский попросил разрешения вернуться в родной ему Надажин, который находился согласно новому административному делению в Плоцкой губернии. В 1817 г. он получил согласие властей. Ему выдали так называемый билет – документ, написанный по-польски и по-русски, который давал ему право доехать до Белостока, куда он и прибыл 21 июля того же года⁵⁵. В. Жембровский не имел права по дороге до Белостока где-либо задерживаться, а тотчас по прибытии в этот город должен был явиться к начальнику местной полиции. Эти условия В. Жембровским были выполнены. Уведомление о его прибытии в Белосток пришло в правление Кавказской губернии 3 августа 1817 г. В Белостоке В. Жембровский мог встретиться со своими родными – отцом Мацеєм и братом Феликсом, которых не видел со дня ухода в армию и ехать далее вместе с ними домой⁵⁶.

В конце 1820-х гг. значительное число поляков-специалистов, а также чиновников на царской службе находилось на территории Грузии. Их дорога в этот край лежала через Северный Кавказ. Один из таких чиновников, чьё имя, к сожалению, осталось неизвестным, привёз с собою жену по имени Паулина. Она описала своё путешествие в Грузию через Северный Кавказ и пребывание в Тифлисе. По мнению Б. Барановского, описание было

⁵³ ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595. Л. 484.

⁵⁴ Там же. Л. 481, 482., 485, 485об.

⁵⁵ Там же. Л. 485об., 490.

⁵⁶ Там же. Л. 12об, 13, 490об.

составлено в конце 1820-х гг., а издано в 1839 г. Б. Барановский высказывает предположение, что подпись «Паулина К.» вполне могла быть и псевдонимом⁵⁷.

В письме к Адаму Мицкевичу от 10 декабря 1829 г. известный польский ориенталист Александр Ходзько вспоминает о встреченном им на Кавказе некоем чиновнике Пелчиньском, который путешествовал по Кавказу той же дорогой, что и Паулина К. со своим мужем, и позднее описал своё путешествие в письме к своему знакомому Францишеку Малевскому⁵⁸.

Некоторые поляки, находившиеся на Северном Кавказе накануне Ноябрьского восстания 1830 г., делали карьеру, другие мечтали начать здесь новую духовную жизнь. Так, Матвей Пискорский (Пискарровский) родился в д. Ковалёвки Брацлавского уезда Подольской губернии⁵⁹. Приняв православие, он желал поступить в один из православных монастырей, но перед этим совершить паломничество в Иерусалим через Кавказ⁶⁰. Во время путешествия его планы несколько изменились. М. Пискорский захотел вести жизнь отшельника в лесу при одном из монастырей Грузии, но подходящего для такой жизни монастыря не нашёл. Видимо, как всякий неофит, М. Пискорский не вполне понимал ещё смысла всех таинств и обрядов православия. Не найдя себе места в Грузии, он через Владикавказ и Екатериноград вернулся на Северный Кавказ⁶¹. Летом 1826 г. его задержали в с. Новогригорьевское, близ г. Георгиевск, во время ярмарки. Затем М. Пискорский, несмотря на предъявленное им свидетельство от 26 мая 1826 г., выданное брацлавским земским судом, был подвергнут аресту, о чём Кавказское областное правление уведомлено 25 сентября 1826 г. При этом указывалось, что М. Пискорский якобы был человеком праздно шатающимся и вообще бродягой без каких-либо других документов⁶². На допросах М. Пискорский сообщил о своих религиозных убеждениях

⁵⁷ *Baranowski B. Polskie zainteresowania...* S. 23.

⁵⁸ *Reychman J. Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie...* S. 180.

⁵⁹ ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 509. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 13, 21.

⁶¹ Там же. Л. 2.

⁶² Там же. Л. 7, 7об.

и о том, что каждый год как православный бывает у святого причастия. Он рассказал о том, что поляк и шляхтич, что ему 20 лет, умеет читать и писать по-русски и по-польски⁶³. Последнее утверждение может вызвать сомнения, ведь своё заявление, поданное уже после ареста на имя начальника Кавказской области генерала Г.А. Емануеля с просьбой позволить ему постоянно проживать в Новогригорьевском, М. Пискорский не смог даже подписать⁶⁴. Как бы там ни было, но представленное М. Пискорским свидетельство, выданное брацлавским земским судом и содержащее разрешение на пребывание во всех российских городах (вид на жительство), в глазах властей Кавказской губернии не выглядело достаточно убедительно. В этой связи чиновники губернии отправили запрос на высочайшее имя о том, что им надлежит делать с М. Пискорским. Ответ содержал повеление отправить шляхтича М. Пискорского под усиленной охраной из Георгиевска в Ставрополь, где он должен был предстать перед правлением области⁶⁵.

Вскоре после получения высочайшего распоряжения пришло подтверждение легитимности всех выданных М. Пискорскому документов из правления Подольской губернии. Кроме того, чиновник правления Немеровский просил власти Кавказской области немедленно освободить М. Пискорского⁶⁶. В связи с этим 22 августа 1827 г. чиновники областного суда получили вполне заслуженный выговор от правления Кавказской области⁶⁷. Тем не менее, правление отказало М. Пискорскому в праве поселиться в окрестностях Георгиевска⁶⁸. Вместо этого он получил билет до Каменца-Подольского с условием нигде не задерживаться и по прибытии тут же явиться в губернское правление⁶⁹.

Надо полагать, что восстание декабристов 1825 г. послужило поводом к росту подозрительности в отношении любой

⁶³ ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 509. Л. 2.

⁶⁴ Там же. Л. 21.

⁶⁵ Там же. Л. 2, 3, 6.

⁶⁶ Там же. Л. 13, 18.

⁶⁷ Там же. Л. 13об.

⁶⁸ Там же. Л. 28.

⁶⁹ Там же.

общественной деятельности образованных людей в России, в том числе представителей польского народа. В 1826 г. вышло распоряжение министр внутренних дел, согласно которому все, кто находился на государственной службе, должны были принести присягу в том, что не принадлежат к каким-либо тайным организациям или союзам⁷⁰.

В связи с этим распоряжением в правление Кавказской области стали поступать рапорты о такой присяге, принятой чиновниками области. Среди них можно встретить немало фамилий, обладатели которых могли принадлежать к представителям польского народа. Так, в 1826 г. в Ставрополе присягу приняли: ставропольский чиновник Ян Кадницкий⁷¹; его однофамилец, заседатель ставропольского суда; инспектор Кавказского врачебного управления Гриельский; надзиратель ставропольской городской полиции Навроцкий⁷²; чиновники Кавказского дворянского собрания: коллежский ассессор Золотницкий и коллежский регистратор Бутович⁷³.

В крепости Кисловодск присягу принимали: поручик Роговский, комиссары 10-го класса Чарнявский и Сутоцкий⁷⁴, а в Георгиевске – канцелярист Ерарский⁷⁵.

В Кизляре в 1826 г. присягу принял секретарь уездного суда Павел Бодровский (Бродовский). Однако присягу чиновника кизлярского карантина, надворного советника Сапеги в правлении Кавказской области не утвердили. По мнению областных чиновников Сапега написал о себе недостаточно⁷⁶.

Вообще поляки охотно откликались на призывы властей Кавказской области, а именно, генерала Г.А. Емануеля, поступить на службу в этом регионе, где опытных, знающих своё дело людей не хватало⁷⁷. Призыв 1826 г. был не только высочайше утверждён,

---

⁷⁰ ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 227. Л. 2.

⁷¹ Там же. Л. 9.

⁷² Там же. Л. 53.

⁷³ Там же. Л. 65.

⁷⁴ Там же. Л. 22.

⁷⁵ Там же. Л. 26.

⁷⁶ Там же. Л. 53.

⁷⁷ Там же. Ф. 63. Оп. 5. Д. 603. Л. 142.

но по указу царя даже выделялись средства на покрытие дорожных расходов.

В 1827 г. правом перехода на службу воспользовался, в частности, Якуб Кшиштофович – коллежский регистратор и помощник начальника департамента гражданского суда в Каменце-Подольском. Этот чиновник не только получил такое право, а в виде награды – очередной чин, но и деньги на переезд – 221 р 6 к., а также дополнительное жалование – 75 р серебром. Для переезда Я. Кшиштофовичу выделялось за счёт казны две лошади и провожатый⁷⁸.

Вместе с Я. Кшиштофовичем на службу в Кавказскую губернию выехал и коллежский асессор Максимилиан Карпович-Чайковский. Так же, как и Я. Кшиштофович, он имел право на двух лошадей и провожатого⁷⁹. Я. Кшиштофович и М. Каспрович-Чайковский выехали из Каменца-Подольского вместе 4 сентября 1827 г.⁸⁰ Заметим, что впоследствии во время службы на Кавказе первая часть фамилии М. Карпович-Чайковского была опущена и в позднейших документах он встречается только как Чайковский.

В 1827 г. на службу в Кавказскую область выехал ещё один каменец-подольский чиновник – Сильвестр Ковалевский, губернский секретарь, служащий 1-го департамента общественного призрения Подольской губернии⁸¹. Документы характеризовали его как очень трудолюбивого, способного и добросовестного человека. При этом император Николай I лично подписал распоряжение о переводе С. Ковалевского на службу на Кавказ. Так же, как Я. Кшиштофович и М. Каспрович-Чайковский, С. Ковалевский получил на переезд двух лошадей и провожатого⁸².

Примечательным является факт, что уже в июне 1827 г., правление Кавказской области отказало в приёме на службу в полицию, суд либо в управление общественного призрения губернскому секретарю Макару Олендзскому – вакансии были уже заполнены⁸³.

⁷⁸ ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 77. Л. 142, 148–149.

⁷⁹ Там же. Л. 144, 150.

⁸⁰ Там же. Л. 151.

⁸¹ Там же. Л. 143.

⁸² Там же. Л. 147, 157, 159–161.

⁸³ Там же. Д. 603. Л. 317–318.

В ГАСК хранятся материалы о ряде поляков, работавших на Северном Кавказе в качестве врачей. Так, в 1826 г в Моздоке умер городской врач, а ранее врач местного карантина Пётр Томашевич, выпускник могиланской академии в Киеве 1790 г. В 1804 г. за то, что предотвратил эпидемию чумы в Грузии, получил чин титулярного советника. В Моздоке П. Томашевич служил, по крайней мере, с 1815 г. Был женат на вдове по фамилии Токаржевская⁸⁴.

Вообще польки крайне редко попадали на Северный Кавказ. Тем ценнее для нас оказываются немногочисленные свидетельства их пребывания в регионе. 26 июля 1826 г. в правление области обратился князь М.Д. Горчаков, который на основе рапорта своего подчинённого полковника Урнужевского просил правление решить дальнейшую судьбу Марианны Лещиньской и её внебрачного сына Яна Вильчиньского. Эта женщина была служанкой в семье начальника 6-го класса ставропольского комиссариатского депо Михаила Милорадова. Чиновник этот имел жену Каролину и дочь Паулину. Судя по именам, супруга М. Милорадова была полькой, что, вероятно, и повлияло на выбор в качестве служанки представительницы польского народа. По смерти мужа К. Милорадова жила в крепости Кавказская. После смерти Каролины (9 марта 1826 г.), её дочь принял в свою семью вышеупомянутый полковник Урнужевский⁸⁵. В то время М. Лещиньской было 40 лет, её сыну – 16. До приезда на Кавказ вместе с семьёй Милорадовых они жили в Дубне Волынской губернии. Там же родился и её сын, который получил фамилию крёстного отца. Комиссия правления Кавказской губернии приняла решение включить М. Лещиньскую в число мещан Ставрополя с правом проживания в этом городе. Однако в какой-либо финансовой помощи ей было отказано. При этом сына, вопреки его желанию остаться с матерью, решено было отдать на воспитание в войсковой сиротский приют⁸⁶.

Следует отметить, что некоторые поляки, находившиеся на Северном Кавказе в конце 1820-х гг., оставили о своём

⁸⁴ ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 77. Л. 15, 35, 79.

⁸⁵ Там же. Д. 334. Л. 1–2об.

⁸⁶ Там же. Л. 2–4, 11, 12, 15.

пребывании достаточно подробные мемуары. Одним из таких людей был Александр Еловицкий, находившийся на отдыхе и лечении в Пятигорске и Кисловодске летом 1827 г. В своих мемуарах он оставил подробное описание этих городов. Обращает на себя внимание также то, с каким упоением мемуарист пишет о похищениях горцами людей. Судя по тону мемуаров, А. Еловицкий считает подобные действия неким проявлением духа свободолюбия⁸⁷. Как видно непонимание с обеих сторон продолжало накапливаться накануне Ноябрьского восстания 1830 г.

3. Виленские «сарматы»

Легенда о стране сарматов, где все люди равны между собой и поэтому счастливы и свободны, была весьма распространена в Польше в XVI–XVIII вв. и послужила основой для утверждения в польском обществе идеологии сарматизма, т.е. своего рода культа всеобщего равенства и братства людей между собой. Сарматизм затронул буквально все сферы культурной жизни тогдашнего польского общества – литературу, искусство и даже архитектуру. Конечно же, дело касалось лишь образованных и состоятельных слоёв общества – шляхты. Идеи сарматизма продолжали оказывать огромное влияние на умы людей в Польше и в начале XIX в. Повальное увлечение образованной молодёжи конспиративной деятельностью с одной стороны и борьба с нею властей – с другой, выливались в коллизии, вроде истории молодёжной организации, разгромленной в 1828 г. в Вильно.

Весной того года на Кавказ в солдаты выслали трёх студентов Виленского университета, принадлежащих к тайной организации, вошедшей в историю под двумя названиями – «Племя сарматов» или «Друзья Отчизны»⁸⁸. Основание организации

---

⁸⁷ *Jelowski A.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1970. S. 74–95.

⁸⁸ Биографические данные о судьбе членов этой организации содержит работа Виктории Сливовской: *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1998. S. 336, 638–639, 695.

и следствие против неё подробно описаны у Януша Ивашкевича в работе «Племя сарматов», опубликованной ещё в 1923 г.⁸⁹

Интересная информация об организации и её участниках содержится в архивных материалах, найденных нами в Ставрополе и Санкт-Петербурге. В последнем случае речь идёт об архиве известного российского историка Н.Ф. Дубровина, находящемся в Петербургском филиале архива РАН. В своё время Н.Ф. Дубровин снял копии документов, хранившихся в архиве российского Корпуса жандармов и содержащих информацию о деятельности организации виленских студентов.

6 октября 1827 г. в Вильно на похоронах ксёндза и профессора Сосновского встретились двое учащихся гимназии при Виленском университете: 16-летний Константин Зах и 18-летний Адам Тржасковский. Оба давно уже задумывались над судьбой родины, хотели её изменить и вернуть Польше независимость. Таким было начало организации по версии документов Корпуса жандармов⁹⁰.

В свою очередь Я. Ивашкевич сообщает, что ещё в марте 1827 г. ректор Виленского университета Вацлав Пеликан проинформировал сенатора Николая Новосильцева, что напал на след организации «Племя сарматов» или «Друзья Отчизны». Более того, по версии Я. Ивашкевича К. Зух уже был студентом университета и привлёк к своей деятельности А. Тржасковского и Юзефа Гронтковского⁹¹.

Разнобой в датировке основания организации представляется отнюдь не случайным. Руководство университета мечтало отличиться перед властями в борьбе с конспиративными организациями. Даже если бы никакой организации на самом деле и не было, её надо было срочно придумать⁹². Поэтому большего доверия заслуживают сведения жандармов.

⁸⁹ *Iwaszkiewicz J. Plemię Sarmatów. Kartka z dziejów tajnych związków na Uniwersytecie Wileńskim // Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe poświęcone badaniom przeszłości ziem W. X. Litewskiego / Wyd. III Wydziału Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie; red. K. Chodyński. Wilno, 1923. S. 481–505.*

⁹⁰ ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 200/8. Л. 9.

⁹¹ *Iwaszkiewicz J. Plemię Sarmatów... S. 483.*

⁹² ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 200/8. Л. 4.

Итак, 6 октября 1827 г. организация появилась на свет и А. Тржасковский стал её председателем. На тот момент, кроме него, в «Племя сарматов» входили только К. Зах и Ю. Гронтковский. Уже 7 октября были готовы устав организации, текст присяги и призыв присоединиться к ней. Организация должна была носить, по замыслу её организаторов, чисто националистический характер: в неё допускалось принимать только поляков по национальности и католиков по вероисповеданию (исключение предусматривалось для татар) в возрасте от 18 до 40 лет⁹³. Для тех, кто по каким-либо причинам решался покинуть организацию, предусматривалось принесение обета молчания⁹⁴. Предателям грозила смерть «от железа либо яда»⁹⁵.

Деятельность организации планировалось распространить на многие города, некогда входившие в состав Речи Посполитой, в которых имелись значительные группы университетской либо гимназической молодёжи⁹⁶. Но на деле в планы организации удалось посвятить лишь одного студента Виленского университета, Феликса Лисовского, который, подумав несколько дней, решил в организацию всё же не вступать и дал в костёле обет молчания в присутствии Ю. Гронтковского⁹⁷.

Дальнейшая судьба организации – цепь разочарований и предательств. Следующий кандидат, который получил предложение вступить в организацию, Юлиан Фижан (у Я. Ивашкевича – Фильсеян), обо всём проинформировал ректора В. Пеликана. Последний, однако, как свидетельствуют материалы жандармов, какое-то время не предпринимал никаких шагов⁹⁸. Тем временем Ю. Гронтковский по требованию своей жены отказался от участия в организации, в связи с чем К. Зах и А. Тржасковский констатировали прекращение её существования. Это произошло в ноябре 1827 г.⁹⁹

⁹³ ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 200/8. Л. 9, 36об.

⁹⁴ Там же. Л. 7об.

⁹⁵ *Iwaskiewicz J. Plemię Sarmatów...* S. 485.

⁹⁶ ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 200/8. Л. 11об.

⁹⁷ Там же. Л. 10–10об.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

Я. Ивашкевич писал в связи с этим: «Деятельность организации проявилась лишь в написании прокламации и принятии устава. Никакой иной деятельности следствием выявлено не было. Пеликан и его окружение были, однако, заинтересованы в том, чтобы как можно шире раздуть это дело, иметь возможность показать своё рвение в деле раскрытия заговоров и таким образом продлить срок действия чрезвычайных полномочий, которыми пользовались до сих пор»¹⁰⁰.

К. Зах, порвав все документы, касающиеся организации, бросил их в печь. Там их обнаружила хозяйка дома, в котором жил К. Зах, жена виленского губернского ревизора Каспржицкая. Она немедленно передала разорванные бумаги властям¹⁰¹. Другим источником информации оказался университетский сторож Плицкий, бывший осведомителем полиции¹⁰².

В начале 1828 г. К. Зах и А. Тржасковский, окончив гимназию, стали студентами университета, а Ф. Лисовский пытался поступить в учительскую семинарию при университете. В связи с тем, что Ф. Лисовский учился за казённый счёт, он должен был клятвенно подтвердить, что не является членом какой-либо тайной организации и не знает о существовании таковых. Этого требовал императорский указ от 25 апреля 1826 г. Во время встречи с ректором В. Пеликаном Ф. Лисовский был вынужден во всём признаться.

Делом организации «Племя сарматов» стала заниматься университетская комиссия. Затем был суд. К. Зах, А. Тржасковский и Ф. Лисовский были высланы солдатами на Кавказ. При этом виленские власти уведомили командующего Отдельным Кавказским корпусом графа И.Ф. Паскевича о том, что ссыльные даже унтер-офицерский чин могут получить не ранее, чем после пяти лет безупречной службы. Перед высылкой К. Зах и А. Тржасковский получили по 50 ударов шпицрутенами, а Ф. Лисовский – 25 ударов¹⁰³.

Подобным образом 50 ударов получил и 16-летний учащийся виленской гимназии Викентий Захватович. В 1828 г. его вместе

¹⁰⁰ *Iwaszkiewicz J. Plemię Sarmatów... S. 483–485.*

¹⁰¹ ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 200/8. Л. 36об.

¹⁰² Там же. Л. 2об.

¹⁰³ Там же. Л. 9.

с учащимся Хоцевичем-Невлей привезли из Вильно в Ставрополь в сопровождении жандармов¹⁰⁴. Материалов, прямо указывающих на связь двух вышеназванных лиц с виленскими «сарматами» не обнаружено. Известно, что В. Захватовича арестовали на основании его письма к брату, в котором он писал, что готов убить ректора В. Пеликана. Позднее В. Захватовича также обвинили в подделке денежных знаков, обмане школьного начальства и запущенности учёбы. Весьма странный набор обвинений, а также перлюстрация почтовых отправок свидетельствуют о явно нездоровой обстановке, сложившейся как в Вильно в целом, так и в Виленском университете.

Следует отметить, что расправа над «сарматами» потянула за собой ряд других репрессий. Так, например, 26 мая 1828 г. из Виленского университета был уволен профессор статистики и права Игнаций Онацевич, боровшийся со злоупотреблениями ректора В. Пеликана. Последний пытался связать «дело Онацевича» с «сарматами», но потерпел фиаско. Тем не менее И. Онацевича вывезли в его родные места – Малую Бржозовицу¹⁰⁵.

Виленских «сарматов» повезли на Кавказ через Екатеринослав (ныне Днепропетровск) и Ростов-на-Дону. Затем через Ставрополь их везли по маршруту Бешпагир – Александровск (ныне, вероятно, с. Александровское) – Георгиевск – Новопавловск – Екатериноград (ныне станица Екатериноградская) – Владикавказ и далее до Тифлиса, куда они прибыли 7 мая 1828 г. На их переезд выплачено 1090 р 80 к. ассигнациями¹⁰⁶.

По-разному сложились судьбы «сарматов» на Кавказе. К. Зах дослужился до чина прапорщика сапёров, а в перерывах между боями занимался историческими исследованиями Азербайджана. Он знал персидский и турецкий языки, хотел составить грамматику азербайджанского (или как ранее считалось татарского) языка¹⁰⁷. В 1846 г. во время ремонта дороги К. Зах с четырьмя своими подчинёнными погиб под обвалом либо селевым потоком. Б. Барановский считает,

¹⁰⁴ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 580. Л. 13, 16.

¹⁰⁵ *Iwaszkiewicz J. Plemię Sarmatów...* S. 484, 498.

¹⁰⁶ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 580. Л. 3, 10, 27–32.

¹⁰⁷ *Chodubski A. Aktywność kulturalna Polaków...* S. 177.

что это произошло в Дагестане¹⁰⁸. К сожалению, никаких научных или литературных работ К. Заха не сохранилось.

А. Тржасковский служил преимущественно в Абхазии, где был произведён в прапорщики и заведовал канцелярией управляющего Абхазией, Мингрелией и Гурией (1838 г.). В 1842–1843 гг. исследовал грузинские земли. В 1846–1847 гг. его работы «Краткий исторический очерк Гурии» и «О сословиях в Гурии» были опубликованы в газете «Кавказ». В 1841 г. А. Тржасковский стал адъютантом генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, а уже 1850-х гг., будучи отставным майором, управлял имениями жены своего шефа в Воронежской губернии¹⁰⁹.

Ф. Лисовский служил в основном в Грузии и Северном Азербайджане, где принимал участие в научных экспедициях¹¹⁰.

Среди сосланных на Кавказ перед Ноябрьским восстанием 1830 г. были также два члена общества филаретов¹¹¹: Анджей Яневич и Францишек Борковский. Польский исследователь М. Инглот писал, что эти ссыльные служили на Кавказе в 1829–1830 гг.¹¹² В то же время польский ссыльный и мемуарист Матеуш Гралевский, сообщает, что во время его пребывания на Кавказе в 1840-х гг. и А. Яневич, и Ф. Борковский служили в Чирюрте в Дагестане, в Нижегородском драгунском полку, и оба были уже штаб-офицерами¹¹³.

Примечательно, что с середины 1820-х гг. имеется ряд сведений о вкладе поляков в хозяйственное и культурное развитие Северо-Кавказского региона. Так, 24 июня 1829 г. строительная комиссия, ведавшая обустройством Горячеводска¹¹⁴, обратилась

¹⁰⁸ *Baranowski B.* Polsko-azerbejdżańskie stosunki kulturalne w pierwszej połowie XIX wieku. Łódź, 1979. S. 42.

¹⁰⁹ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 638–639; *Chodubski A.* Aktywność kulturalna Polaków... S. 177.

¹¹⁰ *Chodubski A.* Aktywność kulturalna Polaków... S. 177.

¹¹¹ Тайное студенческое общество Виленского университета, к которому, в частности, принадлежал Адам Мицкевич. Разгромлено в начале 1820-х гг. Многие его члены были приговорены к ссылке.

¹¹² *Inglot M.* Polacy piszący na Kaukazie... S. 541.

¹¹³ *Gralewski M.* Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Opisanie kraju – Ludność – Zwyczaje i Obyczaje. Lwów, 1877. S. 541.

¹¹⁴ Ныне – пригород Пятигорска. В те времена это название относилось, скорее всего, ко всему городу.

к инспектору кизлярских казённых садов и виноградников, надворному советнику Мицкевичу с просьбой найти кандидата на должность садовника казённых садов Кавказских Минеральных Вод¹¹⁵. Предложенная Мицкевичем кандидатура Велизария Барта была утверждена комиссией. Старший член комиссии, полковник Озерский, представил Мицкевичу список фруктовых деревьев, необходимых для организации трёх пятигорских садов. В том же году сады были разбиты и получили названия: Михайловский казённый сад, а также Елизаветинский и Николаевский цветники¹¹⁶. Эти зелёные уголки, созданные В. Бартом, существуют в Пятигорске по сей день: Парк культуры и отдыха им. С.М. Кирова и Парк «Цветник».

Подводя итоги деятельности поляков на Северном Кавказе до Ноябрьского восстания 1830 г., следует отметить, что их количество здесь уже в начале XIX в. составляло несколько сот человек. К сожалению, более точно их число установить не удалось. Значительную их часть составили пленные «великой армии» Наполеона, которые по разным причинам оставались на Северном Кавказе, не пожелав вернуться на родину. Немалое число поляков составляли чиновники, которым служба на Кавказе давала возможность быстро сделать карьеру. Были среди поляков и те, кто искал здесь романтику и приключения. Как бы там ни было, поляки уже в начале XIX в. внесли свой вклад в развитие Северо-Кавказского региона.

4. Польские ссыльные на Северном Кавказе в период от Ноябрьского восстания 1830 г. до начала XX в.

Репрессии в отношении участников Ноябрьского восстания 1830 г. дали начало прибытия на Северный Кавказ значительного числа польских ссыльных. Причём в числе попавших на Кавказ поляков были не только непосредственные участники восстания, но и призванные по рекрутскому набору, проведённому сразу же после подавления восстания.

---

¹¹⁵ *Верховец А.Д.* Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных Вод 1825–1850 гг. Пятигорск, 1911. С. 13–14.

¹¹⁶ Там же. С. 16–19.

За ними последовали участники конспиративных организаций, затем участники Январского восстания 1863 г. (Польского восстания 1863–1864 гг.), которых, впрочем, на Северном Кавказе было намного меньше, чем в других регионах империи. Последнюю волну польских ссыльных составила также немногочисленная группа членов польских революционных организаций, возникших на рубеже XIX–XX вв.

Прибытие ссыльных на Кавказе не только привело к росту польской диаспоры в регионе, но и способствовало значительному росту знаний о Кавказе среди поляков, проживающих в Польше.

Сразу же после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. на Северном Кавказе оказались многочисленные группы польских ссыльных. Исследователи Б. и К. Барановские оценивают их количество в несколько тыс. чел.¹¹⁷ В свою очередь М. Инглот, ссылаясь на работу Л. Видершала, писал, что на Кавказ попало ок. 9100 польских солдат и офицеров, взятых в плен в ходе восстания. К сожалению, ни М. Инглот, ни Л. Видершаль не указывают источника этой информации¹¹⁸. В настоящей работе за основу взяты данные современного польского исследователя Веслава Цабана, которому удалось собрать сведения из российских военных архивов. По его информации, сразу же после подавления восстания в российском плену оказалось 9346 польских военнослужащих, которые были включены в состав российских гарнизонов в различных частях империи¹¹⁹. В том числе в Отдельный Кавказский корпус было направлено 1865 пленных повстанцев. Это составляет примерно 16,2 % от числа польских военных, взятых в плен во время восстания. При этом первая партия пленных – 48 чел. – попала на Кавказ 23 октября 1831 г. Их путь шёл через Киев и далее через Ставрополь в Тифлис (ок. 2600 км). Всего таких партий

¹¹⁷ *Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. S. 50.*

¹¹⁸ *Inglot M. Polacy piszący na Kaukazie... S. 542; Widerszal L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa, 1934. S. 31.*

¹¹⁹ *Caban W. Służba wojskowa Polaków na Kaukazie w latach 1831–1856 // W kraju i na wychodźstwie. Księga pamiątkowa, ofiarowana profesorowi Stanisławowi Kalembe w sześćdziesięciolecie urodzin. Toruń; Olsztyn, 2001. S. 727.*

было двадцать восемь. За месяц, по сведениям В. Цабана, группа проходила ок. 500 км¹²⁰.

Несколько иначе переход пленных на Кавказ описывает ссыльный Станислав Пилят, захваченный в плен в ходе восстания и оставивший воспоминания. По его словам, группа пленным проходила за день от 28 до 36 вёрст¹²¹, каждый пятый день пленным предоставлялся отдых или так называемая днёвка¹²².

В своих воспоминаниях С. Пилят описывал Кавказскую область как дикий край, начинающийся сразу за Доном¹²³. В то же время уже упоминавшийся М. Гралевский писал, что «московские чиновничьи власти называют Кавказом лишь пространство, простирающееся на север от цепи Кавказских гор между морями Чёрным и Каспийским, аж до самой границы земли донских казаков и Царства астраханского»¹²⁴. Таким образом, по мнению М. Гралевского, российские власти называли Кавказом только северную его часть. В своей работе М. Гралевский пишет и о землях, расположенных к югу от горного хребта до границ Турции и Персии. Пример М. Гралевского показывает, что все польские пленные, пребывавшие в тот период на Кавказе, если и не находились постоянно в его северной части, то, во всяком случае, прошли через неё.

К сожалению, невозможно точно установить число ссыльных, принадлежавших к конспиративным организациям, приговорённых к ссылке на Кавказ в период между Польскими восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг. М. Гралевский оценивал общее число поляков, литовцев и русинов на Кавказе, сосланных туда после 1831 г. примерно в 300 тыс. чел.¹²⁵ Безусловно, эту цифру следует считать сильно завышенной и связанной с субъективным восприятием М. Гралевского, который встретил на Кавказе довольно много своих соотечественников, находящихся в различных местностях этого региона на разных должностях.

¹²⁰ *Caban W.* Służba wojskowa Polaków na Kaukazie... S. 727.

¹²¹ 1 верста = 1,06679 км.

¹²² *Pilat S.* Ustęp z pamiętników... z czasu jego niewoli na Kaukazie // Album Lwowskie. Lwów, 1862. S. 123.

¹²³ *Ibid.* S. 124.

¹²⁴ *Gralewski M.* Op. cit. S. 7.

¹²⁵ *Ibid.* S. 557.

Малоправдоподобными считал эти данные и Л. Видершаль. Он ссылается на информацию французского консула в Тифлисе, который в 1840 г. оценивал общее число поляков в Отдельном Кавказском корпусе в 25–30 тыс. чел. Отсюда Л. Видершаль делал вывод, что общее число поляков, побывавших на Кавказе, достигало примерно 160 тыс. чел.¹²⁶ Однако и это число следует считать завышенным. По данным В. Цабана число польских рекрутов, включённых в Отдельный Кавказский корпус, в 1832 г. составило 8901 чел. (в этом году в Царстве Польском был проведён набор, во время которого были призваны и участники восстания). Позднее рекрутские наборы в Царстве Польском потеряли свой репрессивный характер, но стали проводиться регулярно¹²⁷. Конечно, не все рекруты и не все участники конспиративных организаций оказались в Отдельном Кавказском корпусе.

По подсчётам В. Цабана, за членство в тайных политических организациях из Царства Польского было выслано ок. 440 чел., из которых на Кавказ направлено не более 20 % (т.е. 80–90 чел.)¹²⁸. Принимая во внимание, что срок службы рекрута составлял 15 лет, а на Кавказ в 1834–1855 гг. из Царства Польского было направлено ок. 20 тыс. чел.¹²⁹, вышеупомянутые данные французского консула в Тифлисе нельзя считать достоверными.

Рассматривая вопрос о количестве польских ссыльных на Северном Кавказе, нельзя не вспомнить о тысячах польских семей с Волыни и Подолья, которых М. Гралевский встретил недалеко от границы Области Всевеликого войска Донского. М. Гралевский писал, что этим семьям запрещено было проживать вместе – их сознательно расселили на двухсотмильном пространстве, видимо, для того, чтобы эти люди быстрее забыли родной язык и культуру¹³⁰. Скорее всего, именно на этих данных из мемуаров М. Гралевского основывает своё сообщение

¹²⁶ *Widerszal L.* Op. cit. S. 32.

¹²⁷ *Caban W.* *Służba wojskowa Polaków na Kaukazie...* S. 730.

¹²⁸ *Ibid.* S. 731.

¹²⁹ *Ibid.*

¹³⁰ *Gralewski M.* Op. cit. S. 6.

Л. Видершаль о 5000 польских семей из Подолья, переселённых в 1830-х гг. на Кавказ¹³¹.

Информацию об этой акции можно найти и в фондах ГАСК. Переселение из Подольской губернии, в том числе и мелкопоместной шляхты, проводилось с 1 июля 1832 по 18 мая 1835 г. и имело насильственный характер как репрессивная мера за участие в Ноябрьском восстании. Ответственным за проведение акции был царский чиновник поляк Матвей (или Мацей) Юноша-Залуский¹³².

Политическим ссыльным-полякам, служившим в царской армии, грозила участь забыть родной язык и культуру. Этому способствовало предписание, чтобы число поляков в каждом отдельном подразделении не превышало 20 % личного состава, иначе могли возникнуть бунты¹³³.

М. Гралевский писал об ужесточении правил службы польских ссыльных, которое последовало «после начала революции в Париже». Полякам тогда запретили занимать высшие должности в штабах. В одном населённом пункте мог проживать только один поляк. Когда случалось так, что в это же место прибывал ещё один поляк, то, согласно распоряжению, один из них в течение 24 часов должен быть выслан в другое место. Польским ссыльным не позволялось получать более 30 р в месяц (даже если деньги приходили из дома, они также учитывались). Кроме того, польским ссыльным запрещалось посещать дома офицеров или чиновников, заниматься репетиторством с молодёжью. Письма, адресованные ссыльным, перлюстрировались, а те из писем, которые выглядели подозрительно, сразу же отсылались в 3-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Подозрительных лиц польской национальности следовало сразу же арестовывать¹³⁴.

Заметим, что положение дел, описанное М. Гралевским, не во всём соответствовало действительности. Безусловно он прав, когда пишет о перлюстрации, но в вопросе о проживании двух

¹³¹ *Widerszal L.* Op. cit. S. 32.

¹³² ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1025. Л. 232–239.

¹³³ *Caban W.* *Służba wojskowa Polaków na Kaukazie...* S. 730.

¹³⁴ *Gralewski M.* Op. cit. S. 525.

и более ссыльных в одном населённом пункте, личных денежных средствах, а в особенности о службе в штабах мемуарист преувеличивает. В ряде случаев польские ссыльные успешно продвигались по службе. И хотя известны документы подобные инструкции МВД лета 1841 г., подписанной генерал-адъютантом Александром Строгановым и секретарём Оржевским, которая запрещала польским чиновникам из числа ссыльных продвижение по службе на обычных условиях¹³⁵, ограничения не касались других сторон жизни.

Среди польских мемуаристов также следует упомянуть Леона Гершевского и его «Воспоминания о неволе», изданные в Познани в 1852 г.¹³⁶

Одной из наиболее творческих личностей, пребывавших в этот период на Кавказе, был Леон Янишевский (1810–1861), писавший преимущественно о Грузии¹³⁷. Л. Янишевский родился в г. Калиш в мещанской семье. В 1830 г. поступил послушником в монастырь в г. Луков. После начала Ноябрьского восстания вступил в армию. В битве под Гороховым был ранен и взят в плен русскими войсками. Будучи ссыльным, в связи с плохим состоянием здоровья получил в 1841 г. согласие властей на переезд в Тифлис¹³⁸. По мнению историка Я. Рейхмана, Л. Янишевский принадлежал к участникам конспиративной организации Шимона Конарского¹³⁹.

Хотя Л. Янишевский находился преимущественно в Грузии, он подробно описал своё путешествие туда, проходившее через Владикавказ¹⁴⁰. Из его литературного наследия заслуживают внимания мемуары «Образы и мысли из путешествия в Тифлис в 1841 г., совершённого Леоном Янишевским», изданные в 1847 г. в журнале «Рубон»¹⁴¹. Кроме этого Л. Янишевский многократно печатался в 1840-х гг. в различных польских журналах: статьи о современности, а также воспоминания, например,

¹³⁵ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1473. Л. 1, 4.

¹³⁶ *Inglot M.* Rosja i Rosjanie w oczach polskich kaukazyków // *Spotkania literackie*. Wrocław, 1973. S. 190.

¹³⁷ *Inglot M.* Polacy piszący na Kaukazie... S. 542.

¹³⁸ *Inglot M.* Rosja i Rosjanie... S. 207.

¹³⁹ *Reychman J.* Polacy w górach Kaukazu... S. 27.

¹⁴⁰ *Ibid.*

¹⁴¹ *Inglot M.* Polacy piszący na Kaukazie... S. 542.

«Паломничество к могиле Александра Грибоедова на гору Св. Давида в Тифлисе дня 1. 1842», которые были изданы в ежегоднике «Варшавская библиотека». В 1843 г. Л. Янишевский перевёл на польский язык поэму А.С. Пушкина «Цыганы» (издана там же). В том же году в Варшаве произведения Л. Янишевского были изданы отдельной книгой. Его перу принадлежит перевод ещё одной поэмы А.С. Пушкина – «Кавказский пленник»¹⁴².

К числу наиболее плодовитых польских литераторов, творивших на Кавказе, принадлежит Войцех Потоцкий (1801–1848). Б. и К. Барановские пишут о нём, как об известном поэте¹⁴³. Этот выдающийся литератор и путешественник побывал не только на Кавказе, но и в Южной Америке. На Кавказе принадлежал к содружеству польских писателей-«кавказцев» – Владислава Стржельницкого и Тадеуша Лада-Заблоцкого. Оказался же В. Потоцкий на Кавказе при следующих обстоятельствах: в начале восстания, служа в рядах российской армии, он отказался воевать против соотечественников, за что его сослали на Кавказ, но с сохранением воинского чина и с правами, какими пользовались российские офицеры, добровольно служившие в этом регионе. Нет ничего удивительного в том, что В. Потоцкий, формально являясь польским ссыльным, был офицером по особым поручениям при наместнике Кавказа М.С. Воронцове. В. Потоцкий много путешествовал как по Закавказью, так и по Северному Кавказу. Посетил земли чеченцев на р. Аргун и кумыков между р. Терек и Сулак в Дагестане¹⁴⁴. Впечатления от этих путешествий нашли своё отражение в повести «Аслан Темиров», изданной в 1841 г. в ежегоднике «Варшавская библиотека»¹⁴⁵. В. Потоцкий умер в 1848 г. в Мингрелии. В некоторых источниках В. Потоцкого ошибочно называют Альбертом (см. рапорты агента 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Юлиана Балашевича)¹⁴⁶.

¹⁴² *Inglot M.* Polacy piszący na Kaukazie... S. 542.

¹⁴³ *Baranowski B., Baranowski K.* Polaków kaukaskie drogi. S. 86.

¹⁴⁴ *Reychman J.* Polacy w górach Kaukazu... S. 24.

¹⁴⁵ *Potocki W.* Aslan-Temirow. Wypadek na Kawkazie (Wyjątek z obrazów Kawkazu) // Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1841. T. 1. S. 562–585.

¹⁴⁶ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 477–478.

В. Потоцкий, подобно Л. Янишевскому, публиковал свои произведения в ежегодниках «Атенеум» и «Варшавской библиотеке», в том числе переводы на польский язык стихотворений А.С. Пушкина (например, «Гречанке») ¹⁴⁷. Кроме того, В. Потоцкий печатался и в российских периодических изданиях ¹⁴⁸. Особого внимания заслуживают его воспоминания «Последние минуты Марлинского», написанные в 1844 г., в седьмую годовщину смерти А.А. Бестужева-Марлинского, близкого друга В. Потоцкого, который был рядом с ним в его последнем бою, в десанте у мыса Адлер ¹⁴⁹.

Одним из плодов путешествий В. Потоцкого стала его публицистическая статья «Грусть, тоска, мрачность, угрюмость», в которой автор сравнивал черты человека Севера и Запада с человеком Востока и Юга ¹⁵⁰.

На тех же самых условиях, что и В. Потоцкий, на Кавказ был выслан и Октавиан Августинович (1817–1886/1887). С августа 1835 г. он изучал право в Киевском университете Св. Владимира. За связь с кружком Владислава Гордона, который, в свою очередь, был связан с организацией Ш. Конарского, решением киевского военного губернатора Д.Г. Бибикова, утверждённым Николаем I, О. Августиновича направили в Отдельный Кавказский корпус, где он служил в Навагинском пехотном полку. Получив офицерский чин, О. Августинович должен был там оставаться ещё в течение 10 лет. Впоследствии он получил право перейти на службу в гвардейский полк, расквартированный в Царском Селе под Петербургом. В этом полку О. Августинович и закончил службу в чине генерал-майора ¹⁵¹.

В 1845 г. в ежегоднике «Атенеум» было опубликовано стихотворение «Казбек» упоминавшегося В. Стрельницкого ¹⁵².

¹⁴⁷ *Potocki W.* Do Greczynki. Z Puszkina // Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1841. Т. 3. S. 682–683.

¹⁴⁸ *Inglot M.* Polacy piszący na Kaukazie... S. 543.

¹⁴⁹ *Potocki W.* Ostatnie chwili Marlińskiego // Athenaeum. 1845. Т. 1. S. 121–134.

¹⁵⁰ *Он же.* Smętność, tęsknota, posępność, ponurość // Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1841. Т. 4. S. 733–734.

¹⁵¹ *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa; Poznań, 2000. S. 9–10.

¹⁵² *Strzelnicki W.* Kazbek // Athenaeum. 1845. Oddział 5. Т. 2. S. 160–162.

Судя по пометам, стихотворение было написано в 1842 г. О том, что оно было написано именно под впечатлением пребывания автора на Северном Кавказе, свидетельствует тот факт, что гору Казбек можно наилучшим образом обозреть именно с северной стороны хребта, со стороны Владикавказа.

В. Стржельницкий (1820–1846) родился в дворянской семье Каменецкого уезда Подольской губернии. Отец дал ему прекрасное домашнее образование, после которого В. Стржельницкий поступил на философский факультет Киевского университета Св. Владимира. Там под псевдонимом Збигнев Олесницкий он вступил в «Объединение польского народа», как член организации В. Гордона. В 1839 г. за участие в этих организациях В. Стржельницкий был арестован и сослан на Кавказ, попав в 6-й Грузинский линейный батальон. Однако условия ссылки, как и в двух вышеприведённых случаях, были весьма мягкими. Хотя В. Стржельницкий и должен был служить, по крайней мере, 10 лет, после получения офицерского чина он имел право пользоваться такими же льготами, какими пользовались офицеры, добровольно поступившие на службу. В. Стржельницкий занимался изучением Кавказа, изучил ряд кавказских языков, в том числе лезгинский и кумыкский. Наместник М.С. Воронцов поощрял исследовательский интерес своего подчинённого¹⁵³. Кроме Грузии, В. Стржельницкий побывал в Кабарде и Чечне, а в Пятигорске бывал на лечении¹⁵⁴. Кавказские впечатления нашли отражение в книге «Кавказские зарисовки», а также в публикациях в газете «Кавказ», выходившей в 1846 г. в Тифлисе. В том же году В. Стржельницкий скончался в Тифлисе¹⁵⁵.

В связи с названием стихотворения «Казбек» нельзя не вспомнить о другом выдающемся польском поэте Тадеуше Лада-Заблоцком (1813–1847). Он родился в обедневшей шляхетской семье. По окончании витебской гимназии в октябре 1831 г. начал учёбу в Московском университете. В апреле 1833 г. стал одним из основателей тайного литературного общества. Главной целью организации было развитие самообразования её членов, а также

¹⁵³ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 577–578.

¹⁵⁴ *Reychman J.* Polacy w górach Kaukazu... S. 26–27.

¹⁵⁵ *Ibid.*

подготовка выпуска альманаха польской поэзии. Местом встреч участников организации был дом вдовы Францишки Бордельо. В этот дом Т. Лада-Заблоцкого ввёл знаменитый русский литературный критик В.Г. Белинский. 13 июня 1833 г. Т. Лада-Заблоцкий был арестован в связи с начавшимся в Витебске следствием по делу о стихотворениях «бунтарского содержания». 28 мая 1837 г. был вынесен приговор витебского суда, на основании которого 24-летний Т. Лада-Заблоцкий вместе с двумя своими товарищами был лишён гражданских прав и сослан на каторгу. Николай I, однако, не согласился с таким приговором, и приказал направить вышеупомянутых людей в Отдельный Кавказский корпус, зачислив их в разные батальоны¹⁵⁶. По сведениям Я. Рейхмана, Т. Лада-Заблоцкий находился в ссылке преимущественно в Закавказье, но посещал также и территорию Северного Кавказа, прежде всего г. Дербент в Дагестане¹⁵⁷.

Заметим, что Л. Янишевский критически оценивали качество литературных трудов Т. Лады-Заблоцкого и называл его поэму «Казбек» «огромной галиматьёй сравнимой с колоссальностью самого Казбека»¹⁵⁸. Тем не менее, все неизменно подчёркивают позитивную роль, которую Т. Лада-Заблоцкий сыграл в установлении связей между деятелями литературы и культуры Закавказья и поляками¹⁵⁹. При этом следует отметить необычайно благожелательное отношение ко всем трём «польским кавказским поэтам» (Т. Ладе-Заблоцкому, В. Стржельницкому и Л. Янишевскому) со стороны наместника Кавказа М.С. Воронцова¹⁶⁰.

К числу польских поэтов, писавших о Кавказе, принадлежит и ссыльный Викентий Давид, поэма которого «Техе, или разорение аула Дуббы» было в 1859 г. опубликовано в «Варшавской библиотеке». В поэме В. Давид описал жизнь и быт чеченцев

¹⁵⁶ *Inglot M.* Rosja i Rosjanie... S. 199–200.

¹⁵⁷ *Reychman J.* Polacy w górach Kaukazu... S. 24.

¹⁵⁸ *Inglot M.* Rosja i Rosjanie... S. 201.

¹⁵⁹ *Ibid.*

¹⁶⁰ *Żywow M.* Polscy poeci „kaukascy” (Materiały biograficzne) // Pamiętnik literacki. Warszawa; Wrocław, 1959. Z. 3/4. S. 563–591.

во времена Кавказской войны¹⁶¹. Как следует из предисловия к поэме, она была написана в 1853 г., в период пребывания автора на Кавказе. Эпиграфом к поэме послужило одно из стихотворений Т. Лады-Заблоцкого¹⁶². Литературный талант В. Давида высоко ценил Л. Янишевский¹⁶³.

Нельзя не упомянуть здесь ещё двух поляков, которые также пребывали на Кавказе в качестве ссыльных. Они оказались здесь за принадлежность к обществу Ш. Конарского. Первый из них, Михал Бувовт-Анджейкович, происходивший из Жмуди, описал своё путешествие из Владикавказа до Тифлиса, а позднее – путешествие в Дагестан и двухлетнее пребывание в тогдашней столице этого края, Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск). М. Бувовт-Анджейкович принимал участие в походах российских войск, побывал и в ауле Кубачи, который подробно описал¹⁶⁴.

Другой польский поэт Станислав Винницкий (1814–1841), будучи студентом Киевского университета Св. Владимира, вступил в тайное общество «Вера, Надежда, Любовь», позднее присоединившееся к тайному обществу «Объединение польского народа» Ш. Конарского. С. Винницкий был арестован в 1838 г. и 6 марта 1839 г. военный суд приговорил его к смертной казни. Однако решением киевского военного губернатора Д.Г. Бибикова, утверждённого Николаем I, С. Винницкого включили в состав Отдельного Кавказского корпуса, где он служил в 5-й батарее 19-й бригады лёгкой артиллерии. В 1841 г. С. Винницкий обрёл право выслуги. В следующем году некоторые его произведения были опубликованы в «Атенеум». В том же году его не стало. По одной из версий он погиб в Грозном¹⁶⁵.

Находившийся на Кавказе в качестве ссыльного поэт Игнаций Добрский описал гору Эльбрус с северной стороны. В своих

¹⁶¹ *Dawid W. Tehe, czyli zburzenie Aulu-Dubby. Powieść kaukaska* // Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1859. Т. 3. Nowej serii Т. 7. S. 323–358.

¹⁶² *Ibid.* S. 326.

¹⁶³ *Mądzik M. Z Lublina na Kaukaz* // Kalendarz Lubelski. Lublin, 1985. S. 132.

¹⁶⁴ *Reychman J. Polacy w górach Kaukazu...* S. 27.

¹⁶⁵ *Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim...* S. 670–671; *Furier A. Polskie ślady w czeczeńskiej historii* // Przegląd Polonijny. Kraków, 1995. Nr 3. S. 28.

произведениях он показал быт народов Дагестана, прежде всего, ремёсло жителей знаменитого аула Кубачи¹⁶⁶.

Поэт Ксаверий Петрашкевич (1812–1842) также принимал, по сведениям Я. Рейхмана, участие в конспиративной организации (1839 г.). Скорее всего, речь снова идёт об обществе Ш. Конарского. На Северном Кавказе К. Петрашкевич в качестве ссыльного проезжал до Владикавказа, а в 1840 г. был на лечении в Пятигорске. Перу К. Петрашкевича принадлежит сборник «Кавказских сонетов»¹⁶⁷, а также «Отрывки из неопубликованных мемуаров ксёндза П. . . , бывшего студента Виленской академии», в которых, помимо прочего, был описан Крестовый перевал на границе Грузии и Северного Кавказа¹⁶⁸.

Заметим, что удивительный расцвет культурной и литературной деятельности ссыльных происходил в тяжёлых армейских условиях, во время изнурительной войны с горцами. По мнению Б. и К. Барановских, причина этого расцвета заключается в том, что в воинских частях на Кавказе дисциплина была менее строгой по сравнению с частями, расквартированными в других военных округах¹⁶⁹. При этом значительная часть польских ссыльных, будучи людьми высокообразованными, вопреки многим предписаниям, использовалась для канцелярской работы. Особенным расположением начальства пользовались люди с техническим образованием. Примером может служить судьба Юлиана Леона Суржицкого (1820–1882), который был как прекрасным знатоком техники, так и талантливым мемуаристом. В 1842 г. он сдал экзамен на звание инженера сухопутных и водных путей сообщения. После ареста за участие в конспиративной организации, руководимой ксёндзом Петром Сцегенным, Ю.-Л. Суржицкий был отправлен служить в Самурский пехотный полк Отдельного Кавказского корпуса. С 1847 г. Ю.-Л. Суржицкий руководил строительством мостов и дорог в Дагестане. Здесь к числу его наибольших достижений следует отнести мост через р. Сулак и укрепления в Дешлагаре (ныне Сергокала).

¹⁶⁶ *Reychman J.* Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 201–202.

¹⁶⁷ *Ibid.* S. 29.

¹⁶⁸ *Ibid.* S. 195.

¹⁶⁹ *Baranowski B., Baranowski K.* Polaków kaukaskie drogi. S. 52.

В 1852 г. Ю.-Л. Суржицкий получил чин прапорщика, а в 1857 г. – право вернуться в Царство Польское. В 1858 г. в варшавском «Литературном ежегоднике» появилось его «Описание Дагестана», а в журнале «Венец» – очерки «Охота в лесах Дагестана» и «Письмо из Дешлагара»¹⁷⁰.

Мысль о том, что польским ссыльным поручалась квалифицированная работа, содержится и в исследовании Л. Видершала. Например, бывшие студенты Виленской академии писали истории полков, другие ссыльные служили в канцеляриях¹⁷¹. Заметим, однако, что уже упоминавшийся С. Пилят (1802–1866), о котором можно с уверенностью сказать, что он был одним из самых первых ссыльных мемуаристов на Кавказе и, вероятнее всего, единственным, подробно описавшим условия жизни сосланных туда на службу в солдаты, никогда не упоминал, чтобы кто-нибудь из ссыльных служил в штабах.

С. Пилят родился в г. Красный Став в семье Юзефа и Виктории, урождённой Весоловской, Пилят. Учился в окружной школе в г. Грубешове и во Львовском университете. Во время Ноябрьского восстания 1830 г. служил в одном из корпусов генерала Юзефа Дверницкого. С. Пилят был несколько раз ранен в сражении под Боремлем, был взят русскими войсками в плен и направлен в Отдельный Кавказский корпус¹⁷². Вначале группа пленных, в которой находился С. Пилят, была приведена в столицу Кавказской области, г. Ставрополь. Там группу разделили на пять команд. Команда, в которой находился С. Пилят вошла в состав 39-го пехотного полка. Вместе с С. Пилятом в состав полка были включены 11 студентов и 50 молодых солдат¹⁷³. Летом 1832 г. задачей полка была охрана пятигорского курорта от набегов горцев. Всего город охраняли два или три пехотных полка и ок. 200 казаков.

В период пребывания в Пятигорске весной и летом 1832 г. весьма популярным времяпрепровождением польских ссыльных было ежевечернее посещение ванн с минеральной водой.

¹⁷⁰ *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku... S. 339–340.

¹⁷¹ *Widerszal L.* Op. cit. S. 33.

¹⁷² *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 459.

¹⁷³ *Pilat S.* Op. cit. S. 127.

Место, которое посещали С. Пилят и его товарищи, получило название «Европа»¹⁷⁴. Однажды вечером Людвик – старший из всех присутствовавших¹⁷⁵ – предложил, чтобы каждый приносил на собрание в «Европе» «какое-нибудь заранее продуманное сообщение» или книги, которые когда-то читал, или рассказы о тех отраслях знаний, которые когда-то изучал, «чтобы дать повод к беседе»¹⁷⁶. Вышеупомянутого Людвика присутствующие единогласно избрали президентом «Европы». С. Пилят наблюдал, как в его товарищах развивались скрытые ранее таланты и умения, которых они прежде, возможно, и сами в себе не подозревали¹⁷⁷.

По мнению упоминавшегося ссыльного и мемуариста М. Гралевского, теми факторами, которые поддерживали дух поляков на Кавказе стали, с одной стороны, религиозность, а с другой – интеллектуальная деятельность. Некоторые из ссыльных видели свою роль в мессианстве, чувствовали себя апостолами польской идеи, частью великой силы, находящейся с особой миссией на чужбине¹⁷⁸.

Другой мемуарист, В. Давид, писал, что даже во время кратковременной стоянки в казачьей станице поляки «доставали из сумок... обычные дорожные аксессуары: книги, карандаши, краски и шли работать со всем этим в сады за домами»¹⁷⁹. В. Давид, чья настоящая фамилия звучала как Давидовский, родился в 1816 г. в Щебжешине, в семье Павла и Антонины, урождённой Скубиньской, Давидовских. В этом же городе В. Давид окончил начальную школу и в 1837 г. – гимназию. Затем успешно завершил учёбу на филологическом факультете Санкт-Петербургского

¹⁷⁴ Судя по описаниям С. Пилята, в наши дни это одна из так называемых диких ванн – ёмкостей с минеральной водой в скальных породах на склонах горы Машук, посещаемых в любое время и всеми желающими. Ванна, которую посещали С. Пилят и его товарищи ныне находится ниже Пироговских ванн.

¹⁷⁵ Настоящих и полных имён своих товарищей С. Пилят не давал, опасаясь дальнейших репрессий по отношению к ним, поэтому в его мемуарах можно встретить только имена: Юлиан, Игнатий, Фелициан.

¹⁷⁶ *Pilat S. Op. cit. S. 131.*

¹⁷⁷ *Ibid.*

¹⁷⁸ *Gralewski M. Op. cit. S. 517–518.*

¹⁷⁹ *Dawid W. Wspomnienia z podróży i wycieczek po Kaukazie przez W. D. // Biblioteka Warszawska. Pismo, poświęcone naukom, sztukom i przemysłowi. Warszawa, 1854. T. 3. Ogólnego zbioru T. 55. S. 35.*

университета¹⁸⁰. По мнению В. Сливовской, В. Давид изучал математику и философию. После окончания учёбы с августа 1841 г. он работал учителем гимназии в Сувалках, а с 1 августа 1842 г. – в Люблине¹⁸¹. В то время глава одной из конспиративных организаций Александр Карпиньский вовлёк его в работу своей организации. Её члены не только продолжали традиции «Объединения польского народа», но и готовили восстание в Царстве Польском. В августе 1843 г. организация была разгромлена. Среди арестованных оказался и В. Давид. Его обвинили в чтении запрещённых книг и участии в непозволительных политических разговорах. Приговор в отношении В. Давида был всё же немного мягче, чем в отношении его товарищей, что было достигнуто путём дачи показаний, отягчивших вину его товарищей. Решением следственной комиссии, заседавшей тогда в Варшаве, В. Давид был направлен простым солдатом в ряды Отдельного Кавказского корпуса. Он выехал на Кавказ весной 1845 г. вместе с двумя другими членами организации – Херонимом Плавиньским (коллега по гимназии в Щебжешине) и Марцином Шимановским. С Х. Плавиньским В. Давид расстался в Ставрополе, а вместе с М. Шимановским они ехали до Грозного. Там В. Давид и провёл большую часть своей службы, неоднократно принимая участие в походах русской армии против чеченцев. В 1848 г. в Грозном его вновь обвинили в конспиративной деятельности, однако после следствия, которое длилось весьма недолго, В. Давид был оправдан и освобождён¹⁸². В 1853 г. в связи с истечением срока ссылки В. Давид вернулся на родину. Жил в Варшаве, а потом – в Люблине, где с 1857 г. продолжил работу в гимназии¹⁸³.

На Кавказе между ссыльными поляками возникали прочные связи. Это подчёркивал в своих мемуарах, написанных в стихах, другой польский ссыльный – Викентий Геден Гедройц¹⁸⁴. Он обращал внимание, что польские дома на Кавказе:

¹⁸⁰ *Mądzik M.* Z Lublina na Kaukaz. S. 129.

¹⁸¹ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 124.

¹⁸² *Mądzik M.* Z Lublina na Kaukaz. S. 130–131.

¹⁸³ *Ibid.* S. 132.

¹⁸⁴ *Gedroyć G.* Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania. Lwów, 1867.

*Хоть друг от друга далеко отстояли,
Друзей дорогих под свой кров принимали,
И братская любовь людей соединяла*¹⁸⁵.

Так, в содружестве, основанном С. Пилятом и его друзьями, действовало правило, согласно которому каждый из его членов в течение недели должен был что-то обязательно написать в стихах или прозой. Среди тех, кто принимал деятельное участие в жизни этого товарищества, был Юлиан Пржигодский, который не только хорошо знал поэзию А. Мицкевича (например, поэмы «Конрад Валленрод» и «Дзяды» знал наизусть), но и сам, подобно В.-Г. Гедройцу, писал стихи. Одно из таких стихотворений, написанное Ю. Пржигодским в Кисловодске 30 августа 1832 г., сохранилось у С. Пилята. К сожалению, С. Пилят не воспроизводит это стихотворение в своих мемуарах, а лишь упоминает о нём¹⁸⁶.

Мемуары С. Пилята и В.-Г. Гедройца являются наиболее интересными воспоминаниями об интеллектуальной деятельности поляков на Кавказе, которая развивалась вопреки всем внешним неблагоприятным условиям.

С. Пилят подробно описал солдатскую жизнь в тогдашней российской армии на Кавказе. Жили в палатках. В утренние часы и после обеда – муштра. После её окончания солдаты должны были чистить оружие и стирать бельё. На завтрак – кусок хлеба с квасом или просто посыпанный солью, на обед – тёплый квас с хлебом, посыпанным кашей (в воскресенье к этому иногда добавляли варёную говяжью требуху), на ужин – снова хлеб и квас¹⁸⁷.

В.-Г. Гедройц писал о страданиях польских ссыльных. Одним из ранних наиболее сильных впечатлений мемуариста на Кавказе стала мучительная смерть старого солдата Куликовского, получившего 10 000 ударов шпицрутенами. Такие впечатления не добавляли добрых чувств в отношении к «москалям». Впрочем взгляды В.-Г. Гедройца, в том числе и на русско-польские отношения, сложились значительно раньше. Он родился ок. 1826 г. в Литве. Учился в Варшаве, где и был арестован в июле 1848 г.

¹⁸⁵ *Gedroyć G. Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania*. S. 40. Перевод наш. – А.Б.

¹⁸⁶ *Pilat S. Op. cit.* S. 132–134.

¹⁸⁷ *Ibid.* S. 130.

Обвинён в подготовке покушения на Николая I. Как и раньше в подобных случаях, царь заменил смертную казнь на высылку в Отдельный Кавказский корпус. На первом этапе арестантов везли в кандалах. Из Харькова они уже шли пешком. Кавказская служба В.-Г. Гедройца длилась 13 лет. Он дослужился до офицерского чина, а затем вернулся в Польшу, где участвовал в Январском восстании 1863 г. После этого жил во Львове. В. Сливовская пишет о нём как о выдающемся организаторе культурной и общественной жизни поляков на Кавказе¹⁸⁸.

В одно и то же время с В.-Г. Гедройцем в ссылке на Кавказе находился Эдвард Махчиньский (1836–1872), написавший кавказскую повесть «Хан Ахмет»¹⁸⁹.

Ещё одним крупным мемуаристом, писавшим о поляках на Кавказе, был уже упоминавшийся Матеуш Гралевский (1826–1891). Он родился в д. Мазев Ленчицкого уезда в крестьянской семье. Видя недюжинные способности мальчика, профессор Вацлав Александр Мацейовский, управляющий деревней, определил его в гимназию в Ленчице. Именно там мальчик, носивший фамилию Граля или Граляк, сменил её на более благозвучную – Гралевский. Однако из-за отсутствия средств гимназию окончить не удалось. В 1841 г. он попал в монастырь ордена кармелитов и одновременно стал преподавать в школе. В мае 1843 г. М. Гралевский оставил монастырь и получил стажировку в правлении Мазовецкой губернии. Но уже в марте 1844 г. за принадлежность к кружку Томаша Вернера, являвшегося частью конспиративной организации «Союз польского народа», был арестован. По приговору следственной комиссии от 14 (26) июня 1844 г. М. Гралевский был включён в ряды Отдельного Кавказского корпуса. В качестве дополнительного наказания наместник Царства Польского И.Ф. Паскевич приговорил обвинённого к 20 ударам шпицрутенами. М. Гралевский служил в Ширванском полку до 1856 г., когда получил разрешение вернуться домой¹⁹⁰.

В 1844 г. на Кавказ был сослан также Казимеж Лапчиньский (1823–1893), который находился преимущественно в Ставрополе

¹⁸⁸ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 171.

¹⁸⁹ *Reychman J.* Podróżnicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 217.

¹⁹⁰ *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku... S. 98.

и Екатеринограде. Он описал своё путешествие в Тифлис в репортаже «Переезд через вершины Кавказа»¹⁹¹.

Говоря о польских семьях на Северном Кавказе, М. Гралевский писал не только о ссыльных, но и о польских чиновниках. Так, в Георгиевске служили Гарчиньские, Гручевские, Раковичи, Ясиньские. Но, как пишет с досадой мемуарист: «в этих четырёх домах не слышал я слова родного»¹⁹². М. Гралевского сильно волновала проблема утраты связи поляков с родиной, забвения родного языка и культуры.

По данным мемуаристов прослеживается и отношение польских ссыльных к русскому населению Северного Кавказа. Так, С. Пилят писал о двух обличьях этого общества. Линейные казаки, по его мнению, люди тёмные, суеверные, но добродушные и порядочные. Зато военные и особенно командование представляли собой худшее воплощение современной цивилизации¹⁹³.

О казаках писал и М. Гралевский, видевший казачьи станицы и вышки в окрестностях Екатеринодара. Он характеризовал казаков как народ более живой, подвижный, приспособленный к жизни, чем коренные русские люди, вместе с тем, чрезвычайно гордый своим казачьим статусом. Причём, чем ближе к горам жили эти люди, тем более гордились собой¹⁹⁴. Оба автора писали и об отношении казаков к религии. С. Пилят замечал, что вся их вера сводилась к умению осенить себя крестным знамением, притом, что никто не знал наизусть даже молитв «Отче наш» и «Верую»¹⁹⁵. М. Гралевский же писал, что покупка очередной иконы означала для этих людей прибавление ещё одного Бога к тем, которые уже были в доме¹⁹⁶. С большим презрением оба мемуариста писали о православном духовенстве в среде казаков. С. Пилят сообщал, что, приходя в казачий дом, поп пил вместе с хозяином, занавешивая при этом иконы платком, чтобы не видели

¹⁹¹ *Reychman J. Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie...* S. 202.

¹⁹² *Gralewski M. Op. cit. S. 32.*

¹⁹³ *Pilat S. Op. cit. S. 124.*

¹⁹⁴ *Gralewski M. Op. cit. S. 29.*

¹⁹⁵ *Pilat S. Op. cit. S. 124.*

¹⁹⁶ *Gralewski M. Op. cit. S. 23.*

пьянки. «По пастырю суди о стаде», – заключает С. Пилят¹⁹⁷. М. Гралевский также указывал на отсутствие уважения к священникам со стороны простых казаков. Среди казаков бытовало суеверие, по которому встреча с попом приносила несчастье, чтобы его избежать казак сразу же после встречи плевал позади себя и бросал шпильку, иглу или соломинку. И М. Гралевский, и С. Пилят писали об отсутствии у православных священников хорошего воспитания. Они, кроме умения писать и читать, ничем не отличались в быту от крестьян. Мемуаристы отмечают даже случаи пьяных драк в кабаках и на свадьбах, в которых православные священники также принимали участие¹⁹⁸. О пьянстве М. Гралевский язвительно замечал, что «там, где польские солдаты забавляются игрой на скрипке, москали – за бутылкой»¹⁹⁹. И это притом, что православные священники являются для прихожан частью не только духовной, но и светской власти. М. Гралевский подчёркивал, что священники не могли свободно выступать в церквях с проповедями, а только с объявлениями властей²⁰⁰.

В свою очередь В. Давид писал о казаках весьма доброжелательно, подчёркивая их гостеприимство, описывая их станицы: Егорлык, Преградную и Московскую в окрестностях Ставрополя²⁰¹.

С. Пилят замечает, что характерной чертой представителей российской власти был полный скептицизм в сфере религии. В таких условиях «сущность человека здесь выражается внешней формой... существует только одна форма внешнего выражения: мундир»²⁰². Чтобы в таких условиях о вас думали хорошо, нужно было прилично выглядеть, говорить по-французски и хорошо танцевать²⁰³.

В.-Г. Гедройц указывал на необычайно жестокие и драматичные формы противостояния времён Кавказской войны.

¹⁹⁷ *Pilat S.* Op. cit. S. 124.

¹⁹⁸ *Gralewski M.* Op. cit. S. 23.

¹⁹⁹ *Ibid.* S. 90.

²⁰⁰ *Ibid.* S. 23–24.

²⁰¹ *Dawid W.* Wspomnienia z podróży... S. 29–37.

²⁰² *Pilat S.* Op. cit. S. 124–125.

²⁰³ *Ibid.*

Во время набегов на чеченские аулы казаки отрезали головы врагам, чтобы затем выдать их родственникам убитых за большой выкуп. В.-Г. Гедройц был глубоко возмущён таким поведением людей, верховная власть которых утверждала, что несёт на Кавказ плоды цивилизации²⁰⁴.

Мемуарист с негодованием писал и о втягивании властями в эту войну поляков. В частности, В.-Г. Гедройц упоминает о попытке создать на Кавказе польскую колонию и о нежелании поляков добровольно жить в ней²⁰⁵. Возможно, речь идёт о создании поселения, аналогичного немецким, шотландским и другим колониям, создававшимся на Северном Кавказе с санкции властей. К сожалению, В.-Г. Гедройц не указывает ни названия польского поселения, ни места его расположения. Мемуарист упоминает начальника колонии, создавшего целый гарем из подвластных ему полек. Одна из потенциальных наложниц даже совершила самоубийство, чтобы не достаться сладострастному начальнику и это в то время, когда её отец, по фамилии Орловский, храбро сражался в рядах российской армии при взятии аула Ахульго²⁰⁶. Характерно, что только у В.-Г. Гедройца мы встречаем информацию о польской колонии на Кавказе. В связи с этим информация мемуариста вызывает серьёзные сомнения.

Совершенно иначе представляет ход Кавказской войны другой ссыльный польский мемуарист Ипполит (или Ян) Яворский (1812–1877)²⁰⁷. В 1830–1831 гг. он принимал участие в Польском восстании под псевдонимом «Древновский». После поражения восстания эмигрировал, жил во Франции и Англии. В 1835 г., по возвращении на родину, арестован и направлен в Отдельный Кавказский корпус, где служил в Апшеронском полку. После 11 лет службы получил офицерский чин и разрешение вернуться на родину. В 1846 г. по личному разрешению Николая I получил должность смотрителя Лазенок и царских дворцов. Во время восстания 1863–1864 гг. был в числе сторонников одного из его предводителей, Людвика Мерославского, получил звание

²⁰⁴ *Gedroyć G.* Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania. S. 77–78.

²⁰⁵ *Ibid.* S. 137.

²⁰⁶ *Ibid.*

²⁰⁷ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 243.

полковника. После поражения восстания эмигрировал. С 1871 г. жил в Брюсселе²⁰⁸.

Свои мемуары И. Яворский издал в Познани в 1877 г. под псевдонимом «Мечислав Терлица». Познань тогда входила в состав Германской империи, следовательно можно исключить какое-либо влияние царской цензуры на эти воспоминания. Вот одна цитата из мемуаров И. Яворского, которая, как представляется, говорит о многом: «оккупация Россией (Кавказа. – А.Б.) явилась абсолютной необходимостью»²⁰⁹. Более того, размышляя о стремлении кавказских горцев к независимости, И. Яворский замечает, что «бывают случаи, когда независимость приводит к ужасающим последствиям – только структуры, теснейшим образом связанные с цивилизацией и просвещением, приводят к благосостоянию и развитию»²¹⁰. В подкрепление своей мысли И. Яворский описывает резню и грабежи, учинённые сторонниками имама Кази-муллы в г. Дербенте²¹¹.

Ещё одним польским мемуаристом, который недоброжелательно писал о кавказских горцах, был В. Давид. В предисловии к своей поэме «Техе, или разорение аула Дуббы» есть такие строки, посвящённые жителям этой местности: «Народ этот дикий, какие-либо семейные чувства ему недоступны, готовый броситься с кинжалом даже на родного отца или брата...»²¹².

Также любопытны воспоминания В. Потоцкого, который восхищался природой Чечни и, находясь там, описал одну из вылазок российских войск против чеченцев, состоявшуюся 29 августа 1832 г. Сам В. Потоцкий не принимал в ней непосредственного участия, так как должен был находиться при командующем российскими войсками²¹³. Во время этой вылазки были смертельно ранены два близких друга В. Потоцкого – мусульманин Абдулла и поляк со шведскими корнями Кароль Хоувальдт. Последний, «земляк и давний брат по оружию» В. Потоцкого, служивший

²⁰⁸ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 243.

²⁰⁹ *Jaworski H.* Wspomnienia Kaukazu. Poznań, 1877. S. 6.

²¹⁰ Ibid.

²¹¹ Ibid.

²¹² *Dawid W.* Tehe, czyli zburzenie Aulu-Dubby... S. 325.

²¹³ Вероятно, речь идёт о генерале Г.В. Розене.

в Эриванском гренадерском полку, вероятно, также был ссылкой. В. Потоцкий необычайно ярко описал лагерь российских войск под Герменчуком, где находились представители 27 различных народов, как выходцы из Западной Европы, так и некоторые горцы, на тот момент бывшие ещё язычниками²¹⁴.

Другой мемуарист Кароль Калиновский не говорил открыто о варварстве какой-либо из сторон в Кавказской войне, а упоминал об этом в некоторых частях своих мемуаров, порой весьма завуалировано.

К. Калиновский (1821–1882) родился в обедневшей шляхетской семье. Вероятно, ещё учась в варшавской гимназии, вступил в тайную организацию «Объединение польского народа». В 1839 г., работая чертёжником на металлообрабатывающем заводе в Сольце, был арестован и обвинён в намерении тайно выехать из Царства Польского. После четырёх месяцев заключения в варшавской Цитадели К. Калиновский был освобождён, однако в 1844 г. вновь арестован, на этот раз за связь с кружком Т. Вернера. По представлению следственной комиссии от 11 (23) октября 1844 г., утверждённом позднее И.Ф. Паскевичем, К. Калиновский, после девяти месяцев заключения в Цитадели, был отправлен в Отдельный Кавказский корпус. Ок. 1846 г. он попал в двухлетний плен к горцам²¹⁵. В своих мемуарах К. Калиновский описал жизнь в плену, а также свою несчастную любовь к чеченской девушке по имени Эзэнд, которая в результате весьма жестокого решения шариатского суда во главе с самим Шамилём лишилась жизни. Заканчиваются мемуары К. Калиновского описанием его бегства к русским. Все эти факты противоречат утверждению, что К. Калиновский адаптировался к жизни среди горцев и стал там «своим»²¹⁶.

Об очень тяжёлых условиях пребывания в плену у чеченцев пишет другой польский мемуарист, опубликовавший свои

---

²¹⁴ *Potocki W.* Abdullah i Houwaldt. Wspomnienie 29 sierpnia 1832 r. w obozie pod Germenczukiem w ziemi Czeceńców // Biblioteka Warszawska. 1841. T. 1. S. 376–382.

²¹⁵ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 255.

²¹⁶ *Kalinowski K.* Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. Passim.

воспоминания под псевдонимом «А.З.». К сожалению, других сведений о себе автор этих мемуаров не даёт. По некоторым обмолвкам автора можно прийти к заключению, что его имя было Ян, и до включения в состав Кавказского корпуса он изучал медицину в Царстве Польском. Служил мемуарист простым солдатом и, видимо, уже не помышлял о продолжении учёбы²¹⁷. Он был взят в плен 22 марта 1842 г. после восьмимесячной осады войсками Шамиля Кумыцкого замка²¹⁸. С тяжёлыми условиями плена мемуарист столкнулся уже с первых часов, когда пленных гнали пешком, привязанными к лошадям, в то время, как их конвоиры ехали рысью²¹⁹. Затем пленников держали в яме, а несколько месяцев спустя обменяли²²⁰. Нет ничего удивительного в том, что А.З., подобно И. Яворскому, приходит к выводу, что «сопротивление суеверий и предрассудков падёт перед осенёнными крестом хоругвями христианских рыцарей»²²¹.

Как справедливо пишут Б. и К. Барановские, «только немногие поляки уходили из царской армии, чтобы перейти на сторону мюридов и быстро отказывались от мысли о сотрудничестве с фанатичными мусульманскими предводителями горцев»²²². А.З. считал Шамиля человеком крайне недалёким, фанатичным и полным нелепых предрассудков, который, однако, все важнейшие решения принимал под влиянием своего духовного наставника Джамалуддина²²³.

В период пребывания в плену у Шамиля К. Калиновский встретил только одного поляка – Русальского или Русецкого, который получил среди чеченцев имя Искандер-бека и который при первой же представившейся возможности бежал к русским²²⁴.

В 1842 г. от горцев бежал и Ян Ких, австрийский подданный из г. Бржезина. 8 марта 1844 г. он предстал перед начальником Кавказской области в Ставрополе. Беглецы такого рода, тем более

²¹⁷ A.Z. Niewola u Szamila // Athenaeum. 1850. T. 6. S. 135, 139.

²¹⁸ Ibid. S. 121–122.

²¹⁹ Ibid. S. 124.

²²⁰ Ibid. S. 133.

²²¹ Ibid. S. 152.

²²² Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi. S. 63.

²²³ A.Z. Op. cit. S. 142–143, 149.

²²⁴ Kalinowski K. Op. cit. S. 138–139; Widerszal L. Op. cit. S. 34–35.

иностранные граждане, да ещё и польского происхождения, не вызывали особого доверия российских властей. Было решено и дальше держать Я. Киха под арестом. Документов о его дальнейшей судьбе не сохранилось²²⁵.

Возникает вопрос, каким образом в польской исторической литературе появилось убеждение о массовом бегстве польских ссыльных к горцам и целых польских подразделениях в армии Шамиля, а также о польских инструкторах из Англии и Франции, помогавших горцам²²⁶? Ведь против таких утверждений выступал и сам Шамиль, оказавшись в российском плену²²⁷. Как же случилось, что польские солдаты, зная о тяжёлых условиях плена у горцев, всё же говорили между собой о бегстве «к дяде», т.е. в горы²²⁸? М. Гралевский писал о такого рода бегстве либо умышленной сдаче в плен как о «самом патриотичном и верном шаге»²²⁹, которого сам, впрочем, так и не совершил. Можно допустить, что подавляющее большинство польских ссыльных испытывало жгучую ненависть к «москалям» и нежелание служить в их рядах. Этому, безусловно, способствовала коррупция и неэффективность власти на Кавказе, в том числе судов, о которых писал тот же И. Яворский²³⁰. По его версии, именно используя неповоротливость и неэффективность российских властей, в 1840-х гг. Шамиль атаковал Дагестан²³¹. С другой стороны, Шамиль очень умело организовал свою пропаганду, в том числе среди поляков. Например, вышеупомянутый А.З. вспоминал, что, находясь в плену, слышал разговоры о том, что Шамиль получает от султана письма и медали, предназначенные для раздачи отличившимся в боях с русскими²³². Кроме того, Шамиль создал из бежавших к нему русских солдат специальный отряд, который, ходя от одного аула к другому, с пением и боем в бубны воспевал щедрость и гостеприимство имама. По приказу Шамиля

²²⁵ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3586. Л. 87.

²²⁶ См.: *Baranowski B., Baranowski K. Polaków kaukaskie drogi.* S. 63.

²²⁷ *Widerszal L.* Op. cit. S. 34.

²²⁸ *Ibid.*

²²⁹ *Gralewski M.* Op. cit. S. 28.

²³⁰ *Jaworski H.* Op. cit. S. 8–10.

²³¹ *Ibid.* S. 11.

²³² *A.Z.* Op. cit. S. 162–163.

этих солдат должны были содержать за счёт жителей аулов²³³. И. Яворскому доводилось слышать о том, что Шамиль якобы умел говорить по-польски²³⁴.

Архивные материалы содержат информацию о бегстве в 1830–1840-е гг. ссыльных поляков из российских войск на Северо-Западном Кавказе. Например, в рапорте от 10 октября 1839 г., направленном начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии на имя начальника этой линии генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, содержится информация о том, что к горцам бежало 15 польских пленных. Рапорт содержит имя одного из них, Павла Ковалевского²³⁵. Как явствует из других рапортов, П. Ковалевский и два его товарища, Леонтий Пясецкий и Ян Малиновский, бежали к горцам сразу же по прибытии в порт Новороссийск, не ожидая отправки в батальоны²³⁶. О дальнейшей судьбе этих беглецов ничего не известно.

В восточной части Северного Кавказа 28 января 1844 г. бежал Антоний Биняковский, происходивший из крепостных крестьян Оpatовского уезда Радомской губернии. Он трижды пытался бежать, служа в Апшеронском пехотном полку, за что подвергался наказанию 1000 ударов розгами, а 27 ноября 1843 г. в возрасте 52 лет был направлен в Ставрополь в арестантскую роту. Скорее всего он бежал к горцам, хотя источники об этом молчат²³⁷.

Примером разных взглядов польских ссыльных на Кавказскую войну может служить описание осады российскими войсками аула Салты в Дагестане в 1849 г. Осада была описана сразу двумя польскими мемуаристами – М. Гралевским и К. Калиновским. Внимание заслуживает тот факт, что М. Гралевский находился в рядах российских войск, а К. Калиновский – в армии Шамиля²³⁸.

Оба мемуариста, независимо друг от друга, подчёркивают крайне малую эффективность действий российских войск, осаждавших аул. К. Калиновский писал, что ракеты и гранаты,

²³³ *A.Z.* Op. cit. S. 128.

²³⁴ *Jaworski H.* Op. cit. S. 12.

²³⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2. Л. 102.

²³⁶ Там же. Л. 75об. – 76.

²³⁷ Там же. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2980. Л. 47.

²³⁸ *Gralewski M.* Op. cit. S. 270–285; *Kalinowski K.* Op. cit. S. 168–170.

которые российские солдаты бросали в противника, горцы кидали обратно в русских. М. Гралевский критически замечал, что деятельность российских войск приносила больше вреда самим осаждающим, чем осаждённому. Этому причиной был, прежде всего, огонь российской артиллерии. К. Калиновский отмечал, что царские войска так и не смогли полностью отрезать горцам пути сообщений. Об этом свидетельствует и тот факт, что сам К. Калиновский с группой горцев пробрался в осаждённый аул через ущелье, по которому, правда, можно было проходить только ночью. И это притом, что российские солдаты, дежурившие у его края, слыша шум в ущелье, бросали туда гранаты.

При описании осады у двух авторов можно обнаружить и существенную разницу. У К. Калиновского в ауле были «только тени, а не люди»²³⁹, зато у М. Гралевского «прежде, чем ночью (осаждённые. – А. Б.) отошли, играли марши, вальсы, польки и краковяки, которыми услаждали слух поляков. Скорее всего, эти музыканты были беглецами из московского войска»²⁴⁰. Возникает закономерный вопрос: откуда у осаждённых, выглядевших как тени, были силы, чтобы играть?

К. Калиновский был в восторге от мужества обороняющихся, но конкретно об этом не писал²⁴¹. Позднее описание М. Гралевского приобретает более реалистические черты: появляется упоминание о единственном польском голосе, доходившем из осаждённого аула. Голос призывал братьев-поляков бежать от «москалей»²⁴². Голос этот, с большой долей вероятности, мог принадлежать именно К. Калиновскому, поскольку последний не упоминает ни о каких других соотечественниках, находившихся в ауле. Конец осады имел драматический характер, что подтверждают мемуары обоих вышеупомянутых авторов.

Другой мемуарист С. Пилят, описывая Кавказскую войну, старался соблюдать объективность и не думал о побеге в горы, несмотря на ненависть к «москалям». С. Пилят очень подробно рассказал о своём товарище по ссылке, татарине родом из Литвы,

²³⁹ *Kalinowski K.* Op. cit. S. 170.

²⁴⁰ *Gralewski M.* Op. cit. S. 278.

²⁴¹ *Kalinowski K.* Op. cit. S. 174.

²⁴² *Gralewski M.* Op. cit. S. 278–279.

которому дал псевдоним Измаил Черкавский. Летом 1832 г. во время их пребывания в Пятигорске И. Черкавский поделился с С. Пилятом своими планами бегства в горы²⁴³. Уже тогда товарищи-поляки объясняли И. Черкавскому, что черкесы выдают русским беглецов в обмен на своих пленных, что горцы – это варварский народ²⁴⁴. Причиной, послужившей отсрочкой бегства И. Черкавского в горы, стало присутствие в Пятигорске среди пленных поляков отца его невесты, пана Михала (фамилии в мемуарах С. Пилята, к сожалению, нет). После смерти пана Михала и последовавшем за ней исчезновении И. Черкавского, среди поляков ходили слухи о том, что И. Черкавский оказался во главе горцев во время их набега на станицу Прочный Окоп (ныне станица Прочноокопская в окрестностях Армавира). Во время этого набега горцы, вопреки своим тогдашним обычаям, не убивали безоружных и не брали женщин и детей в плен²⁴⁵. Факты эти, однако, документального подтверждения не нашли.

Отношение С. Пилята к горцам можно считать характерным также для В.-Г. Гедройца и М. Гралевского. Последний писал: «Истинный поляк хоть на Кавказе всегда знал, что должен москалям, а что требуется горцам»²⁴⁶. М. Гралевский, хотя и думал о побеге, продолжал служить в российских войсках. В его мемуарах даже чувствуется гордость за то, что в штабе дивизии под командованием российского генерала венгерского происхождения (фамилия не приводится) в большинстве служили поляки. М. Гралевский подтверждает факт, что в 1835–1836 гг. были случаи бегства вооружённых польских «бравых солдат» в Турцию, Персию или в горы²⁴⁷. Следует отметить, что такого рода побег в 1840-е гг. уже не отмечены ни в мемуарах даже наиболее антирусски настроенных ссыльных, ни в архивных материалах. Скорее всего, причиной этому послужили ставшие широко известными факты появления поляков, сбежавших

²⁴³ *Pilat S.* Op. cit. S. 129.

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ Ibid. S. 149.

²⁴⁶ *Gralewski M.* Op. cit. S. 48.

²⁴⁷ Ibid. S. 507.

из рядов Отдельного Кавказского корпуса, в качестве живого товара на невольничьих рынках, как в горах, так и в Турции²⁴⁸.

Подводя итоги анализа отношения ссыльных поляков к противоборствующим сторонам в Кавказской войне, можно сказать, что на смену имевшей место в 1830-е гг. эйфории по поводу свободолюбия горцев, пришло вскоре глубокое разочарование, вызванное, прежде всего, жестоким отношением как к пленным, так и к беглецам из рядов царской армии.

Нельзя не вспомнить описания Кавказа, оставленные польскими ссыльными в середине XIX в. Характерно, что в основном мемуаристы описывали Северный Кавказ. Такого рода зарисовки можно встретить практически у всех польских ссыльных мемуаристов, за исключением разве что А.З., который писал в основном о своём пребывании в плену у горцев.

Хронологически наиболее раннее описание Северного Кавказа можно встретить у С. Пилята, оказавшегося там в 1832 г. Как в его случае, так и в случае со многими другими ссыльными, их дорога шла через Ставрополь²⁴⁹. Об этом городе писал и М. Гралевский. Оба автора упоминают Ставрополь как административный центр Кавказской области, а позднее – Ставропольской губернии²⁵⁰.

О пребывании в Ставрополе в 1839 г. пишет и И. Яворский. Этот город был первым, встречавшим путешественника, пересекшего южные рубежи Всевеликого войска Донского. Впрочем, И. Яворский проживал не в Ставрополе, а в станице Сенгилеевской, в 25 верстах от города. Здесь его навелит другой поляк по фамилии Радомек, который ещё в Царстве Польском получил звание унтер-офицера и выехал на службу в Темир-Хан-Шуру²⁵¹.

Описание Ставрополя можно найти и в мемуарах К. Калиновского, привезённого на Северный Кавказ весной 1845 г. К. Калиновский также указывал, что Ставрополь – первый город по дороге из России на Кавказ. По его описанию город был

---

²⁴⁸ *Caban W.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873. Warszawa, 2001. S. 169.

²⁴⁹ *Pilat S.* Op. cit. S. 127.

²⁵⁰ *Gralewski M.* Op. cit. S. 27.

²⁵¹ *Jaworski H.* Op. cit. S. 7–9.

расположен в красивой местности и хорошо застроен. С восторгом писал К. Калиновский о главной улице города с бульваром, украшенным колоннадами, где люди высшего света охотно проводили свободное время, посвящая его прогулкам²⁵².

В описании Ставрополя, составленном В. Давидом, бросается в глаза деление города на две части: верхнюю, по мнению мемуариста, наилучшую, где возвышались здания губернского правления, театр, собор и т.д., и нижнюю, где сосредоточилась, в основном, торговая жизнь – магазины, склады, гостиницы и кондитерские. Упоминает В. Давид и о водопроводе, проведённом от источника под названием «Карабин» до центра города²⁵³.

С. Пилят восторгался видом Пятигорска, который, по его мнению, уже тогда «имел совершенно европейскую физиономию» и являлся «Карлсбадом на Кавказе»²⁵⁴. С. Пилят описывал Пятигорск как прекрасный, но небольшой городок, расположенный у подножия горы Машук. А К. Калиновский вспоминал о благотворном воздействии на его здоровье тамошних вод, с восторгом описывал восхождение на гору Машук и о великолепной панораме, которая оттуда открывается²⁵⁵.

К. Калиновский составил описание не только Пятигорска, но и других городов группы Кавказских Минеральных Вод²⁵⁶.

Описание Пятигорска можно найти и у И. Яворского. Он писал, что город был не только курортом, но, подобно Георгиевску, местом пребывания правительственных учреждений²⁵⁷. И. Яворский, также как и К. Калиновский, составил описание не только Пятигорска, но и других городов группы Кавказских Минеральных Вод, в том числе: Эссентуков, Железноводска и Кисловодска²⁵⁸.

О своём пребывании в Пятигорске, скорее всего в начале 1850-х гг., вспоминал и М. Гралеvский. Был он, подобно многим, очарован городом и, как С. Пилят, вспоминал о татарах из Литвы,

²⁵² *Kalinowski K.* Op. cit. S. 10.

²⁵³ *Dawid W.* Wspomnienia z podróży... S. 38.

²⁵⁴ *Pilat S.* Op. cit. S. 128.

²⁵⁵ *Kalinowski K.* Op. cit. S. 11.

²⁵⁶ *Ibid.*

²⁵⁷ *Jaworski H.* Op. cit. Cz. 3. S. 21–23.

²⁵⁸ *Ibid.* S. 23, 25.

которых встречал в Пятигорске²⁵⁹. М. Гралеvский подчёркивал, что в Пятигорск приезжали польские семьи из-за Днепра, чтобы встретиться здесь с родственниками, не имевшими права покидать Кавказ. Одним из таких ссыльных был Ковалевский, с которым М. Гралеvский проделал путь из Абхазии, чтобы пройти курс лечения. М. Гралеvский пишет и о нескольких польских семьях, постоянно проживавших в Пятигорске. Вместе с ними он совершил восхождение на Машук, посетив минеральные источники²⁶⁰.

Описание Пятигорска составил и В. Давид, сообщавший, что в окрестностях города находится пропасть, по дну которой течёт р. Подкумок (у В. Давида – Под-Кумык). Он описал и гору Змейка. В связи с этим можно предположить, что В. Давид въезжал в Пятигорск со стороны нынешнего г. Минеральные Воды. Мемуарист не жалеет восторженных слов, описывая Пятигорск: «тревоги и чудеса Востока почти всё он имеет в себе», город – это «малая энциклопедия всего Кавказа»²⁶¹. Высоко оценивает В. Давид и нравы местной публики: «Формальный этикет уступает здесь место искренним отношениям дружбы и бескорыстного знакомства. Здесь исчезают принудительные обязанности и холодный расчёт больших городов. Свобода в домашнем быту и во время публичных прогулок характеризует пятигорское общество»²⁶². Очень много места уделяет В. Давид различного рода ваннам с минеральной водой, в том числе «пропасти, размерами напоминающей огромный колодец и наполняющейся мутной водой» (т.е. «Провалу»), а также Эоловой Арфе, беседке, спроектированной доктором Конради, в которой находилась настоящая арфа, приводившаяся в действие порывами ветра. Особое восхищение В. Давида вызвала панорама гор Главного Кавказского хребта, которой он любовался как из центра города, так и с вершины горы Машук²⁶³. Так же, как и М. Гралеvский, В. Давид описывает

²⁵⁹ *Gralewski M.* Op. cit. S. 408.

²⁶⁰ *Ibid.* S. 409–410.

²⁶¹ *David W.* Piatihorsk i jego okolice // *Dziennik Warszawski.* 1853. 10 (22) lutego. № 50. S. 3.

²⁶² *Ibid.*

²⁶³ *Ibid.*

Пятигорск как место встреч поляков с соотечественниками, находящимися в ссылке в рядах царской армии на Кавказе. Ссылльные приезжали сюда со всех концов Кавказа, чтобы отдохнуть и поправить здоровье²⁶⁴.

М. Гралевский, И. Яворский и В. Давид описывают г. Георгиевск, который в своё время посетил граф Я. Потоцкий. Все три мемуариста характеризуют город как один из важнейших административных центров Северного Кавказа, который, однако, пришёл в упадок после перенесения в 1822 г. столицы области в Ставрополь²⁶⁵. Однако Георгиевск и дальше оставался важным торговым и военным центром Северного Кавказа, в котором проходили ярмарки и находился арсенал²⁶⁶.

Одним из первых ссылных, описывавших Владикавказ, был М. Гралевский, который упоминает проживавших там польских ссылных: горняка Викентия Сапальского, Игнация Завадского и Шимановского²⁶⁷. Как М. Гралевский, так и И. Яворский из Владикавказа направлялись к Моздоку. И. Яворский через Прохладную (ныне Прохладный), Екатериноград и Павлодольск (ныне Павлодольская)²⁶⁸. М. Гралевский описывает Моздок как «город уездный, с несколькими тысячами населения, состоящим преимущественно из армян, занимающихся виноделием и торговлей»²⁶⁹.

Оба мемуариста позднее посетили казачьи станицы, через которые ранее проезжал граф Я. Потоцкий. И. Яворский вспоминает о станице Наурской (у Я. Потоцкого – Наур), в которой в период пребывания там И. Яворского казачьим полком командовал поляк – Едлиньский²⁷⁰. Далее И. Яворский описывает дорогу в Дагестан через станицы Щедринская, форт Таш-Кичу²⁷¹,

²⁶⁴ *Dawid W. Piatihorsk i jego okolice*. S. 3.

²⁶⁵ *Gralewski M. Op. cit.* S. 31; *Jaworski H. Op. cit.* S. 21; *Dawid W. Wspomnienia z podróży... // Biblioteka Warszawska*. Warszawa, 1855. T. 2. Ogólnego zbioru T. 58. S. 14–17.

²⁶⁶ *Ibid.* S. 13, 15.

²⁶⁷ *Gralewski M. Op. cit.* S. 404.

²⁶⁸ *Jaworski H. Op. cit.* S. 39, 41.

²⁶⁹ *Gralewski M. Op. cit.* S. 36.

²⁷⁰ *Jaworski H. Op. cit.* S. 42.

²⁷¹ Место похищения горцами К. Калиновского.

станции Внезапная, Миатлинская до Темир-Хан-Шуры или через станции Новогладковская, Каргалинская, Дубовка (ныне Дубовская), Песчаноокопская до Кизляра²⁷².

М. Гралевский также описывает свои путешествия из Моздока в Кизляр через станции Мекенская, Наурская, Ищерская, Галючаевская, описывая историю этих станиц. О графе Я. Потоцком М. Гралевский, однако, не вспоминает, посвящая много места полякам, проживающим в этом районе. Перед выездом из Моздока М. Гралевский встречался с Сетиньским и Мацейовским, скорее всего, также ссыльными, которые направлялись в Андреевскую и Грозную (ныне г. Грозный)²⁷³. Таким ссыльным царские власти доверяли иногда руководить казаками-староверами. Во время пребывания в Дагестане М. Гралевский встречался с полком по фамилии Понятовский, который утверждал, что является князем и поддерживает контакт с самим Адамом Ежи Чарторийским. Этим рассказам Понятовского М. Гралевский не поверил²⁷⁴.

И. Яворский составил описание Кизляра как города с десяти тысячным населением, преимущественно армянским²⁷⁵. Затем он составил описание Темир-Хан-Шуры²⁷⁶, а также дагестанских аулов и обычаев народов, их населяющих²⁷⁷.

В.-Г. Гедройц описывал Дагестан (у него – Дахестан) в пояснениях к своим мемуарам, которые, в отличие от основного текста, написанного в стихах, были изложены в прозе. По описанию В.-Г. Гедройца, в Дагестане находился целый ряд небольших государств, которые добровольно перешли под власть России²⁷⁸. Описывая южную часть Дагестана, В.-Г. Гедройц концентрируется, прежде всего, на Дербенте и его окрестностях²⁷⁹.

К. Калиновский вспоминает о пребывании в крепости Таш-Кичу (между Кизляром и Темир-Хан-Шурой, близ границы с Чечнёй), где он служил и где весной 1846 г. был похищен горцами.

²⁷² *Jaworski H.* Op. cit. S. 43.

²⁷³ *Gralewski M.* Op. cit. S. 42.

²⁷⁴ *Ibid.* S. 79.

²⁷⁵ *Jaworski H.* Op. cit. S. 44.

²⁷⁶ *Ibid.* S. 59–61.

²⁷⁷ *Ibid.* S. 38–50, 54–58.

²⁷⁸ *Gedroyć G.* Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania. S. 165.

²⁷⁹ *Ibid.* S. 168.

К. Калиновский очень подробно обрисовывает своё положение пленника, а также обычаи и быт чеченцев. Так же как и Я. Потоцкий, К. Калиновский изображает общественное устройство тогдашней Чечни, называя «тайпами» знать этого народа²⁸⁰. О чеченском национальном костюме К. Калиновский пишет, что он подобен кабардинскому²⁸¹. Подробно описывает К. Калиновский и чеченскую кухню, а также обычаи, соблюдаемые при приёме пищи²⁸².

В.-Г. Гедройц описал приключения Юлиуша Витковского, польского ссыльного, служившего в рядах российской армии, который попал в плен к чеченцам. Там, «он одного доброго чеченца так к себе привязал, что тот родную дочь за него отдал». Позднее Ю. Витковский был взят в плен уже русскими войсками и погиб²⁸³. К сожалению, никакими другими источниками жизнеописание Ю. Витковского не подтверждается. Да и описания В.-Г. Гедройца порой дают повод к серьёзным сомнениям в их достоверности. Так, например, описывая Чечню, В.-Г. Гедройц называет чеченцев черкесами²⁸⁴.

Заслуживает внимания описание Чечни, составленное В. Давидом в предисловии к поэме «Техе, или разорение аула Дуббы». В. Давид пишет о так называемых Большой и Малой Чечне, естественная граница между которыми проходит по р. Аргун. В. Давид описывал оставленные чеченцами аулы на правом, южном берегу р. Терек, упоминает также об идеологии сражающихся горцев, пишет об их предводителях, начиная с Кази-муллы²⁸⁵.

Ю.-Л. Суржицкий составил описание природы и обычаев народов, населяющих Дагестан. Скорее всего, этому способствовало пребывание Ю.-Л. Суржицкого в качестве солдата в г. Дешлагар (у Ю.-Л. Суржицкого – Дишлагар, ныне Сергокала) в 1851 г.²⁸⁶

²⁸⁰ *Kalinowski K.* Op. cit. S. 43

²⁸¹ *Ibid.* S. 45.

²⁸² *Ibid.* S. 48.

²⁸³ *Gedroyć G.* Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania. S. 109–115.

²⁸⁴ *Ibid.* S. 159–161.

²⁸⁵ *Dawid W.* Tehe, czyli zburzenie Aulu-Dubby... S. 323, 325–326.

²⁸⁶ *Surzycki J.* Obrazy Dagestanu // Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1858. T. 2. S. 225–238, 587–602; T. 3. S. 86–188, 577–590; T. 4. S. 384–406; Warszawa, 1859. T. 2. Nowej serii T. 6. S. 738–759.

М. Гралевский начинает описание Дагестана с г. Хасавюрт (у М. Гралевского – Хасан-Юрт). Он вспоминает об осаде горцами Даргинского полка. Это событие ранее было описано у Юзефа Корженёвского в поэме «Тадеуш Безымянный»²⁸⁷. Что касается Чечни, то здесь М. Гралевский концентрируется, прежде всего, на истории восстаний против российского владычества. Этим восстаниям посвящён пятый раздел его мемуаров. Первым в их ряду идёт восстание шейха Мансура.²⁸⁸ Заметим, что М. Гралевский одним из первых польских мемуаристов обратился к этой тематике. Он подробно описал восстания предшественников Шамиля – Казимуллы и Гамзатбека. Что касается абреков, то М. Гралевский описывает их как мусульманскую секту, целью которой стала борьба с русскими на Кавказе²⁸⁹.

И. Яворский, подобно М. Гралевскому, предпринял попытку описать историю предводителей горских восстаний²⁹⁰. Заслуживают внимания его заметки о религиозно-идеологических основах жизни горцев: шариат (мусульманское право), маарифат (основы жизни интеллектуальной) и тарикат (моральные правила общежития). Что касается абреков, то И. Яворский называл их просто разбойниками²⁹¹. Об истории Гамзатбека вспоминал и К. Калиновский²⁹².

Польские путешественники по Кавказу описывали обычаи обитающих там народов. При этом поражает необычайная точность описаний, составленных первым из них, графом Я. Потоцким. В свою очередь В.-Г. Гедройц описал на нескольких страницах своих мемуаров обычаи калмыков, назвав соответствующую главу «К степям калмыцким». В ней можно найти информацию о национальной кухне, свадебных обычаях, приёме гостей и религиозных обрядах²⁹³.

²⁸⁷ *Gralewski M.* Op. cit. S. 72–73.

²⁸⁸ *Ibid.* S. 61–63, 189–239.

²⁸⁹ *Ibid.* S. 171.

²⁹⁰ *Jaworski H.* Op. cit. S. 3, 6–7.

²⁹¹ *Ibid.* S. 143.

²⁹² *Kalinowski K.* Op. cit. S. 112–113.

²⁹³ *Gedroyć G.* Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania. S. 84–88.

Общественное устройство, быт и обычаи калмыков описывает и М. Гралевский²⁹⁴. Он же среди других кавказских народов выделяет осетин, как приверженцев христианства²⁹⁵.

Конечно не все польские ссыльные, пребывавшие на Северном Кавказе, оставили после себя мемуары. К их числу принадлежит и выдающийся деятель Ноябрьского восстания 1830 г. князь Роман Станислав Адам Сангушко (1800–1881). Во время восстания он был адъютантом главнокомандующего войсками повстанцев генерала Яна Скшинецкого. Во время восстания Р.-С.-А. Сангушко был награждён орденом «Виртути Милитари». В период подавления восстания российскими войсками Р.-С.-А. Сангушко был взят в плен под г. Руда²⁹⁶ (у Я. Рейхмана – под Лысобыками²⁹⁷). По приговору, утверждённому Николаем I, Р.-С.-А. Сангушко был сослан в Сибирь, где подал прошение о переводе его на Кавказ. В 1834 г., благодаря хлопотам семьи, его просьба была удовлетворена. Он служил в Тенгинском пехотном полку, располагавшемся тогда в Геленджике и Анапе²⁹⁸. В письме к отцу, написанном 7 декабря 1834 г., Р.-С.-А. Сангушко описал эти города. Во время службы Р.-С.-А. Сангушко поддерживал контакт преимущественно с двумя польскими ссыльными: Платером и Ржевуским. В разговорах с ними он касался своего возможного бегства к горцам, но его останавливал пример судьбы Станислава Брановского²⁹⁹. Р.-С.-А. Сангушко был дважды ранен: первый раз в ногу под с. Шедохабад, во второй раз – в плечо у аула Чочелк. В связи с этими ранениями в 1836 и 1837 гг. лечился в Пятигорске. В 1838 г. Р.-С.-А. Сангушко был награждён орденом Св. Станислава и получил чин подпоручика и, как следствие – возвращение прав. Его перевели из Ставрополя в Москву, где до 1845 г. он служил в полиции «квартильным». В том же году он получил право выйти

²⁹⁴ *Gralewski M.* Op. cit. S. 34–35, 174.

²⁹⁵ *Ibid.* S. 37.

²⁹⁶ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 534.

²⁹⁷ *Reychman J.* Podróżnicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 183.

²⁹⁸ *Baranowski B., Baranowski K.* Polaków kaukaskie drogi. S. 50; *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku... S. 297.

²⁹⁹ *Reychman J.* Podróżnicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 185.

в отставку и вернуться домой³⁰⁰. Всю жизнь Р.-С.-А. Сангушко интересовался Кавказом и собирал библиотеку на эту тему. Об этом свидетельствует и тот факт, что книга К. Нойманна, профессора из Мюнхена, изданная в 1840 г., обнаруженная нами в библиотеке Католического университета в Люблине, содержит «Экслибрис Романа Сангушко». Некоторые данные о пребывании Р.-С.-А. Сангушко на Северном Кавказе, в том числе в Анапе, а также описание его путешествия по Военно-Грузинской дороге, содержат его письма к матери Клементине, урождённой Чартовойской, и отцу Евстахию Эразму. Часть из этих писем была опубликована в Варшаве в 1927 г.³⁰¹

Руководимая Ш. Конарским тайная организация «Объединение польского народа», действовавшая во второй половине 1830-х гг. в Киеве, Вильно и других местах Литвы и Белоруссии, довольно хорошо исследована в научной литературе. В 1837 г. к ней примкнула группа Францишека Савича. До присоединения к организации Ш. Конарского она называлась «Демократическое товарищество», а после сменила название на «Молодая Польша». В состав организации входили люди разных национальностей: поляки, белорусы, русские, украинцы, итальянцы, французы. Организация боролась за свержение деспотизма в Российской империи, но вскоре была разгромлена властями. Многие её члены в 1838–1839 гг. оказались сосланы «в солдаты» на Кавказ.

Ссылных отправляли большими группами. Как писал М. Гралевский, в 1839 г. на Кавказ прибыло несколько десятков участников «дела Конарского», преимущественно студентов Виленской академии и Киевского университета Св. Владимира³⁰². Советский исследователь А.Ф. Смирнов утверждал, что ссылных было 23 чел. Их привезли в Ставрополь весной 1839 г. под охраной жандармов. Во главе группы были студенты Виленской медико-хирургической академии: Францишек Савич, Ян Захорский

³⁰⁰ *Reychman J. Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 534–535; Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku... S. 312–313.*

³⁰¹ *Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku... S. 313.*

³⁰² *Gralewski M. Op. cit. S. 508.*

(Загурский)³⁰³, а также Казимеж Рапчиньский (Рабчиньский). Все трое были высланы на Кавказ без права продвижения по службе и должны были всё время ссылки служить рядовыми в Отдельном Кавказском корпусе³⁰⁴.

Ф. Савич (1815–1846) родился в семье униатского священника в д. Велатиче Пинского уезда³⁰⁵. Никакой собственности семья не имела, а отец семейства умер вскоре после рождения сына. Ребёнок был усыновлён администратором школы в Пинске ксёндзом Францишекком Махчиньским. В 1833 г., после окончания пинской школы, Ф. Савич поступил в Виленскую медико-хирургическую академию как казённокоштный студент. Ещё в школе проявился его дар притягивать к себе людей. Хотя большинство источников утверждают, что Ф. Савич был белорусом³⁰⁶, во время поступления в академию он принадлежал к числу горячих сторонников возрождения независимости Польши и большим поклонником свободолобивой и патриотичной поэзии А. Мицкевича. Даже основав тайную организацию, Ф. Савич взял себе псевдоним «Адам»³⁰⁷. Однако в дальнейшем во взглядах студента Ф. Савича произошли перемены. Вероятно, они произошли после его многочисленных бесед с крестьянами, с которыми он мог встречаться на каникулах. Теперь Ф. Савич считал, что самой главной целью его движения является освобождение крестьян, даже если Польша не станет независимой³⁰⁸.

В середине 1830-х гг., после разгрома большинства студенческих конспиративных организаций в Вильно, университетская молодёжь стала интересоваться только вечеринками и игрой в карты. Тем временем Ф. Савич и девять его единомышленников создали свою организацию (1836 г.). Её главными целями провозглашались борьба с несправедливостью, помощь пострадавшим

³⁰³ *Smirnow A.F.* Więzi rewolucyjne narodów Rosji i Polski w latach trzydziestych–sześćdziesiątych XIX wieku. Warszawa, 1972. S. 76; *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 695.

³⁰⁴ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 3.

³⁰⁵ *Smirnow A.F.* Więzi rewolucyjne narodów Rosji i Polski... S. 69; *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 538.

³⁰⁶ *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 1983. S. 154.

³⁰⁷ *Smirnow A.F.* Więzi rewolucyjne narodów Rosji i Polski... S. 70, 76.

³⁰⁸ *Ibid.* S. 71.

от неправомερных действий властей и воспитание молодежи честными гражданами. Устав организации, написанный Ф. Савичем, требовал от каждого члена вести скромную трудолюбивую жизнь, ограничив свои потребности разумным минимумом³⁰⁹. В качестве членских взносов каждый член организации выплачивал 2 злотых в месяц. За участие в азартных играх полагались штрафы: один рубль – за игру в карты, полтинник – за игру в бильярд и т.д.³¹⁰

Сподвижник Ф. Савича, также высланный на Кавказ, Я. Захорский родился в 1813 г. в польской дворянской семье, происходившей с Волыни. Вступив в организацию, Я. Захорский выбрал себе псевдоним «Яцек»³¹¹. Именно в его квартире происходили собрания членов организации³¹².

Наконец, ещё один член организации, высланный на Кавказ, студент К. Рапчиньский, родился ок. 1808 г. в семье однодворцев из Витебской губернии. В организацию вступил в мае 1838 г., взяв псевдоним «Мечислав». Именно он занимался сбором средств, а также нелегальной литературой³¹³.

Когда действовавшая достаточно осторожно, но энергично организация была раскрыта, на Кавказ, кроме трёх активистов, отправились ещё 20 её членов. Характерно, что на этих последних не распространялся запрет властей на продвижение по службе.

Приведём данные об этих членах организации:

1. Александр Хрицикевич (Хрицукевич; в документах Кавказской области – Грицилевич) (род. ок. 1815 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, гражданин вольного города Кракова. В организации принял псевдоним «Адольф»³¹⁴.

2. Станислав Милковский (ок. 1808–1840) – выпускник Виленской медико-хирургической академии со степенью

³⁰⁹ *Smirnow A.F. Więzi rewolucyjne narodów Rosji i Polski... S. 75.*

³¹⁰ *Ibid. S. 75–76.*

³¹¹ *Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 695.*

³¹² *Smirnow A.F. Więzi rewolucyjne narodów Rosji i Polski... S. 78.*

³¹³ *Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 498.*

³¹⁴ *Ibid. S. 214.*

врача 2-го класса, из дворян Луцкого уезда Волынской губернии. В организации взял псевдоним «Бертольд»³¹⁵. В документах ГАСК записан как Стефан³¹⁶.

3. Людвик Гродецкий (род. ок. 1809 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, из дворян Волынской губернии. В организации взял псевдоним «Тадеуш»³¹⁷.

4. Кароль Стаховский (род. ок. 1816 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, из дворян Минской губернии. В организации взял псевдоним «Игнаций»³¹⁸.

5. Антоний Карпович (род. ок. 1817 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, из дворян Пинского уезда Минской губернии. В организации взял псевдоним «Зыгмунт»³¹⁹.

6. Францишек Вояковский (род. ок. 1815 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, из дворян Гродненской губернии. Псевдонима в организации не брал³²⁰.

7. Фаустин Роговский (род. ок. 1818 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, утверждал, что является дворянином Царства Польского. Его псевдоним неизвестен, в организации выполнял функцию «старосты» одного из десятков, на которые делилось тайное общество³²¹.

8. Мечислав Малевский (ок. 1819–1870) – выпускник Виленской медико-хирургической академии со степенью врача, из дворян Трокского уезда Виленской губернии. В организации взял псевдоним «Хуго»³²².

9. Владислав Бахриновский (Багриновский; у М. Гралевского – Бахрановский) (род. ок. 1808 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, из дворян Волынской губернии, его семья жила в Киеве. В 1837 г. его кандидатура была представлена членам тайной организации М. Малевским, но отклонена Ф. Савичем. По мнению последнего, В. Бахриновский слишком

³¹⁵ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 389.

³¹⁶ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 7.

³¹⁷ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 191.

³¹⁸ *Ibid.* S. 567.

³¹⁹ *Ibid.* S. 262.

³²⁰ *Ibid.* S. 677.

³²¹ *Ibid.* S. 505.

³²² *Ibid.* S. 363.

болтлив и любил порисоваться³²³. Ранее В. Бахриновский, будучи студентом Виленского университета, уже прошёл по делу филаретов и был выслан на Кавказ, вероятно, в Сухум³²⁴. Вызывает удивление, как ему удалось так быстро вернуться из ссылки? Возможно, за отличную учёбу: известно, что студент В. Бахриновский получил в академии награду за анатомические препараты. При разгроме организации Ф. Савича В. Бахриновский попал в относительно мягкие условия – ему разрешено было временно выйти из-под ареста, чтобы закончить учёбу в академии. Так что на Кавказ В. Бахриновский выехал уже с дипломом врача³²⁵.

10. Юзеф Коглярский (род. ок. 1818 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, из дворян Царства Польского. В организации взял псевдоним «Вацлав», выполнял функцию «старосты» одного из десятков³²⁶.

11. Александр Верминьский (ок. 1811–после 1886) – выпускник Виленской медико-хирургической академии со степенью врача 1-го класса. В организации взял псевдоним «Гжегож»³²⁷.

12. Александр Псарский (в документах ставропольских чиновников ошибочно – Тарский)³²⁸ (род. ок. 1816 г.) – помощник фармацевта в Вильно, сын варшавского чиновника. В организации взял псевдоним «Демиан»³²⁹.

13. Иоахим Бартошевский (род. ок. 1814 г., умер до 1847 г.) – студент Виленской медико-хирургической академии, из неутверждённых Герольдией Российской империи дворян Виленской губернии. В организации взял псевдоним «Хиоб»³³⁰. В документах ГАСК записан как Аким³³¹.

---

³²³ *Смирнов А. Ф.* Революционные связи народов России и Польши. 30–60-е годы XIX века. М., 1962. С. 66.

³²⁴ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 44.

³²⁵ *Ibid.*

³²⁶ *Ibid.* S. 278.

³²⁷ *Ibid.* S. 661.

³²⁸ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 3.

³²⁹ *Smirnow A. F.* Więzi rewolucyjne narodów Rosji i Polski... S. 77; *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 484–485.

³³⁰ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 50.

³³¹ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 3.

14. Станислав Янковский (род. ок. 1818 г.) – утверждал, что является дворянином Царства Польского. В организации взял псевдоним «Леопольд»³³².

Среди описанной группы членов организации Ф. Савича также были два итальянца (Джузеппе Каденаци и Никколо Каракано), белорус (Феликс Зданович), украинец (Евстахий Воронич) и русский («староста» одного из десятков Иван Мошков). Все они оказались на Кавказе³³³.

Как уже говорилось выше, организация Ф. Савича под названием «Молодая Польша» вошла в состав «Объединения польского народа» Ш. Конарского³³⁴. Немного позже в состав организации Ш. Конарского вошёл также кружок, организованный братьями Яном и Наполеоном Еленьскими³³⁵. По крайней мере, один из них, Наполеон Еленьский (1810–1883), был также выслан на Кавказ вместе с членами организации Ф. Савича³³⁶.

Ссылных из Вильно везли через Минск, Чернигов либо Екатеринослав, Ростов-на-Дону до Ставрополя. Отсюда путь большинства из них лежал в Тифлис. Поскольку команда ссылных была довольно многочисленной, власти Кавказской области решили перевозить виленских заговорщиков более мелкими группами: по 7–8 чел. в каждой. Перевозкой ссылных занимался жандармский штабс-капитан Полесский-Шепило³³⁷.

Первая группа ссылных прибыла в Тифлис 16 марта 1839 г. В её состав входили: Александр Хрицикевич, Юзеф Коглярский, Станислав Милковский, Людвик Гродецкий, Кароль Стаховский, Антоний Карпович, Францишек Вояковский и Александр Вильчинский³³⁸. Об этом последнем известно только из документов ГАСК. Как явствует из документов, А. Вильчинский происходил из дворян Волынской губернии. В 1839 г. ему было 28 лет³³⁹.

³³² *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 234.

³³³ *Smirnow A.F.* Więzy rewolucyjne narodów Rosji i Polski... S. 77–78.

³³⁴ *Смирнов А.Ф.* Революционные связи народов России и Польши... С. 100.

³³⁵ Там же. С. 95.

³³⁶ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 46; *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 244.

³³⁷ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 14, 39.

³³⁸ Там же. Л. 7, 12–13, 38.

³³⁹ Там же. Л. 7.

Позднее, в мае 1839 г., в состав одной из очередных групп были включены: упоминавшийся Н. Еленьский, а также Александр Гутовский (род. ок. 1815 г.)³⁴⁰. По прибытии в Тифлис Н. Еленьский был направлен на службу в Апшеронский пехотный полк, а А. Гутовский – в Мингрельский гренадерский полк³⁴¹. По данным В. Сливовской, в Апшеронском пехотном полку должен был служить и Ф. Савич. Поскольку полк был расквартирован в Кизляре, Ф. Савича, Я. Захорского и К. Рапчиньского из Ставрополя отправили не в Тифлис, а в Кизляр³⁴². Вскоре Ф. Савич бежал и поселился в окрестностях Бердичева под вымышленным именем, там же и умер от холеры в 1846 г.³⁴³

Я. Захорскому в 1844 г. с согласия Николая I были возвращены гражданские права и право выслуги³⁴⁴. По данным Я. Рейхмана, Я. Захорский в 1842 г. попал в плен к горцам Шамиля, откуда позднее бежал. Свои приключения Я. Захорский описал по-русски в рассказе «Восемь месяцев плена у кавказских горцев»³⁴⁵.

К. Рапчиньский служил в 7-м линейном батальоне, впрочем, весьма недолго. В 1841 г. в связи с судебным разбирательством по делу М. Ловицкого был вызван в Вильно. В декабре того же года К. Рапчиньского выслали в Оренбургский корпус³⁴⁶.

Неудачным для сосланных на Кавказ членов организации Ф. Савича выдался 1840 г.: на севере Дагестана в стычке с горцами погиб С. Милковский³⁴⁷, а В. Бахриновскому чудом удалось уцелеть в разгромленном горцами форте Вельяминовском (ныне Туапсе). Девять лет спустя В. Бахриновский стал унтер-офицером и основал в Сухум-Кале (ныне Сухум) ботанический сад, став его первым руководителем³⁴⁸.

---

³⁴⁰ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 46, 51; *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 202.

³⁴¹ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 973. Л. 46, 51.

³⁴² *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 539.

³⁴³ Ibid.

³⁴⁴ Ibid. S. 695.

³⁴⁵ *Reychman J.* Podróżnicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 195.

³⁴⁶ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 498.

³⁴⁷ Ibid. S. 389.

³⁴⁸ Ibid. S. 44.

В 1843 г. чин прапорщиков получили К. Стаховский, служивший в 14-м Грузинском линейном батальоне, Ф. Роговский, служивший в 6-м Кавказском линейном батальоне, и Ф. Вояковский, служивший в 1-м Черноморском линейном батальоне, а А. Карпович стал унтер-офицером³⁴⁹.

М. Малевский в начале службы был рядовым Апшеронского пехотного полка. В битве под Ахульго 1839 г. Он был тяжело ранен в ногу и голову. С 1842 г. занимал должность военного врача, а в 1844 г., подобно Я. Захорскому, получил право вернуться в Вильно. Принимал участие в Январском восстании 1863 г., был арестован и покончил с собой в каземате в 1870 г.³⁵⁰

Более удачно сложились судьбы Л. Гродецкого и Ф. Вояковского.

Л. Гродецкий в 1847 г. получил чин прапорщика, а вместе с ним – право выехать в Харьков, где 18 декабря 1848 г. успешно сдал выпускные экзамены в местном университете и получил звание врача. С 1849 г. Л. Гродецкий служил на Кавказе в качестве военного врача. За службу имел благодарности, а в 1853 г. получил чин титулярного советника. Последние два года своей карьеры Л. Гродецкий исполнял обязанности старшего врача 2-й запасной бригады Кавказского корпуса. В 1857 г., с согласия кавказского наместника и в связи с плохим состоянием здоровья, получил право выйти в отставку с сохранением чина и жалования³⁵¹.

Ф. Вояковский сделал успешную военную карьеру. После чина прапорщика, он стал подпоручиком (1845 г.), поручиком (1850 г.), затем – капитаном (1853 г.). Имел ордена, в том числе Св. Георгия 4-й степени. В 1858 г. получил высочайшее позволение выйти в отставку и вернуться на родину³⁵².

Следует подчеркнуть, что к организации «Объединение польского народа» принадлежал и неоднократно нами упоминавшийся К. Калиновский. В этой же организации состоял и Ян

³⁴⁹ Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 262, 505, 567, 677.

³⁵⁰ Ibid. S. 363.

³⁵¹ Ibid. S. 191–192.

³⁵² Ibid. S. 677.

Ковалевский (род. ок. 1812 г.). Он был родом из Кобринского уезда Гродненской губернии, учился в Киевском университете. В 1839 г. был сослан «в солдаты» на Кавказ.

Я. Ковалевский выехал с правами вольноопределяющегося, но с обязанностью оставаться на службе в Закавказье в течение 10 лет. Он служил в 11-м Черноморском линейном батальоне.

В сентябре 1843 г. Я. Ковалевский получил чин унтер-офицера, в 1855 г. он уже был штабс-капитаном, а в 1858 г. получил право выйти в отставку и вернуться на родину³⁵³.

Биографии многих польских ссыльных на Кавказе ещё недостаточно изучены. Среди них можно упомянуть Яна Заленского (1807–1877), служившего преимущественно в Закавказье, но бывавшего и в станице Внезапной, на границе Чечни и Дагестана³⁵⁴. Любопытна судьба и Петра Ковальского. О том, что он был ссыльным, свидетельствует тот факт, что, будучи инспектором общественных парков (садовым мастером) на Кавказских Минеральных Водах, П. Ковальский одновременно являлся рядовым Отдельного Кавказского корпуса. Начало садоводческой карьере П. Ковальского положило обращение строительной комиссии Кавказских Минеральных Вод к командующему Кавказской линии и в Черномории П.Х. Граббе, направленное 8 сентября 1839 г. В ответ на это обращение в распоряжение администрации Кавказских Минеральных Вод и был направлен пятидесятилетний рядовой П. Ковальский. О себе он сообщил, что происходил из дворян Сейненского уезда Сувалкской губернии. Дома он оставил жену с тремя детьми. В российской армии служил с 1830 г.³⁵⁵ Скорее всего, он был взят в плен в самом начале Ноябрьского восстания 1830 г. Иначе как объяснить тот факт, что, имея большую семью, он добровольно вступил в армию рядовым.

П. Ковальский упоминается в отчёте об инциденте, имевшем место в Пятигорске 20 либо 21 июля 1842 г. Врач Моздокского округа, фигурирующий в документах под инициалом А. (скорее всего, это был поляк Владимир Атаназевич), утверждал,

³⁵³ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 293.

³⁵⁴ *Reychman J.* Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie... S. 198–199.

³⁵⁵ *Верховец А.Д.* Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных Вод... С. 34, 39.

что П. Ковальский, будучи в нетрезвом состоянии, напал на него, когда А. гулял в парке в обществе неназванной в документах жены некоего майора и её дочери. Капитан Бочкарёв, принимая от А. жалобу, информировал его об отрицательном мнении, которое сложилось у городских властей о П. Ковальском и его приятеле по фамилии Журка. Последний также принимал участие в инциденте³⁵⁶. Приказом тогдашнего управляющего Кавказскими Минеральными Водами П. Ковальский был посажен под арест на трое суток на хлеб и воду³⁵⁷. Дальнейшая судьба П. Ковальского неизвестна.

В 1842 г. на Северный Кавказ попали ещё двое ссыльных из Вильно. Один из них, Францишек Побоевский, перед отправкой был рядовым Костромского егерского полка. Второй, Альбин Гасман (Хасман), был юнкером Симбирского егерского полка. По высочайшему повелению оба были переведены в Отдельный Кавказский корпус³⁵⁸. В марте 1842 г. оба выехали из Вильно через Чернигов и Екатеринослав до Ставрополя. По просьбе черниговского гражданского губернатора из средств Кавказской области на переезд ссыльных, а также на покупку для них тулупов было выдано 68 р 68 к. серебром³⁵⁹. К сожалению, архивные материалы не содержат каких-либо данных о личностях этих ссыльных и об их дальнейшей судьбе.

Некоторые польские ссыльные направлялись на Северный Кавказ индивидуально, а вслед за ними ехали и их семьи. Например, 9 февраля 1844 г. гражданскому губернатору Кавказской области поляку Марцелину Матвеевичу Ольшевскому был представлен рапорт начальника этапной команды в станице Медвежинской поручика Томашевского, что в его команду прибыл направляющийся в Куринский егерский полк Августин Красиньский. Он просил оставить его на службе в гарнизоне крепости Грозная (ныне Грозный) и ожидал в Ставрополе решения своей дальнейшей судьбы. Вместе с А. Красиньским ехали

³⁵⁶ *Верховец А.Д.* Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных Вод... Приложение 1. С. XXIV–XXV.

³⁵⁷ Там же. С. 39.

³⁵⁸ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1990. Л. 1.

³⁵⁹ Там же. Л. 11, 13.

его жена Екатерина и восьмилетний сын Константин³⁶⁰. Об их дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

Некоторые данные о польских ссыльных на Северном Кавказе в 1840-е гг. весьма фрагментарны. Например, русский офицер В.А. Гейман, служивший в тот период на Кавказе, а позднее проживавший в Грозном, в своих мемуарах писал о некоем Шиманьском, которого он встретил в 1845 г. в составе группы польских ссыльных в г. Терки (ныне в Дагестане). В.А. Гейман утверждает, что знал Шиманьского ранее. Тот был сыном известного варшавского актёра, имел прекрасное образование, красиво говорил по-русски, правда, с лёгким польским акцентом. О причине своей ссылки на Кавказ Шиманьский сообщил В.А. Гейману, что «напроказил» и должен был поступить рядовым в Кабардинский пехотный полк. Во время путешествия до Темир-Хан-Шуры В.А. Гейман и Шиманьский подружились. Дорога не была лёгкой – всё время приходилось идти пешком. Шиманьский погиб во время Крымской войны 1853–1856 гг., будучи уже адъютантом командира Горийского пехотного полка³⁶¹.

В работе В. Сливовской упоминается ещё один кавказский ссыльный по фамилии Шиманьский. Анджей Шиманьский родился ок. 1820 г. в д. Холешов Радинского уезда Седлецкой губернии. Происходил из семьи униатского священника, настоятеля прихода Добротыче. В 1839 г. окончил гимназию в Лукове, затем служил в униатской семинарии в Хелме. Его арестовали 18 (30) марта 1841 г. и выслали на Кавказ. А. Шиманьский служил в Апшеронском пехотном полку, в 1844 г. уже имел чин унтер-офицера, а в 1850 г. – поручика. В 1858 г. получил право уйти в отставку и вернуться на родину³⁶². Об этом ссыльном также упоминал в своих мемуарах М. Гралевский³⁶³.

В начале 1830-х гг. в Отдельном Кавказском корпусе начинали службу поляки, которые позднее, уже в 1850-е гг., служили в полиции г. Ставрополя. По списку от 21 октября 1851 г. это были:

³⁶⁰ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2981. Л. 57.

³⁶¹ ОР РНБ. Василий Александрович Гейман. Воспоминания 1845 г., написанные 31 августа 1876 г. в Грозном. Л. 5.

³⁶² *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim... S. 606–607.

³⁶³ *Gralewski M.* Op. cit. S. 549.

1. Якуб Савельга, на службе с 30 мая 1831 г. С 4 ноября того же года был включён в состав одного из кавказских линейных батальонов. Был родом из д. Ксёндж Опочинского уезда Радомской губернии;

2. Игнаций Залевский, на службе с 5 мая 1832 г. С 6 марта 1833 г. был включён в состав 1-го Кавказского линейного батальона. Был родом из г. Макув Ломжинской губернии;

3. Станислав Орловский, на службе с 5 июня 1832 г. Со 2 мая 1833 г. был включён в состав 1-го Кавказского линейного батальона. Происходил из мещанской семьи Красноставского уезда Люблинской губернии;

4. Август Ежка, на службе с 17 июля 1832 г. С 13 июля 1833 г. был включён в состав одного из кавказских линейных батальонов. Был родом из Варшавы;

5. Валентин Коза, на службе с 1 мая 1832 г. Был родом из д. Клочев Гарволинского уезда Седлецкой губернии;

6. Миколай Ковальский, сын Яна, на службе с 5 мая 1832 г. Был родом из Сероцка Пултуского уезда Варшавской губернии;

7. Францишек Зайковский, сын Петра, на службе с 5 мая 1832 г., как и М. Ковальский. Был родом из г. Савоньки Ошмянского уезда Виленской губернии;

8. Войцех Казакевич, сын Марцина, на службе с 5 мая 1832 г., как и двое предыдущих. Был крестьянином из д. Юрске (Венгрия);

9. Юстин Адамович, происходил из Мариамполя Сувалкской губернии;

10. Ян Петровский, на службе с 30 августа 1832 г. Был свободным хлебопашцем из д. Ежова Люблинецкого уезда.

11. Ян Кошмарчук, на службе со 2 мая 1833 г., был безземельным дворянином из д. Майдан Старовецкий Красноставского уезда Люблинской губернии;

12. Антоний Кшицкий (или Кшецкий), на службе с 26 августа 1833 г. Был родом из г. Перце Островского уезда Ломжинской губернии;

13. Кшиштоф Словяньский, сын Якуба, на службе с 4 января 1834 г. Происходил из г. Островите около Гданьска³⁶⁴.

³⁶⁴ ГАСК. Ф. Ф-68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 4–5об.

Дата «вступления на службу» говорит о том, что все они были, скорее всего, взяты в плен во время Польского восстания 1830–1831 гг., либо в период принудительного рекрутского набора, следовавшего непосредственно за восстанием.

23 января 1852 г. полицейское управление Ставрополя обратилось к правлению Ставропольской губернии с просьбой об увольнении со службы всех вышеперечисленных рядовых этого управления. В обращении были ссылки на соответствующий приказ командующего Отдельным Кавказским корпусом от 11 августа 1851 г. за № 130, а также на царский указ от 21 ноября 1850 г. за № 189. Согласно этому указу, все лица, служившие в Отдельном Кавказском корпусе, могли уйти со службы, если служили беспорочно в течение не менее 15 лет³⁶⁵. В дополнительном рапорте полицейское управление особо отметило Ф. Зайковского (в документе ошибочно назван Станиславом), А. Кшицкого и С. Орловского. Подчёркивалось, что они безупречно служили в управлении более восьми лет (ранее все служили солдатами в Отдельном Кавказском корпусе). В рапорте предлагалось при уходе в отставку присвоить им чин унтер-офицеров³⁶⁶.

В ответе от 22 апреля 1852 г. Военное министерство не согласилось на их отставку – лишь предлагалось предоставить некоторым из них бессрочный отпуск³⁶⁷. Право на такого рода отпуск получили: Ю. Адамович, А. Ежка, Ф. Зайковский, И. Залевский, В. Казакевич, В. Коза, Я. Кошмарчук и К. Словянский. Те же, кто за время службы получали какие-либо взыскания, не имели права на такой отпуск. В таком случае уйти в отставку можно было только после 25 лет службы с добавлением двух лет за каждое взыскание³⁶⁸. Однако, в конечном итоге, губернское правление отказало указанным лицам даже в предоставлении отпуска, ссылаясь на царский указ от 20 декабря 1834 г., противоречивший упомянутому указу от 21 ноября 1850 г., и позволявший ссыльным уходить в отставку лишь в исключительных обстоятельствах. Приготовленные

³⁶⁵ ГАСК. Ф. Ф-68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 1.

³⁶⁶ Там же. Л. 9.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Там же. Л. 13об.

для этих ссыльных поляков так называемые билеты до сих пор лежат в ГАСК³⁶⁹.

Если говорить о тех самых «исключительных случаях», когда польские ссыльные, как дворяне, так и простые люди, получали право уйти в отставку, то чаще всего они наступали для лиц, ставших полными инвалидами, которых просто не имело смысла держать в действующей армии. Но даже и в этом случае власти могли создавать препоны для отъезда.

15 декабря 1843 г. на имя исполняющего обязанности гражданского губернатора Кавказской области Масловского был представлен список солдат-кандидатов на увольнение, составленный врачебным управлением области. Среди кандидатов был Антоний Влатыньский, крестьянин из Царства Польского, на тот момент практически полностью ослепший. Неизвестно, получил ли он и его товарищи право вернуться на родину³⁷⁰.

В другом списке, составленном тем же управлением и по тому же вопросу 11 января 1844 г. уже на имя гражданского губернатора области М.М. Ольшевского, фигурирует Бенедикт Невх из Вильно. Хотя его левая нога была ампутирована ниже колена, он не получил разрешения уйти в отставку³⁷¹. Такой же ответ на свою просьбу об отставке получил товарищ Б. Невха по несчастью, также желавший выехать в Вильно, Станислав Новиковский, у которого левая нога была полностью парализована³⁷².

Право вернуться домой получил, зато, Якуб Баньковский из д. Подроше Свенцянского уезда Виленской губернии. Причём список не содержит какой-либо информации о состоянии его здоровья³⁷³.

Из списка врачебного управления от 14 февраля 1844 г. получил право вернуться домой Гжегож Шазда. Его проблемы со здоровьем заключались в плохой работе желудочно-кишечного тракта. Он должен был вернуться в д. Микуцка (?) Грубешовского уезда Люблинской губернии³⁷⁴.

³⁶⁹ ГАСК. Ф. Ф-68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 25–40.

³⁷⁰ Там же. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2981. Л. 5.

³⁷¹ Там же. Л. 33.

³⁷² Там же. Л. 34.

³⁷³ Там же. Л. 218.

³⁷⁴ Там же. Л. 62.

Ещё один кандидат из этого списка, Марцин Чинаш, из-за паралича ноги получил право вернуться домой, в д. Вречицы (?) Проскуровского уезда Подольской губернии³⁷⁵.

Не все служившие в армии польские ссыльные, даже будучи признанными инвалидами, получали право вернуться на родину. Некоторых их них направляли в инвалидные команды, расквартированные в городах Северного Кавказа. Так, страдавший лёгочным заболеванием Антоний Возняк 15 февраля 1844 г. был направлен в инвалидную команду г. Пятигорска³⁷⁶. Туда же направлен Пётр Берецкий (более детальная информация отсутствует)³⁷⁷. Другой солдат этой же команды, Феликс Загульчик, ранее служивший в 11-м и 14-м Черноморских линейных батальонах, имел парализованную левую ногу³⁷⁸.

15 февраля 1844 г. в 97-ю инвалидную роту, расквартированную в Екатеринодаре при военном госпитале, были направлены Матеуш Бронборкевич и Викентий Шидловский. Оба страдали лёгочными заболеваниями³⁷⁹. Вместе с ними был отправлен и Ян Глинский, имевший боли в ногах³⁸⁰. 24 октября того же года и в ту же роту направлен Анджей Згодзинский с парализованной правой рукой³⁸¹.

Польских ссыльных, ставших за время службы на Северном Кавказе инвалидами, иногда направляли в инвалидные команды других регионов империи. В 1844 г. в Тифлис был направлен Матеуш Ян, имевший повреждённое бедро, а ослепший Савва Яскевич в том же году выехал в Минск³⁸².

Конечно, можно предположить, что часть польских ссыльных, особенно выходцев из бедных крестьянских семей, принимала решение добровольно остаться в инвалидных командах на Кавказе, поскольку возвращаться им после длительной службы и отрыва от родных было некуда. Нельзя исключить, что некоторая часть

³⁷⁵ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2981. Л. 62.

³⁷⁶ Там же. Л. 62об.

³⁷⁷ Там же. Д. 2610. Л. 178.

³⁷⁸ Там же. Л. 268–269.

³⁷⁹ Там же. Д. 2981. Л. 80.

³⁸⁰ Там же. Л. 309.

³⁸¹ Там же. Л. 379.

³⁸² Там же. Д. 2610. Л. 178.

ссылных, имея целью возвращение домой, попросту подкупала коррумпированных чиновников от медицины, а те, в свою очередь, отказывали в возвращении домой тем, кто действительно в нём нуждался.

О факторах, приводивших к утрате здоровья ссылными, писал, в частности, В. Цабан. Вслед за мемуаристом С. Пилятом, В. Цабан обращает внимание на то, что очень часто питание для простых солдат в течение дня было лишь двухразовым. Обычный их рацион составляли чёрный хлеб, каша, капуста, картофель либо свёкла. К этому добавлялся жир, в лучшем случае свиное сало. Иногда доставлялась водка далеко не лучшего качества. По мнению В. Цабана, низкое качество питания было вызвано систематическим воровством командования³⁸³. Кроме того, солдаты царской армии, жившие зачастую в землянках, где не было в достатке ни света, ни свежего воздуха, должны были сами чинить свою обувь, одежду, обмундирование и даже оружие³⁸⁴. К этому следует добавить тяжёлые климатические условия, прежде всего весьма типичную для Кавказа летнюю жару.

Некоторым польским ссылным удавалось сделать на Кавказе успешную карьеру. Примером может служить карьера унтер-офицера арестантской роты в Ставрополе Юзефа Межиньского. Он родился в 1796 г. По его рассказам происходил из дворян Варшавской губернии, но соответствующих документов российским властям не представил. В 1812 г. поступил на службу в 8-й пехотный полк Великого герцогства Варшавского как вольноопределяющийся в чине унтер-офицера³⁸⁵. Недалеко от Можайска, в окрестностях Москвы, Ю. Межиньский был ранен в правую ногу и взят русскими войсками в плен. В качестве пленного Ю. Межиньский содержался до 2 (14) апреля 1814 г.³⁸⁶ Ещё находясь в плену, в 1813 г., поступил на службу в русскую армию в 1-й линейный пехотный полк³⁸⁷. В 1817 г. подал в отставку. Участвовал в Польском восстании 1830–1831 гг.

³⁸³ *Caban W.* Służba wojskowa Polaków na Kaukazie... S. 733.

³⁸⁴ Ibid.

³⁸⁵ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2022. Л. 2об.

³⁸⁶ Там же. Л. 5.

³⁸⁷ Там же. Л. 2об.

В 1831 г. вновь оказался в русском плену и был направлен на службу в 1-й Кавказский линейный батальон, затем – в 8-й линейный батальон, наконец оказался на службе в Ставропольской арестантской роте³⁸⁸. В 1842 г. за многолетнюю беспорочную службу в этой роте получил чин прапорщика. В представлении даётся ссылка на царский указ от 25 марта 1842 г., согласно которому служба в войсках Великого герцогства Варшавского до 1815 г. могла быть зачтена нижним чинам в стаж также, как служба в российской армии³⁸⁹. Был в силе и царский указ от 9 января 1840 г., согласно которому поляки, принудительно включённые в состав российской армии после восстания 1830–1831 гг., могли после 12 лет беспорочной службы получать офицерские чины. Добровольно отказавшиеся от продвижения по службе могли получать до 2/3 жалования прапорщика или корнета. Один из пунктов указа содержал распоряжение довести его до сведения всех польских унтер-офицеров находящихся на царской службе³⁹⁰.

Ю. Межиньскому присвоение чина было утверждено в 1844 г. При этом отмечалось его хорошее знание как русского, так и польского языков³⁹¹.

В этой же арестантской роте служил и успешно делал карьеру офицера другой польский ссыльный, Викентий Собеский. Он был родом из г. Новый Цехановец Тыкоцинского уезда Августовской губернии. В 1843 г. В. Собескому было 37 лет. Он владел русским и польским языками. В русский плен В. Собеский попал в самом начале 1832 г. и 5 мая того же года был включён в состав 1-го Кавказского линейного батальона. В Ставропольской арестантской роте он начал службу 22 февраля 1840 г. уже в чине унтер-офицера. Судя по данной ему характеристике начальства, В. Собеский должен был получить обер-офицерский чин в ближайшие годы – в 1843 г. у него ещё не было для этого достаточной выслуги лет³⁹².

³⁸⁸ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2022. Л. 2об.

³⁸⁹ Там же. Л. 13.

³⁹⁰ Там же. Л. 14.

³⁹¹ Там же. Л. 13.

³⁹² Там же. Д. 2562. Л. 9об.

Были в рядах ставропольской арестантской роты и поляки, чья судьба складывалась поистине трагически. Казимеж Янковский происходил из крепостных крестьян графов Потоцких, имение которых находилось на территории Австрии. Скорее всего, К. Янковский был взят в плен при подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. Впоследствии он служил в Апшеронском пехотном полку, где в начале 1840-х гг. его обвинили в растрате казённых денег и потере сумки с боеприпасами. За это К. Янковский был подвергнут наказанию шпицрутенами, три раза по 500 чел. и 12 июня 1843 г. направлен в ставропольскую арестантскую роту. Дальнейшая его судьба неизвестна³⁹³.

Польские ссыльные часто отличались в битвах с горцами, храбро сражаясь в рядах российских войск.

22 августа 1842 г. горцы (в архивных документах – хищники) во главе с князем Шамбатом Маршания атаковали российских солдат недалеко от укрепления Марамбинское. При отражении нападения отличился рядовой Софроний Радзиевский, удостоенный за этот бой Знака отличия военного ордена Св. Георгия. Об этом командование Отдельного Кавказского корпуса уведомил начальник штаба корпуса генерал-майор П.Е. Коцебу³⁹⁴.

Начиная с 1850-х гг. сокращается количество сообщений о польских ссыльных на Северном Кавказе. Главной причиной представляется приближавшееся завершение Кавказской войны и уменьшение, в связи с этим, потребности в рекрутах.

В начале 1850-х гг. на Кавказе в рядах российской армии находился ссыльный Хенрик Яблоньский (1828–1869). Результатом его пребывания явилась написанная им поэма «Джени». Во время Крымской войны Х. Яблоньский бежал к союзникам. В 1861 г. стал французским консулом на Занзибаре³⁹⁵.

В 1858 г. на Северный Кавказ был выслан Викентий Рихтер, сын Кордиана Августина Яцка. Он родился 5 (17) декабря 1834 г. в дворянской семье Варшавской губернии. За участие в Крымской войне 1853–1856 гг. получил ряд боевых наград. Трудно говорить о причине его ссылки. Скорее всего, он состоял в какой-либо

³⁹³ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2980. Л. 30.

³⁹⁴ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 369. Л. 22.

³⁹⁵ *Reychman J. Podróznicy polscy na Bliskim Wschodzie...* S. 218.

конспиративной организации, но это только предположение. На Кавказе В. Рихтер быстро делает карьеру: в конце 1870-х гг. он стал уже майором, имел несколько боевых наград, в том числе за заключительный этап Кавказской войны и за подавление восстания горцев в Терской области в 1877 г.³⁹⁶ В 1859 г. за взятие Ведено в Чечне В. Рихтер получил Аннинское оружие с надписью: «За храбрость», за подавление восстания 1877 г. – орден Св. Станислава 2-й степени и ряд других наград. В 1877 г. он служил полицейским в 1-м Аргунском округе³⁹⁷. В то время В. Рихтер уже имел многочисленное семейство, все члены которого были католиками: жену Марию, дочь майора российской армии, по всей вероятности тоже поляка, Стшижевского, сыновей Константина, Михала, Петра и Юзефа, а также дочерей Софию и Марию. Имения у семьи не было³⁹⁸.

Студент Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, принадлежавший к студенческой тайной организации, Биберштейн-Левицкий был сослан на Кавказ в 1857 или 1858 г. Характерно, что со времён Крымской войны практически во всех высших учебных заведениях империи возникали конспиративные организации студентов-поляков³⁹⁹. Такого рода организации среди поляков появлялись и в офицерской среде, даже в Академии Генерального штаба. Позднее их деятельность охватила военные училища, а также Санкт-Петербургский университет⁴⁰⁰.

После разгрома студенческой организации Биберштейн-Левицкому и другим её членам было запрещено проживание в западных губерниях империи. В таких условиях Биберштейн-Левицкий выехал в Ставрополь, где стал жить в доме своего отца, занимавшего тогда пост члена комиссии по строительству дорог канцелярии губернатора⁴⁰¹. О семье Биберштейн-Левицких

³⁹⁶ В самом начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Чечне, административно входившей в состав Терской области, вновь вспыхнуло восстание против российского владычества.

³⁹⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 53. Д. 22. Л. 1–6.

³⁹⁸ Там же. Л. 60б.

³⁹⁹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 231.

⁴⁰⁰ *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. Wrocław, 1984. S. 260. Рус. пер.: *Базылёв Л.* Поляки в Петербурге. СПб., 2003.

⁴⁰¹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4558.

в ГАСК сохранились данные более раннего времени. Известно, что в 1845 г. главе семьи, титулярному советнику Адаму Биберштейн-Левицкому было 44 года. Он был женат на Гонорате, дочери чиновника Станислава Войцицкого (Вуйцицкого), которая родила ему четырёх сыновей. Старшим, Миколаю и Стефану, в 1845 г. было 3 года, Исидору – 2, а младшему, Адаму – четыре месяца⁴⁰². Отсюда можно предположить, что ссыльным стал кто-то из двух старших сыновей. Возможно, ссыльный не принадлежал к числу наиболее активных участников организации, благодаря чему и получил достаточно мягкий приговор, оказавшись сосланным в места проживания семьи.

Начало 1860-х гг. принесло новое Польское восстание. В этот период в Ставропольскую губернию приходили циркуляры о том, как следовало содержать польских ссыльных⁴⁰³. Однако никакой информации о прибытии таковых на Северный Кавказ в архивах найти не удалось.

Известен лишь случай пребывания на лечении в Пятигорске в 1867 г. ссыльного дворянина Адама Понятовского, вероятного участника Январского восстания, который всё время пребывания находился под надзором властей. Его долгое путешествие из Красноуфимска Пермской губернии до Пятигорска настолько беспокоило губернаторов в Перми и Ставрополе, что между ними постоянно шёл обмен информацией о поездке А. Понятовского. Местным властям в Пятигорске предписывалось организовать за ним постоянный полицейский надзор⁴⁰⁴. Судя по фамилии, тогдашний городничий в Пятигорске титулярный советник Самборский также мог быть поляком⁴⁰⁵. Известно, что осенью 1867 г. А. Понятовский получил разрешение поселиться в Кизляре и прибыл туда в начале ноября⁴⁰⁶.

В начале 1870-х гг. в Ставрополе находился ещё один польский ссыльный, ксёндз Зыгмунт Гжибовский (род. ок. 1830 г.). Очевидно, что он не был участником Январского восстания

⁴⁰² ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3259. Л. 12.

⁴⁰³ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4850. Л. 1; Д. 4847. Л. 1–2.

⁴⁰⁴ Там же. Оп. 3. Д. 108. Л. 1.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 9.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 13.

1863 г., так как был выслан ещё в 1861 г., в Вятскую губернию.

З. Гжибовский происходил из г. Грабово Велюньского уезда Калишской губернии. С 1858 г. и до ареста 4 декабря 1861 г. был ксёндзом в г. Бяла Люблинской губернии. В 1868 г. приказом министра внутренних дел был сослан в Тамбовскую губернию⁴⁰⁷. Там его освободили от полицейского надзора царским указом от 13 мая 1871 г., а это лишило З. Гжибовского денежного пособия для ссыльных – 6 р серебром в месяц. В таких условиях надо было искать место службы. Имея запрет селиться в столицах, а также в Царстве Польском, З. Гжибовский начал поиск в других регионах империи. В конечном итоге, в октябре 1872 г. священник прибыл в Ставрополь, где в местном римско-католическом приходе имелось вакантное место викарного священника⁴⁰⁸. В Ставрополе З. Гжибовский поселился в доме священника Скачковского⁴⁰⁹. В начале декабря 1872 г. З. Гжибовский выехал в с. Рождественское, недалеко от станицы Невинномысской (ныне г. Невинномысск) в надежде получить там место настоятеля прихода⁴¹⁰. Дальнейшая судьба отца З. Гжибовского нам не известна.

Во Владикавказе в начале 1870-х гг. можно обнаружить следы двух польских ссыльных – участников восстания 1863–1864 гг. Здесь в военном госпитале служили фельдфебель Ян Войцеховский и надзирающий за больными Феликс Свидерский. Я. Войцеховский попал в армию 23 мая 1863 г., а Ф. Свидерский – 20 октября того же года⁴¹¹.

На рубеже 1880–1890-х гг. на Северный Кавказ высылали участников социалистических организаций. По высочайшему повелению от 17 июля 1885 г., как участник конспиративной организации «Пролетариат», на Кавказ был выслан Юзеф Вицкий (род. ок. 1845 г.)⁴¹². Эта организация активно действовала

⁴⁰⁷ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 56. Л. 2, 5.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 6.

⁴¹⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹¹ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 65. Д. 953. Л. 4.

⁴¹² Там же. Ф. 12. Оп. 8. Д. 160. Л. 1.

на территории Царства Польского в 1883 г.⁴¹³ Ю. Вицкий уверял, что был родом из Калишской губернии, католик. В Варшаве, откуда он был выслан, осталась его семья: жена Мария, падчерица Хелена и дочери Юзефа и Анна (17 лет), а также Ванда (12 лет)⁴¹⁴. Именно во Владикавказ Ю. Вицкого выслали в соответствии с его пожеланием. Здесь он должен был провести под надзором полиции 2 года. Во Владикавказ он прибыл 15 ноября 1885 г. Надзор же за ним, в соответствии с высочайшим повелением, осуществлялся уже с 17 июля того же года. По профессии Ю. Вицкий был портным и рассчитывал, что его специальность будет приносить доход и во Владикавказе, тем более, что никаких казённых средств на жизнь Ю. Вицкий не получал. Однако с заработками во Владикавказе ему не повезло, в связи с чем он всё время просил местные власти позволить ему перебраться в Ростов-на-Дону⁴¹⁵. По окончании срока ссылки Ю. Вицкого продолжали задерживать во Владикавказе. В октябре 1888 г. он обратился к полицмейстеру Владикавказа с просьбой разрешить ему вернуться в Варшаву, ссылаясь на тяжёлое материальное положение как своё, так и своей семьи. Но Ю. Вицкому было вновь отказано⁴¹⁶. К сожалению, ничего не удалось выяснить о его дальнейшей судьбе.

На рубеже XIX–XX вв. количество ссыльных на Северном Кавказе, в том числе и поляков, заметно сокращается. Возможно, это связано и с тем, что местные власти стали часто просить вышестоящее начальство присылать в их регион как можно меньше ссыльных, а по возможности вообще отказаться от их присылки⁴¹⁷.

Тем не менее, и в этот период на Северном Кавказе можно обнаружить следы пребывания польских ссыльных. 9 января 1895 г. во Владикавказ на один год был выслан Юзеф Францевич Слешинский. Высочайшее повеление по его делу было вынесено 16 ноября 1894 г. Ю.Ф. Слешинский участвовал

⁴¹³ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 342–343.

⁴¹⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 8. Д. 160. Л. 4.

⁴¹⁵ Там же. Л. 5, 9, 10.

⁴¹⁶ Там же. Л. 17–19.

⁴¹⁷ См.: ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 158. Л. 46.

в революционных кружках, организованных математиком Яном Таньским.

Ю.Ф. Слешиньский имел право выбрать себе место ссылки. Его пребывание под следствием было зачтено как часть ссылки под надзором полиции. 22 января 1895 г. полицмейстер Варшавы уведомил начальника Терской области о выезде Ю.Ф. Слешиньского⁴¹⁸. Скорее всего новый ссыльный не доставлял властям особых хлопот. Именно этим можно объяснить полное отсутствие каких-либо документов о его дальнейшей судьбе.

В работе польского историка Зыгмунта Лукавского сообщается, что в 1891–1893 гг. из Царства Польского были высланы портной Мечислав Бучковский и рабочий Томаш Шимчак. Скорее всего, оба были высланы именно на Северный Кавказ⁴¹⁹. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на территории Терской области находилось 7 поляков, имевших статус осуждённых и лишённых свободы. Женщин среди них не было⁴²⁰. Вышеупомянутый Ю.Ф. Слешиньский, скорее всего, был включён в их число.

Подводя итоги изучения судьбы польских ссыльных на Северном Кавказе, можно сказать, что вопреки, зачастую, весьма тяжёлым условиям ссылки, многие из них внесли свой вклад не только в дело покорения этого края, но и в его культурное развитие. Об этом свидетельствуют судьбы таких ссыльных мемуаристов, как В.-Г. Гедройц, М. Гралевский, В. Давид, К. Калиновский, С. Пилят, И. Яворский и др. В своих мемуарах они описали Северный Кавказ, его природу, города и сёла, быт и обычаи народов – как русских и казаков, так и горцев, и, прежде всего, чеченцев и жителей Дагестана. Эти мемуаристы описывали также пребывание на Северном Кавказе своих соотечественников, их взаимоотношения, как с российскими властями, так и с горцами. Особого внимания заслуживает описание Кавказской войны.

⁴¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 8. Д. 297. Л. 1.

⁴¹⁹ *Lukawski Z. Polacy w rosyjskim ruchu rewolucyjnym. 1894–1907. Warszawa, 1984. S. 54–55.*

⁴²⁰ ЦГА РСО-А. Сведения Терской области по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Владикавказ, 1903. С. 130.

Принимая во внимание, прежде всего, данные В. Цабана о числе польских ссыльных на Кавказе, можно допустить, что в 1830–1840-е гг. сюда ежегодно прибывало их несколько сотен.

Во второй половине XIX в., по окончании Кавказской войны, число польских ссыльных на Северном Кавказе резко сократилось, а в начале XX в. их присутствие в регионе уже фрагментарно.

О.А. ЛЕУСЯН
г. Краснодар

ПОЛЯКИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Февральская революция 1917 г., превратив Российскую империю – «тюрьму народов» – в «самую свободную страну мира», вызвала всплеск национального самосознания у представителей практически всех народов многонациональной страны. На всей её территории создавались разнообразные национальные организации. Представители польского народа, имевшие вековые традиции борьбы за свои национальные права, сразу же активно включились в эти процессы.

По инициативе руководителей образованного в 1915 г. Екатеринодарского отделения Польского общества помощи (вспомоществования) жертвам войны 26 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялось собрание проживающих в городе поляков. Председательствовал на собрании Я. Червинский – один из директоров фабрики «Кубаноль». Митинг избрал своих представителей – Н. Витковского и его заместителя А. Зубревича – в Екатеринодарский гражданский комитет, игравший в тот момент роль главного властного органа Кубанской области. Тогда же членом этого гражданского комитета от исполкома Екатеринодарского Совета рабочих и воинских депутатов была избрана А.В. Пиотровская¹.

¹ ГАКК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 22. Л. 16, 148; *Селицкий А.И.* Деятельность Польского общества помощи жертвам войны на Северном Кавказе в годы Первой мировой войны // *Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность)*. 1906–2006 гг.: Матер. краевой научн.-практич. конф. / Отв. ред. В.Е. Щетнёв. Краснодар, 2006. С. 230.

Уже с марта 1917 г. на всём Северо-Западном Кавказе широко разворачивается деятельность различных польских организаций – «Объединение социалистическое польское», Союз военных поляков Екатеринодарского гарнизона, продолжали действовать отделения Польского общества помощи жертвам войны на Северном Кавказе и т.д. В Екатеринодаре активно работал клуб «Огниско Польское» (ул. Новая, 75), который проводил различные культурно-просветительские мероприятия, объединявшие всех поляков города.

30 мая 1917 г. газета «Листок войны» поместила объявление о предстоящем чтении в помещении польской приходской школы при костёле лекций «известного польского публициста и лектора И.М. Якса-Хамец». Темы его лекций соответствовали политическому моменту: «Из настроения нынешних времён», «О любви к Отечеству», «Генрик Сенкевич и его произведения», «Памяти великого вождя-демократа Тадеуша Костюшко». В объявлении указывалось, что лектор уже читал свои лекции в 163 городах России².

Особенно активно действовали польские социалисты. На выборах в Екатеринодарскую городскую думу в августе 1917 г. они выдвинули свой список «Объединения социалистического польского» (№ 5 – «Польский союз»). Список получил всего 224 голоса из 32 726 голосов избирателей, принявших участие в выборах, поэтому кандидат от поляков в думу не прошёл.

Более успешными оказались действия польских политиков в Новороссийске, здесь в городскую думу был избран один поляк. Определить его партийную принадлежность сложно. Газета «Листок войны», поместившая сообщение о результатах выборов в Новороссийске, изложила их следующим образом: «Социалисты – 63, к.-д. – 6, союз домовладельцев – 5, украинцы – 2, евреи – 2, внепартийные социалисты – 1, поляки – 1, эстонцы – 1. Лиц интеллигентных профессий очень мало»³. По нашему мнению, в Новороссийскую думу прошёл также представитель польских социалистов.

---

² Листок войны. 1917. 30 мая.

³ Там же. 28 июля; 10 августа.

События Октября 1917 г. остро поставили перед представителями польского народа по всей России проблему выбора – поддержать советскую власть, бороться с ней или придерживаться нейтралитета (что было, пожалуй, сложнее всего). Видимо, в связи с этим 17 декабря 1917 г. в Екатеринодаре в помещении польского клуба «Огниско» было созвано чрезвычайное собрание поляков-беженцев⁴. К сожалению, состоялось ли это собрание или нет, и какие решения оно приняло, пока установить не удалось. Выбор был тем более труден, что советская власть признала независимость Польши – то есть осуществила мечту многих поколений российских поляков.

Но политические потрясения не могли остановить жизнь в её «человеческом» измерении – 31 декабря 1917 г. через «Листок войны» Правление союза военных поляков Екатеринодарского гарнизона «приносит искреннюю благодарность польскому клубу “Огниско” за бесплатное предоставление помещения 24 декабря для устройства сочельника военным полякам, госпоже Феттер, любезно принявшей на себя труды по изготовлению кутьи, подпоручикам Буковскому и Вишневному за сбор пожертвований, всем жертвователям и лицам, содействовавшим устройству кутьи, а также комитету “СОГОРа” за бесплатное предоставление посуды».

Уже 3 ноября 1917 г. в Туапсе устанавливается советская власть, а с декабря большевики приходят к власти и в ряде местностей Кубанской области. Членом Туапсинского военно-революционного комитета являлся Л.К. Мацилецкий (весной 1918 г. – помощник главнокомандующего советскими войсками Северного Кавказа Автономова). Председателем Кубанского областного Совета народных депутатов в декабре 1917 г. был избран один из лидеров кубанских большевиков Иосиф Иосифович Янковский (1893–1919).

12 февраля 1918 г. в Армавире состоялся съезд польских комиссаров Северного Кавказа, подчинявшихся Комиссариату по польским делам Комиссариата по делам национальностей СНК

---

⁴ Листок войны. 1917. 14 декабря.

РСФСР⁵. На проходившем почти одновременно также в Армавире 1-м съезде Советов Кубанской области провозглашается Кубанская Советская Республика. 1 (14) марта 1918 г. в Екатеринодаре устанавливается советская власть. В конце мая 1918 г. происходит объединение Кубанской и Черноморской Советских Республик в Кубано-Черноморскую Советскую Республику, а 5 июля того же года образуется Северо-Кавказская Советская Республика.

К сожалению, документальных материалов, свидетельствующих о деятельности польской диаспоры Северо-Западного Кавказа в период Гражданской войны, сохранилось не так много и они не позволяют на сегодняшний момент составить целостную картину. Отсюда некоторая фрагментарность имеющихся у нас сведений.

Так, в циркуляре комиссара финансов Революционно-исполнительного комитета Сочинского окружного Совета рабочих и крестьянских депутатов Сочинскому казначейству говорится: «На заявление Сочинского Комитета Польского Общества Вспомоществования Жертвам Войны предписывается действовать согласно Постановления Революционного Комитета»⁶. В Сочи это общество продолжало существовать по крайней мере ещё некоторое время⁷.

После установления советской власти в Екатеринодаре начинается деятельность польских большевистских организаций. 26 мая 1918 г. в газете «Прикубанская правда» было опубликовано извещение «Комитета коллектива Польской партии большевиков» о созыве общего собрания членов партии со следующей повесткой дня: «1. Задачи коммунистов. 2. Польский пролетарский и настоящий политический момент...». Видимо, на этом собрании местные поляки-большевики приняли решение об организации в Екатеринодаре «Польской Коммунистической партии» (так в документе – **О.Л.**), с целью «распространения коммунистических идей среди польского населения». Свои заседания они проводили

---

⁵ Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в советский период (1917–1991 гг.) // Поляки в России: история и современность / Отв. ред. А.И. Селицкий. Краснодар, 2007. С. 227.

⁶ ГАКК. Ф. Р-1335. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

⁷ Там же. Д. 43.

в клубе «Огниско Польское». В частности, в середине июня на одном из собрания должны были состояться выборы их представителя в Польский комиссариат, но результат этого собрания нам неизвестен⁸.

В этот период польские комиссары советской власти действовали в Армавире – Копчинский (представитель ПСП-левицы) и в Туапсе – Ян Голембиовский, представлявший ПСП и Союз эвакуированных железнодорожников⁹. В материалах Сочинского Совета рабочих и крестьянских депутатов сохранился протокол заседания от 7 июня 1918 г., на котором был заслушан доклад Сочинского комиссара по польским делам Пузилевского. В документе упоминается, что местное польское общество вынесло ему «вотум недоверия». Решение Совета в связи с этим гласило: «предложить местному польскому пролетариату из рабочих и солдат выбрать своего комиссара-социалиста, стоящего на Советской платформе, с тем, чтобы он был утверждён Пятигорским комитетом по польским делам. В случае же это не состоится, то просить Пятигорский Комитет по польским делам прислать своего комиссара, пользующего его доверием». К документу сделана приписка: «... Президиум Окр. Исп. Ком. должна (так в документе – О.Л.) выяснить мотивы отвода тов. Пузилевского со стороны польского общества»¹⁰. Возможно, в состав польского общества входили и местные железнодорожники – строители Черноморской железной дороги. В состав Главного дорожного комитета Черноморской железной дороги в этот период входили И.С. Пиевский, Каменский, Жулавский. В состав Совета депутатов Ейской железной дороги в это время входил инженер путей сообщения П.А. Держкович, позднее ставший одним из ведущих специалистов Ведомства путей сообщения Кубанского краевого правительства.

Как и во все «смутные» времена, находились люди, которые под видом борьбы за порядок пытались добиться какой-то личной выгоды. В этой связи своими антипольскими настроениями интересно анонимное письмо, сохранившееся

⁸ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 294. Л. 175, 179, 203–204, 214.

⁹ Боголюбов А.А. Указ. соч. С. 227.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 13. Л. 36, 36об.

в материалах НКПС КЧСР. В нём, в частности, говорится: «Лещинский и Гецевич – поляки, счетоводы центрального счетоводства ЧКЖД – контрреволюционеры... заведующий городской станцией поляк Зьявный, одна нация указывает, что он достоин изгнания. Недавно вместе с Фатом из службы тяги он кричал, что большевики это те же жандармы, что они задушили и пр. Словом, “контрреволюционные” плевелы, которые нужно непременно изгнать»¹¹.

10 июня 1918 г. руководство Кубано-Черноморской республики издало приказ об обязательной регистрации всех поляков как беженцев, так и проживающих до войны¹². Скорее всего, это объяснялось тем, что по решению местных советских органов призыву в армию подлежали не только граждане РСФСР, но и иностранные граждане (которых планировалось использовать на нестроевой службе).

В конце июля 1918 г. Коллегия иностранных дел Северо-Кавказской ССР объявила об учреждении при коллегии по делам национальностей армянского, польского и литовского отделов. В соответствии с этим были отданы следующие распоряжения: «лица, именующие себя консулами вновь образованного польского государства, проживающие в Новороссийске, Владикавказе и Ставрополе, как не получившие признания Центральной власти, должны считаться действующими самочинно. Все документы, выдаваемые такими лицами, считаются юридически недействительными... местным советским властям ликвидировать польские консульства. Единственными организациями уполномоченными действовать от польского народа являются польские отделы при коллегии национальных дел в Екатеринодаре и на местах»¹³.

Но эти распоряжения издавались уже в последние дни существования советской власти в Екатеринодаре. 3 (17) августа 1918 г. в город вошли войска Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. К власти вернулось Кубанское краевое правительство. К исходу осени 1918 г. советская власть

¹¹ ГАКК. Р-1118. Оп. 1. Д. 1. Л. 55–57об.

¹² Там же. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 296а. Л. 55.

¹³ Там же. Л. 87, 118.

была ликвидирована на всей территории Северо-Западного Кавказа.

Штаб генерала А.И. Деникина и большинство ведомств Особого совещания при главкоме ВСЮР до июня 1919 г. находились в Екатеринодаре. При штабе А.И. Деникина действовал польский военный комендант – граф Бем де Косбан. Затем он стал представителем польских властей при краевом правительстве.

Черноморская губерния находилась в административном подчинении Добровольческой армии (затем – ВСЮР). Польским консулом в Новороссийске стал Казимир Пстроконский, вице-консулом – Януш Кнафлевский¹⁴.

Администрацией ВСЮР и Кубанским краевым правительством местные поляки, пожелавшие принять гражданство независимой Польши, воспринимались как граждане иностранного государства. В конце 1918 г. на территории Кубанского края под руководством генерала Люциана Желиговского формируется 4-я стрелковая дивизия Польских войск на Востоке, впоследствии воевавшая вместе с частями ВСЮР на правах союзника. В её состав вошёл и созданный ранее в Екатеринодаре 1-й Польский авиационный отряд под командованием поручика В. Наркевича.

Поляки также воевали и в составе кубанских частей ВСЮР – как уроженцы Кубани, так и выходцы из других губерний России. Среди них: помощник ревизора Кубанского краевого контроля Мечислав Чекотовский – потомственный дворянин, уроженец станицы Усть-Лабинской, участник Ледяного похода Добровольческой армии; старший врач 1-го Кавказского конного полка ККВ Мечислав Пшибышевский – мещанин Гродненской губернии; командир 3-й сотни 12-го Кубанского пластуна батальона Владимир Миклашевич – потомственный дворянин Смоленской губернии; потомки выходцев из Польши, ставших потомственными дворянами ККВ Виктор Зборовский – офицер Кубанского гвардейского дивизиона и Аполлон Иодковский – офицер Войскового штаба и т.д.¹⁵

¹⁴ Боголюбов А.А. Указ. соч. С. 228–229.

¹⁵ ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 847. Л. 8, 8об.; Д. 850. Л. 64, 64об.

В 1919 г. в Екатеринодаре действовал «Союз польских граждан»¹⁶. В марте того же года газета «Вольная Кубань» сообщила о переносе съезда поляков, который должен был состояться в Екатеринодаре весной 1919 г. Пока нам не удалось установить, состоялся ли этот съезд в краевом центре или прошёл в другом месте. Вполне возможно, что его отмена или перенос были вызваны проблемами перенаселенности Екатеринодара, вследствие чего в апреле 1919 г. правительство Кубанского края приняло постановление о «разгрузке Екатеринодара». Оно, в частности, предусматривало выселение из города беженцев. Правда, среди последних большую часть составляли армяне и ассирийцы, но численность польских беженцев ещё Первой мировой войны также достигала значительной цифры. Точно её установить практически невозможно, так как учёт вёлся в основном не по национальному принципу, а по тем губерниям, откуда прибыли беженцы. По данным Северо-Кавказского комитета Всероссийского союза городов, к середине октября 1918 г. в отделах Кубанского края беженцев из «западных» губерний насчитывалось 4108 чел., в Екатеринодаре – 3238 чел., в Темрюке – 24 чел., по Ейску, Армавиру и Майкопу данных не имелось¹⁷. Несмотря на сравнительно лучшее по сравнению с беженцами из Закавказья положение, польские беженцы также испытывали много трудностей. Поэтому одной из главных задач как польских консульств, так и местных польских организаций являлась отправка беженцев на родину. Кроме того, на территории Кубанского края оказалось немало и поляков, служивших в австро-венгерской армии и попавших в русский плен ещё в период Первой мировой войны. Необходимо было решать проблемы репатриации и этой категории.

Отсутствие крупномасштабных боевых действий на территории Кубанского края с ноября 1918 по январь 1920 г. способствовали некоторому оживлению его экономической жизни. Выше уже упоминалось о службе некоторых представителей польской диаспоры на кубанских железных дорогах. В состав

¹⁶ Селицкий А.И. Указ. соч. С. 231.

¹⁷ ГАКК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1. Л. 12об., 13.

«высших служащих» ЧКЖД входили инженер А.Н. Гринкевич, санитарные врачи П.Э. Ленчевский и М.Г. Куколевский¹⁸. Продолжали работать в этот период предприятия семьи Петра Викентьевича Буковского. П.В. Буковский и его сын Станислав числятся среди участников 3-го Торгово-промышленного съезда Кубанского края, проходившего в 1919 г. в Екатеринодаре. В сентябре 1919 г. городская управа заключила с наследниками П.В. Буковского договор на изготовление мебели для зала заседаний городской думы на сумму ок. 250 тыс. р.¹⁹ Незадолго до падения Кубанского краевого правительства, в марте 1920 г. консульство Польской Республики в Новороссийске уведомило председателя Краевого правительства о назначении консульским агентом в Екатеринодаре именно Станислава Буковского²⁰, что подтверждает авторитет семьи Буковских среди кубанских поляков.

Другой известный деятель польского общества – Э.Э. Вакре в начале 1919 г. стал одним из членов правления АО Северо-Кавказской железной дороги²¹, созданного для сооружения железной дороги Армавир – Кардоникская – Старое Жилище (ныне пос. Архыз. – **О.Л.**) и создания в Старом Жилище курорта всероссийского значения.

В марте 1920 г. на Северо-Западном Кавказе вновь устанавливается советская власть. Главную роль в этом сыграли части 9-й Красной армии под командованием И.П. Уборевича. На этом посту его сменил поляк М.К. Левандовский, командовавший 9-й армией в один из самых драматических эпизодов в истории Кубани 1920 г. – разгром врангелевского десанта в августе-сентябре 1920 г.

Таким образом, представители польской диаспоры Северо-Западного Кавказа в полной мере испытали на себе влияние революционных потрясений 1917 г. и последующей за ними

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 103. Л. 6.

¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 45.

²⁰ Там же. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 95. Л. 136.

²¹ Работы первого общего собрания акционеров Общества Северо-Кавказской железной дороги 10 февраля 1919 года. Екатеринодар, 1919. С. 5.

Гражданской войны. Как и всем, полякам Кубанского края и Черноморской губернии пришлось делать в это время крайне сложный политический и человеческий выбор – какую власть поддерживать. После окончательного установления советской власти в 1920 г. многие поляки, прежде всего беженцы и военнопленные австро-венгерской армии, уехали в независимую Польшу. Процесс их репатриации затянулся на несколько лет. Далеко не все сумели вернуться на родину. Были и поляки, сознательно оставшиеся в Советской России.

ПОЛЬША — ПОЛОНИЯ

И.-Г. ПУГАЦЕВИЧ
г. Варшава

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМЫ ПОЛЬСКОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

История системы польского школьного образования во Франции неразрывно связана с польской, как политической, так и экономической эмиграцией и превратностями её судеб. Французская полония (т.е. польская диаспора), хотя и вторая по численности после американской, всегда рассматривалась как первая в плане культурной значимости и исторического наследия¹. Результатом «Большой эмиграции», вызванной Ноябрьским восстанием 1831 г., стали такие сообщества как: Историко-литературное товарищество (1832 г.), Польская католическая миссия (1836 г.), Заведение Св. Казимира (1846 г.), а также первая мужская школа, основанная первоначально в Шатийон-су-Банё под Парижем, а впоследствии переведённая в Батинёль (1842 г.), мужская школа на Монпарнас (1840 г.), Институт польских девиц (1845 г.) и др. Просветительская деятельность эмиграции в XIX в. характеризовалась своего рода утилитарностью образования: из юношей

---

¹ *Dzwonkowski R., Śladkowski W. Polonia Francuska // Polonia w Europie / Pod red. B. Szydłowskiej-Ceglowej. Poznań, 1992. S. 365.*

стремились воспитать, прежде всего, будущих стратегов и военных, освободителей Польши, а девушкам привить идею независимой родины и подготовить их к исполнению функции преданных и исполненных патриотизма матерей-полек, и, если дело касалось возможной профессиональной подготовки, будущих гувернанток – гордых и ревностных поборниц идеи независимости².

Совершенно иначе представляется история эмиграции, возникшей между двумя мировыми войнами. Если та, первая (XIX в.), в пределах относительно свободного выбора обосновалась в центральной Франции, в Париже, то вторая (первая половина XX в.) была направлена, прежде всего, на север. Та, «парижская», воспринималась в категориях элитарного происхождения и образования и оценивалась сквозь призму героического поступка, каким было Ноябрьское восстание. Эта же, межвоенная, классифицировалась в качестве типично рабочей, для которой настоятельной потребностью было удовлетворение экономического минимума. По этой причине, а также принимая во внимание иную эпоху, она несколько иначе воспринимала и удовлетворяла потребности в образовании. Создание первых польских школ, польских учебных центров не было поначалу приоритетным, поскольку требовалось преодолеть более насущные трудности. В течение почти пяти лет с момента подписания международного договора 1919 г. и до 1924 г. ни власти возрожденной отчизны, ни французские ничего не предприняли в вопросе организации польского образования. Поэтому создание первых школ и курсов польского языка принимало характер не очень организованной инициативы снизу. Ситуация несколько изменилась после добавления к упомянутой выше конвенции так называемого письма Анри де Пейеримоф от 17 апреля 1924 г., в котором были выражены пожелания о необходимости проявления инициативы сверху по организации обучения польских детей в частных школах³. Однако этот документ

² Подробнее об образовании во Франции в XIX в. см.: *Gogolewski E. La langue polonaise dans l'enseignement élémentaire et secondaire en France (1833–1990)*. Lille, 1994.

³ *Ibid.* S. 138–141.

не являлся официальным международным договором, которого пришлось ждать до окончания Второй мировой войны.

Польскую эмиграцию во Францию, начиная со Второй мировой войны, нельзя классифицировать однообразно. После сентябрьского поражения 1939 г. это был военно-политический исход, часть которого до 1946 г. вернулась в Польшу. Очередные волны эмиграции были, с одной стороны, связаны с такими символическими датами, как годы: 1956, 1968 или 1981, с другой – с проблемами повседневной жизни – отсутствием экономических и профессиональных перспектив. Возникают, помимо политической, новые категории эмигрантов и эмиграции, к примеру, так называемая заработная (заработать на..., на автомобиль, на квартиру, на трактор и вернуться), туристическая, научная – все они объединены, по меньшей мере, предварительным намерением кратковременного пребывания за границей⁴.

Судьбы польской системы образования в тот период были следствием не столько потребностей тогдашней эмиграции – ведь власти ПНР не признавали её существования, сколько притязаниями новой социалистической власти на идеологический охват польской молодёжи, происходящей из старой, довоенной экономической эмиграции (преимущественно шахтёрского происхождения), а также пропагандистскими нуждами. «Покажем всему миру, как социалистическое государство заботится о своих гражданах, выброшенных “за хлебом” из пределов II Речи Посполитой, покажем сколь глубоко привлекательна для них Народная Польша, коль скоро дети эмигрантов, рождённые и воспитанные во Франции, не только выбирают получение образования в наших заведениях за границей, но и решаются вернуться в социалистическое государство на учёбу в высших учебных заведениях и на работу». Так утверждала официальная пропаганда.

Альтернативой для системы образования, перешедшей к властям Народной Польши, явилась та эмигрантская, опирающаяся на довоенные общественные организации и структуры (всевозможного типа курсы, воскресные школы, получение образования в частных школах, в рамках всевозможных полонийных

⁴ Количественный состав отдельных видов эмиграции и иные статистические данные см.: *Dzwonkowski R., Śladkowski W.* Op. cit. S. 375–387.

организаций и объединений), созданные с опорой на эмигрантское правительство в Лондоне, Центральный союз поляков Франции (*Union Centrale des Polonais de France*) и Польское католическое объединение (*Union des Associations Catholiques Polonaises*). Прогрессирующая своего рода идеологическая поляризация не миновала вопросов просвещения. Усиливались распри и политическое противостояние, вытекающее из нового пост-ялтинского порядка, что в результате привело к упадку всей польской и полонийной системы образования во Франции, как лучшей, так и худшей. Эту последнюю в 1963 г. добил отказ властей ПНР от руководства обучением польскому языку и закрытие польских консульских школ во главе с историческим заведением на ул. Ламанде. В то же самое время эмиграционная система образования, связанная с католическими центрами, испытывала острую нехватку средств, что в соединении со спадом интереса к изучению польского языка, привело к тому же результату – закрытию школ. В итоге, в 1986 г. руководство Польско-французской ассоциации оценило ситуацию, сложившуюся с обучением польскому языку, как катастрофическую и подчеркнуло, что ни одно этническое меньшинство во Франции не находится в столь плачевном состоянии⁵.

Очередная и пока последняя фаза в истории полонийной системы образования во Франции началась одновременно с распадом блока социалистических государств. Польская «Солидарность», польский папа, польская бескровная революция, изменившая Европу, стали наилучшей рекламой, способствующей возрождению польской и полонийной системы образования во Франции.

Символическое открытие в 1989–1990 учебном году дверей школы на ул. Ламанде в Париже для примерно трёх десятков детей эмигрантов, это предвестие новых, лучших времён, когда не будет разделения учащихся на тех, кто «по направлению», принимавшихся в школу в первую очередь, и «без направления», т.е. из нелегальной эмиграции, для которых до сих пор мест не находилось⁶. С отменой виз и открытием границ усилилась

⁵ *Dzwonkowski R., Śladkowski W.* Op. cit. S. 400.

⁶ *Wilkom A.* 150 lat Szkoły Polskiej w Paryżu. Paryż, 1992. S. 42.

тенденция к выезду на Запад, в том числе и во Францию. В связи с этим уместно ли говорить сегодня об очередной волне?⁷

По результатам последней польской переписи населения – в мае 2002 г. за рубежом пребывало 786 тыс. граждан РП, в том числе более 21 тыс. чел. во Франции. До конца 2006 г. во Францию эмигрировало, по официальным данным, ещё 28 тыс. поляков⁸. При этом следует обратить внимание, что полное открытие французского рынка труда наступит, по-видимому, в начале 2009 г. И, хотя не следует ожидать такого исхода, как в случае с Великобританией, где в то время случилось почти 20-кратное увеличение числа выездов, тем не менее, не подлежит сомнению, что нам не придётся иметь дело с сокращением французской колонии.

Какою же, в свете приведённых выше избирательно подобранных фактов и тенденций, должна быть польская школа, а точнее, предложение по польскому образованию, обращённое к современной эмиграции? Какие стоят перед ней опасности и какие вызовы? Каким образом для польской культуры, науки, экономики востребовать тех, кто с течением лет интегрировался во французское сообщество, забыв о своих корнях? Как, наконец, защитить самых юных потомков старой и молодой эмиграции перед утратой родного языка, при этом, обеспечивая им наилучшее положение во французском обществе, где они чувствуют себя полноправными членами?

Современные польские школы за границей, подчинённые Министерству национального образования РП, вроде бы не должны сталкиваться с административно-правовыми препятствиями. Соответствующие правовые акты во главе с приказом

⁷ Первая перепись польских эмигрантов 1839 г. включала 3472 чел. Перед Первой мировой войной во Франции работало ок. 10 тыс. чел. Французская перепись населения 1931 г. зафиксировала 508 тыс. польских граждан, преимущественно рабочих. Нынешняя французская колония оценивается в более чем миллион чел. См.: *Francja info.*, [on line: 20.10.2008], http://efrancja.info/index.php?m=francja_emigracja_polakow_do_francji

⁸ Główny Urząd Statystyczny, Informacja o rozmiarach i kierunkach emigracji z Polski w latach 2004–2006, [on line: 20.10.2008], http://www.stat.gov.pl/gus/45_3583_PLK_WAI.htm

министра национального образования и спорта от 2 сентября 2004 г. в отношении организации обучения детей польских граждан, временно пребывающих за границей (*Dz.U. z 2004 r., Nr 194, poz. 1986*), регулируют их учреждение, функционирование и прекращение деятельности.

Упомянутый выше приказ предполагает две возможности образования польских детей за границей:

1. Учащийся может реализовать рамочную программу обучения, т.е. такую же, как его коллеги в Польше, посещая школу при консульстве или посольстве как минимум 4 раза в неделю;

2. Дополнять знания, полученные в иностранной школе, в нашем случае французской, так называемым национальным каноном, т.е. предметами, которые не преподаются во французских школах. К ним относятся польский язык, история и география Польши (позднее появляются элементы природоведения Польши и гражданского воспитания).

Первый вариант не имеет оснований для существования, поскольку подразумевает выбор между польской и французской школами. Это, так называемое рамочное образование, т.е. реализация полной программы обучения на уровне лица, завершаемое польским аттестатом о среднем образовании, было исключено из зарубежных школ одновременно с введением в Польше новых экзаменов на аттестат о среднем образовании, т.е. в 2002–2003 гг.⁹ Ныне 100 % польских учеников посещают французские школы, и лишь дополняют полученные там знания польским языком, историей и географией Польши, посещая раз или два раза в неделю польскую школу при консульстве

⁹ Тем не менее, следует заметить, что на самом деле в последние годы в Париже, как и в остальных польских школах, не отмечено просьб о введении рамочной системы образования, потому что ещё в 2002–2003 гг. в польской школе на ул. Ламанде последними завершили учёбу по полной программе пятеро лицеистов, которые не посещали французских школ, и планировали сдавать экзамены на польский аттестат о среднем образовании. Причина крылась в незнании ими французского языка на момент их приезда во Францию и в достижении ими 16-летнего возраста (во Франции обязательное школьное обучение продолжается до достижения 16 лет). Следствием этого является невозможность посещения французской школы.

или посольстве. Те, кто не в состоянии регулярно посещать польскую школу, могут использовать дистанционную систему обучения, в обиходе называемую заочной. В этом случае от них требуется написать по каждому из «национальных предметов» определённое количество работ и сдать итоговые экзамены. В получении дистанционного образования также допускается две возможности: а) реализация полной программы; б) реализация дополняющей программы.

И здесь, как и при стационарной форме обучения, учащиеся реализуют исключительно дополняющую программу. Можно было бы считать, что дело комплексного, целостного обучения учащихся польского происхождения за границей решено, поскольку они без проблем совмещают французскую школу с польской. Однако проблема проявляется в том, что обучение «национальным предметам», организованное на основах, содержащихся в выше упомянутом приказе, предполагает, что здесь, в эмиграции мы будем иметь дело с такими же детьми, как и в Польше, которые недавно прибыли во Францию, а их предыдущей естественной средой развития было (а дома продолжает оставаться) польское окружение. Этот приказ как бы заранее предопределяет, что в польскую школу придут только учащиеся, говорящие по-польски, рождённые в Польше, оба родителя которых, в лучшем случае, являются поляками. Ведь только такие могут без проблем дополнять французскую школу программным содержанием, а скорее программной основой, соответствующей используемой в польских школах. История повторилась, поскольку такая школа недоступна для детей из очередных поколений эмиграции, потому, что они не говорят бегло или вообще не говорят по-польски. В то же время, детей лиц со статусом временного пребывания в польских школах ныне почти нет, а те, кто только что приехал во Францию, успешно используют французскую систему просвещения, которая предлагает им обширные возможности, и предпринимают всё, чтобы наилучшим образом использовать своё пребывание за границей для изучения иностранного языка, истории, культуры, экономики страны пребывания, пусть даже в ущерб своему национальному образованию, которое и так

когда-нибудь наверстают. Зачастую попросту на год или более длительный срок отказываются от польской школы.

Школу при консульстве в Лилль ныне посещает более пятидесяти детей, 80 % которых родились во Франции. Для них польский язык, в некотором смысле, является иностранным или же вторым. Выше упомянутое предложение по получению образования не только не оправдывало возлагаемых на него надежд, но и в длительной перспективе отвращало от польской школы. Почему? Потому что не отвечает реальным нуждам современной эмиграции. Польская школа не предлагает изучение польского языка в качестве второго, ошибочно полагая, что все местные учащиеся, коль скоро имеют польские корни, понимают и бегло говорят на родном языке. Поэтому они могут, а скорее, обязаны усвоить ту же программу, что и их сверстники в Варшаве или Кракове, учиться по тем же, что в польских школах, учебникам, и даже (при первоначальном обучении) писать в таких же тетрадях в три линейки, привезённых из Польши, только потому, что именно такая графическая форма обучения письму букв в качестве предпочтительной преподносится обязательными учебниками и польскими прописями. Преподаватели учат детей читать и писать по-польски в соответствии с требованиями программ, но дети, зачастую, не понимают, что пишут и что читают, не понимают значения слов или едва о нём догадываются, поскольку польский язык для них лишь второй, чаще – «домашний». Ещё труднее обстояла работа с учащимися старших классов. Ну как объяснить по-польски французскому гимназисту польского происхождения, который пришёл в польскую школу именно для восполнения прорех в «национальном каноне», функционирование шляхетской демократии в Польше эпохи Возрождения или литературную образность в «Пане Тадеуше», коль скоро у него огромные проблемы с польским, на котором он общается лишь с одним из родителей?

Сегодня все проблемы этого типа разрешаются благодаря гениальности польских преподавателей, происходящих, как и их ученики, чаще всего из эмигрантской среды, учителей, как правило, двуязычных, поскольку в ином случае ни за что

на свете не смогли бы объясниться со своими подопечными¹⁰.

Польская школа в таком виде, деликатно говоря, непривлекательна. Но поскольку в парижской агломерации наблюдается большой статистический прирост количества учащихся, удовлетворённые таким состоянием вещей польские инакомыслящие ничего, кроме косметической ретуши упомянутого выше приказа, по сути, не предпринимают¹¹. В то же время в Лилле убыло, по сравнению с прошлым учебным годом, более 7 % учащихся. И вновь, как это уже наблюдалось в прежние годы, инициатива полонии снизу, поддержанная консульскими властями, спасает хотя бы часть польской молодёжи от утраты национального облика. Здесь я имею в виду польские частные детские сады (их существование за рубежом нашим законодательством никак не предусматривалось), языковые курсы, организуемые приходами, всевозможные объединения и организации и т.п.

Если дотошно проанализировать современные проблемы польского образования за границей, то окажется, что они очень сходны с существовавшими в межвоенный период, с той только разницей, что в те времена полония составляла мощное профессиональное лобби. Ведь польские шахтёры в те времена во Франции представляли почти четверть количественного состава горнорабочих¹². Сегодня единственными лоббистами в пользу их правнуков, внуков и детей продолжают оставаться старые и новые полонийные объединения и организации, всё более осознающие значение принадлежности к двум культурам, поскольку

¹⁰ Наём учителя для работы в польской школе, например, при посольстве или консульстве во Франции, происходит на основе правовых актов, подобных действующим в Польше, и совершенно не учитывающим специфику и нужды среды конкретной страны пребывания.

¹¹ Количество учащихся в Комплексе школ при Посольстве РП в Париже и количество учащихся в Учебном консультативном пункте при Генеральном консульстве РП в Лилле по учебным годам:

2004/2005	662	60
2005/2006	764	72
2006/2007	903	48
2007/2008	1030	49

¹² *Śladkowski W.* Polacy we Francji. Lublin, 1985. S. 149.

ведают о своих собственных утратах, но, к сожалению, не полагающие такой силой воздействия на французскую экономику, как в былые годы.

«Правительственная программа сотрудничества с полонией и поляками за границей» 2002 г. подчёркивает со всей силой, что одним из главных направлений государственной политики должно быть «расширение доступа и возможности полонии и поляков за границей к обучению и совершенствованию знаний польского языка»¹³. Одновременно с расширением Евросоюза государства-участники были вынуждены позаботиться о соответствующем отношении к коммуникативно-идентификационным проблемам, так как свободное перемещение населения внутри Евросоюза вызывает потребность к в меру свободной языковой коммуникации. Поскольку изучение официального языка страны временного пребывания остаётся первостепенным вопросом политики Евросоюза, то стоит обратить внимание и на то, что она делает не менее сильный упор на поддержку и совершенствование знаний родного языка граждан, пребывающих за границами родины. Такое изменение подхода связано с сознанием, что «школьная учёба и обобществление ребёнка облегчаются, если он в состоянии в этих процессах соотнестись с этнической и культурной самоидентификацией, интегральной частью которых является родной язык»¹⁴. В объединённой поликультурной Европе подчёркивается целостный подход к освоению языков, который подразумевает соблюдение соответствующих пропорций между изучением языка страны пребывания и языка страны происхождения¹⁵. Это целостное, не лишённое здравого смысла образование предусматривает целый ряд действий, убеждающих учащегося в целесообразности предпринимаемых усилий.

¹³ *Bober E.* Działania Ministerstwa Edukacji Narodowej na rzecz Polonii i Polaków poza granicami kraju // *Oświata polonijna na początku XXI wieku. Stan i perspektywy. Wybór materiałów konferencyjnych, V Forum Oświaty Polonijnej / Pod red. K. Gaşowskiej, M. Mazińskiej-Szumskiej.* Kraków, 2006. S. 55.

¹⁴ *Mazińska-Szumaska M.* Polityka Unii Europejskiej w zakresie nauczania języków obcych // *Oświata polonijna...* S. 78–79.

¹⁵ *Ibid.* S. 81; Ministerstwo Edukacji Narodowej. Współpraca międzynarodowa, [on line, 20.10.2008], http://www.men.gov.pl/menis_en/commission/promoting.php

Изучению нового языка должна сопутствовать культурно-историческая и эмоциональная база, особенно, когда дело касается воскрешения родного языка, который для очередных поколений вышел из употребления. И в принципе, уроки истории и географии, если они соответственно подготовлены с точки зрения методов, содержания и уровня лингвистических трудностей, наилучшим образом исполняют роль этого ценного культурно-эмоционального дополнения.

Здесь напрашиваются, как минимум, два вопроса: 1) осознают ли родители, за исключением сентиментальных, всю полноту той пользы, которую заключает в себе двукультурное обучение? 2) знают ли учителя учебного заведения в эмиграции, на чём основано, и к чему должно стремиться такое обучение?

Складывается впечатление, что, если дело касается французской эмиграции, то эти знания недостаточны.

Что касается всего Евросоюза, то поликультурное образование опирается там на прочные традиции, выраженные, хотя бы, в так называемых европейских школах (первая появилась в Люксембурге в 1957 г.). Целью их создания стало желание при-вить учащимся чувство общности с другими европейцами при полном восприятии собственного национального и культурного своеобразия. В такой школе учёба начинается с детского сада. В детском саду все игры проводятся на родном языке. В начальной школе общеобразовательные предметы продолжают излагаться на родном языке, но к этому добавляется один иностранный язык (английский, французский или немецкий). С третьего класса появляются новые занятия, ведущиеся на этом втором, недавно познанном языке. В средней семилетней школе с первого класса занятия по художественным предметам и физической культуре проводятся на втором языке обучения. При переходе учащегося в третий класс, на этом же языке ведутся история и география, а вслед за этим – очередные предметы из области гуманитарных и экономических наук. Таким образом, непрерывно до самых выпускных экзаменов учащиеся на родном языке изучают лишь математику, биологию, химию и физику. На этом же языке сдают выпускные экзамены по перечисленным предметам. Выпускные экзамены по предметам, преподававшимся

на втором языке обучения, сдают на нём же. Третий обязательный язык вводится во втором классе средней школы. По желанию лицеисты, начиная с четвёртого класса, могут приступить к изучению четвёртого языка¹⁶.

К сожалению, Франция не входит в число европейских государств, предлагающих такую систему обучения. Сеть европейских школ, подведомственных Евросоюзу, покрывает пока лишь семь государств, и в сумме представлена 12-ю объединёнными учебными заведениями.

Но ведь в самом Лилле существует Европейский лицей Монтбело, который в текущем году будет отмечать своё 15-летие¹⁷. Созданный общими усилиями ректората Академии Лилля и Регионального совета Нор-Па-дэ-Кале, он обучает 1375 учащихся, из которых 30 % посещает так называемые европейские национальные секции. Самой младшей и, к сожалению, приходящей в упадок, среди английской, немецкой и испанской является польская секция, которую в 2002 г. посещало 18 учащихся, а сегодня – лишь один.

Совершенно обратная тенденция обнаруживается в польских секциях в рамках французских международных школ. Давайте познакомимся на их примере с этим французским предложением поликультурного обучения, тем более, что функционирование обеих моделей (европейской и международной) подобно.

Польские секции во французских международных школах существуют уже 12 лет. Самая младшая (2006 г.) польская секция в престижном *Lycée Montaigne* в центре Парижа, а самая старшая (1995 г.) – в *Cité Scolaire Internationale de Lyon-Gerland*. Существует польская секция в *Collège «Les Haut Grilletts»* и *Lycée International de Saint-Germain-en-Laye* (1988 г.), которые размещаются в помещениях бывшей НАТОвской школы, созданной в начале 1950-х гг. для детей из семей союзников, расквартированных после Второй мировой войны во Франции, под Парижем. Наконец,

¹⁶ Подробнее на эту тему см.: Ministerstwo Edukacji Narodowej. Współpraca międzynarodowa, [on line, 20.10.2008], http://www.men.gov.pl/wspolpraca/szkoły_europejskie/szkoły_euro.php

¹⁷ Lycée Européen Montebello, [on line, 20.10.2008], <http://www5.ac-lille.fr/~montebello/presentation/presentation.htm>

польская секция в *Collège de Esplanade* и *Lycée de Pontonniers* в Страсбурге (2000 г.) размещена в зданиях начала XX в., стилизованных под немецкий Ранний Ренессанс и внесённых в реестр национального достояния Франции.

Во всех школах предметы, входящие в так называемый национальный канон, т.е. польский язык, история и география Польши, преподаются на уровне гимназии и лица на польском языке¹⁸. В школы этого типа учащиеся должны приниматься после сдачи устного и письменного экзамена по польскому языку, что обеспечило бы определённый уровень. На практике всякое бывает. Следует, однако, подчеркнуть, что такого рода экзамен, где он соблюдается, представляет своего рода предварительный диагноз языковых навыков и недостатков учащегося, на основе которых можно рационально планировать работу с отставанием в учёбе. Основными клиентами международных школ являются дети польского происхождения или из польско-французских семей, рождённые преимущественно во Франции, для которых французский язык является первым, годами употребляемым в повседневном общении.

Здесь стоит обратить внимание на основную разницу между учёбой в европейских школах и в национальных секциях французских школ. Европейские школы сознательно предполагают обучение гуманитарным предметам на втором языке обучения, что способствует его быстрейшему познанию. В то же время точные науки преподаются и объясняются на родном языке. В школах французских всё наоборот. Национальные секции предлагают изучение на родном языке предметов, входящих в так называемый национальный канон. В такой концепции изучение языка является важным, но лишь сопутствующим элементом образования. Наверняка не первоочередным, потому что на это нет времени¹⁹. Самым важным является такое усвоение, к примеру,

¹⁸ Только Лион может похвастаться польской секцией, начинающейся с уровня начальной школы. Подробнее на эту тему см.: Cité Scolaire Internationale de Lyon, [on line, 20.10.2008], http://www2.ac-lyon.fr/etab/lycees/lyc-69/csi/fr/section_pl.html

¹⁹ Предпосылка соответствует такой же в польских школах при посольствах и консульствах. Все учащиеся, приходящие в польские секции, прекрасно знают родной язык, что, конечно, не всегда соответствует правде.

лицеистами программного содержания отдельных предметов, чтобы сдать их на так называемых двойных выпускных экзаменах OIB (*Option Internationale du Baccalaureat*). В этой связи, откуда у учащихся польских секций, рождённых преимущественно во Франции, появится столь прекрасное знание польского языка? Несомненно, важную, но недостаточную роль играет в части случаев семейная среда. В то же время нельзя переоценить предварительное или параллельное обучение будущих учащихся польских секций в рамках структур польских школ и учебных консультативных пунктов, действующих при польских дипломатических представительствах во Франции.

Все эти школы, несмотря на их уверения, что они реализуют лишь польскую программу обучения, более или менее осознанно готовят своих учеников к поступлению в систему международных школ, совершенствуя их знания польского языка, который до сих пор был для них вторым, после используемого повседневно французского, или, если кому-то так хочется – первым иностранным²⁰. Конечно, этот процесс, охватывающий в Сен-Жермен-ан-Ле в 2005–2006 гг. ок. 50 % учащихся, а в Монтэнь в 2006–2007 гг. почти 80 %, проходил бы значительно легче для всех заинтересованных сторон, если бы: во-первых, был соответствующими властями предопределён, т.е. замечен, оценён

²⁰ Здесь уместно поразмышлять, отчего польская секция Европейского лицея Монтбело катится к упадку. Конечно, можно отыскать множество причин такого состояния вещей, тем не менее, одной из самых серьёзных является отсутствие преемственности в обучении «национальным предметам», начиная с колледжа, а лучше бы с начальной школы. В польскую секцию Монтбело приглашаются исключительно лицеисты. А тех, кто бегло владеет польским и подготовлен к реализации польской программы обучения, становится всё меньше. Гимназия, как во французских школах, так и во всём мире – это особенно трудный образовательный период. Подрастающая молодёжь с увеличением количества обязанностей, именно в это время отказывается от дополнительных внешкольных занятий, к примеру, в польской школе при консульстве, которая, как говорилось выше, была бы в состоянии подготовить ученика к поступлению в польскую секцию. Если бы, как в других секциях на территории Франции, предложить учащимся обучение в польской секции на более раннем этапе учёбы – ситуация наверняка изменилась бы диаметрально. В регионе Нор-Па-дэ-Кале существует настоятельная потребность в создании польской секции в какой-нибудь международной школе, но при условии, что обучение в ней будет проходить с уровня начальной школы.

и должным образом ценим; во-вторых, выделен в формально-правовом отношении из всего объёма процесса обучения; в-третьих, был внедрён с опорой на особый метод обучения (объединение методологии, используемой при обучении иностранным языкам, с сутью польских программ обучения, адаптированных для нужд эмигрантской дидактики); в-четвёртых, оканчивался бы соответствующей оценкой знаний, например, в виде сертификационных экзаменов.

Подобное выделение в польских школах групп детей и молодёжи, для которых польский язык стал иностранным или вторым, поскольку проблема шире, и касается не только тех, кто переходит в польские секции французских школ, принесло бы феноменальные результаты всем заинтересованным:

- это подняло бы уровень обучения учащихся, прибывших во Францию действительно на определённый период времени, способных полностью реализовать положения, вытекающие из приказа об образовании детей польских граждан, временно пребывающих за границей, базовым языком для которых является польский, улучшило бы и облегчило реализацию программы,

- ликвидировало бы фиктивность реализации польских учебных программ (применительно к Лиллю, это касается 80 % учащихся, для которых язык отцов стал иностранным или вторым),

- сделало бы занятия более заманчивыми и привлекло к ним нерешительных, тех, кто заранее сомневается в своей способности справиться с так высоко поднятыми требованиями,

- ускорило бы обучение польскому языку, как иностранному и привлекло бы к познанию истории и польских традиций,

- создало бы новые возможности сотрудничества с польскими и полонийными организациями, популяризирующими польский язык и культуру,

- создало бы альтернативу языкового обучения в зависимости от потребностей и ожиданий эмиграционной среды,

- диверсифицировало бы, а тем самым обогатило польское предложение по получению образования за границей.

Так, задуманная школа, реализующая естественным образом несколько путей национального и языкового развития,

интегрировала бы всю полонийную молодёжь, предотвращая тем самым явление так называемого языкового отстранения, что в результате может привести к боязни изучения этого языка, нетолерантности и ксенофобии.

Польская школа в форме, предложенной выше, ни в коем случае не нарушала бы компетенции курсов или языковых школ для взрослых. Её основной целью была бы подготовка детей и молодёжи к получению дальнейшего образования в Польше или вне её, и поддержка всех местных инициатив, касающихся обучения польскому языку и культуре. Исходной базой для учреждения такой школы или преобразования существующей в таком образом задуманный современный образовательный центр, должно быть:

- 1) создание соответствующих организационно-правовых рамок;
- 2) привлечение на работу высококвалифицированных кадров;
- 3) наличие технической инфраструктуры, обеспечивающей реализацию всех задач, в рамках которой, помимо отвечающих разнообразным потребностям помещений, центральное место отводилось бы библиотеке в виде мультимедийного центра, играющей для школы роль культурно-просветительской базы, подключенной к Интернету, располагающей каналами польского образовательного телевидения, постоянно доступными для всех заинтересованных.

Особенно важным вопросом, требующим обдумывания, являются кадры школы. Направлять ли учителей в основном из Польши (как это было до 1963 г.) или набирать на месте? Конечно, лучшим решением был бы взвешенный здравый подход. Там, где это возможно (например, парижский округ), кадры следует подбирать из эмиграции, но на понятных принципах и заранее очерченных транспарентных условиях труда, с уважением к их нынешнему статусу пребывания. При невозможности отыскать среди эмиграции учителей, удовлетворяющих определённым требованиям, следует создать возможность для временного их делегирования из Польши.

В нынешние времена первоочередным качеством демократических и современных обществ является непрерывное образование, получение знаний, создание условий для реориентирования интересов, умение четкого поиска информации

и её оценки. Первой группой, ответственной за образование именно такого общества, общества знаний, общества информации будут учителя – ищущие, пытливые, повышающие свою квалификацию. Поэтому следует в первую очередь именно этой группе – эмиграционным учителям, находящимся вдали от Польши, обеспечить возможность непрерывного образования, создать систему мотивации, что пробудит в них дремлющие пласты возможностей и инициатив. Без такого рода стимуляции и оценки педагогического коллектива трудно будет создать хорошую и интересную школу.

Принимая все приведённые выше замечания, касающиеся обучения польских и полонийных учащихся, давайте попробуем выделить самые важные элементы, которых более всего недостаёт современной польской школе во Франции. Иными словами, давайте дополним ответ на вопрос: какой ныне должна быть польская школа?

Во-первых, многопрофильная, т.е. предлагающая различные формы образования, которая включала бы, как минимум, три варианта обучения:

1-й вариант, обращённый к детям последней современной эмиграции, только что прибывшей во Францию, предназначенный для учащихся, до сих пор живших и учившихся в Польше, которые, не имея никаких проблем с родным языком, могут реализовывать польскую учебную программу и одновременно посещать французские школы,

2-й вариант, обращённый к учащимся польского происхождения, родившимся во Франции или в течение долгого времени хорошо там адаптировавшимся, знающих польский язык, как минимум на разговорном уровне, и планирующих: а) в будущем, начиная с колледжа или лица, обучаться во французской системе международных школ, в польских секциях, где преподавание ведётся на польском языке, б) подготовиться к сдаче экзамена на аттестат о среднем образовании по польскому языку в структурах французской системы образования, в) в ближайшем будущем реализовать польскую дополнительную программу обучения, т.е. готовящихся к переходу на первый вариант обучения (к примеру, в связи с планируемым возвращением в Польшу и т.п.),

3-й вариант, предназначенный для детей и полонийной молодёжи вообще не говорящих по-польски, представляющих очередное, рождённое во Франции (второе, третье, четвёртое) поколение давних эмигрантов. Этот третий вариант предполагал бы изучение польского языка, культуры, основ польской истории, географии, природы в целостном охвате, на разных уровнях обучения в зависимости от возраста учащихся.

Во-вторых, уважающая и пропагандирующая историю и традиции польской эмиграции во Франции.

Многолетний опыт работы с детьми и молодёжью во Франции показал, что знания самого младшего поколения на тему судеб польской эмиграции во Франции и всякого рода сведений о Польше и поляках, в большинстве случаев равны нулю. Польский гимназист, давно живущий в Париже, больше знает о великих поляках в истории Соединённых Штатов (этому учили во французской школе), чем во Франции.

Следует разработать и выделить в каждом из образовательных предложений обязательную программную нить, посвящённую польской эмиграции во Франции, её истории, заслугам и неудачам, польско-французским взаимоотношениям и т.п. Без этой основы образование молодой полонии будет урезанным и, в некотором смысле – искусственным. Легче постигать добротные знания и склоняться к учению, если связано оно с осязаемой историей, с личной судьбой, является частью успехов или трагедии своей собственной семьи. Этот эмоционально-культурный мотив имеет в подобного рода просвещении колоссальное мотивационное, предваряющее и укрепляющее знания значение. Школа, лишённая подобного рода эмоций, представляется отсталой и оторванной от реальности.

В-третьих, польская школа в эмиграции во Франции должна быть школой партнёрской, опирающейся на сотрудничество. Это значит такой, где три объекта: учащиеся, родители и преподаватели взаимно дополняют друг друга, и все друг у друга учатся, взаимно себя поддерживая. Работа и учёба в такой школе должна быть общей игрой учащихся, родителей и преподавателей с понятными и воспринимаемыми правилами, целью, которой является взаимное самосовершенствование, углубление

и наделение привлекательностью дорогих для всех знаний, ценностей и польской культуры, потому, что здесь в эмиграции именно она – польская школа – должна быть её источником.

Польская школа должна объяснять, пропагандировать и активизировать принадлежность к двум культурам. Обозначать шансы, какие это даёт. У Франции, в отличие от Соединённых Штатов, непростая самоидентификация. Иностранец никогда не станет её интегральной частью. Принадлежность к двум культурам, в то же время, привлекательна для обеих сторон – польской и французской. Предоставляет некоторую автономию действий на стыке культур, гарантируя более глубокое их понимание, обеспечивает лучший профессиональный старт, повышает жизненную привлекательность и успешность.

И, наконец, польская школа должна быть по отношению ко всей польской и полонийной среде, школой участвующей, ангажированной во все действия, пропагандирующие **ПОЛЬШУ, ПОЛЬСКИЙ ДУХ, ПОЛONIЮ**. Потому, что участие является глубинной натурой человека. Как тоталитаризм, так и индивидуализм появлялись всегда там, где за способностью к участию не признавалось право на существование.

Л. ПУТКА
г. Варшава

**ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
ОФИЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША
И КРУПНЕЙШИХ ПОЛЬСКИХ
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
С ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРОЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье 6 действующей Конституции Республики Польша, принятой 2 апреля 1997 г., говорится: «1. Республика Польша создаёт условия для популяризации и равного доступа к культурным ценностям, являющимся источником идентичности польского народа, его сохранения и развития. 2. Республика Польша предоставляет помощь полякам, проживающим за границей, с целью сохранения их связей с национальным культурным наследием».

Для читателей, не занимающихся полонийной проблематикой, уместно будет привести объяснение двух понятий: «поляки за границей» и «полония». Термин «поляки за границей» относится к тем полякам, которые до настоящего времени проживают на той территории Белоруссии, Литвы и Украины, которая до Второй мировой войны находилась в границах Республики Польша. «Полония» (т.е. «польская диаспора») – это лица польского происхождения, живущие за пределами территории проживания

«поляков за границей». Поэтому по отношению к гражданам Российской Федерации, имеющим польское происхождение, употребляется определение «полония».

Попечение о полонии и поляках за границей осуществляет Сенат Республики Польша, являющийся верхней палатой польского парламента. Сенат РП получает средства из бюджета Польского государства для поддержки поляков за границей и полонии по всему миру.

По решению сенаторов эти финансы направляются для реализации программной деятельности отдельных полонийных организаций на всех континентах. Заявки на финансовую дотацию полонийные организации или полонийные сообщества, в которых подобные организации отсутствуют, могут направлять в Сенат РП непосредственно или через неправительственные организации. Текущими делами полонии и поляков в Сенате занимается Комиссия по делам эмиграции и связям с поляками за границей.

В нижней палате польского парламента, то есть в Сейме РП делами полонии и поляков за границей занимается Комиссия по связям с поляками за границей.

Правительство РП реализует «Правительственную программу сотрудничества с полонией и поляками за границей», принятую Советом Министров 10 декабря 2002 г.

Польские государственные учреждения и неправительственные организации оказывают поддержку полонийным организациям в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, поэтому финансовые дотации могут получать лишь те полонийные организации, которые имеют действительное «Свидетельство о регистрации некоммерческой организации», зарегистрированы в качестве юридического лица и располагают банковским счётом.

Самыми крупными неправительственными организациями, получающими через Сенат РП бюджетные средства для реализации программ, предназначенных для полонии и поляков за границей – в том числе в Российской Федерации – являются: Ассоциация «Вспульнота Польска», Фонд «Помощь полякам на Востоке» и Фонд «Semper Polonia».

Ассоциация «Вспульнота Польска» (*Stowarzyszenie „Wspólnota Polska”*), была создана в 1990 г. (см.: *Statut Stowarzyszenia „Wspólnota Polska”* – www.poloniam-polska.pl) для сотрудничества с поляками за границей и полонией по всему миру. Она осуществляет и довольно обширную программу, предназначенную для полонии в Российской Федерации. Программа охватывает:

- поддержку просветительской деятельности, реализуемую в форме летних лагерей для детей в возрасте от 9 до 16 лет, лингво- и историко-краеведческих лагерей для молодёжи в возрасте от 16 до 18 лет; практических семинаров польского языка для студентов, изучающих польскую филологию; функционирования Летней школы польского языка и культуры, языковых курсов для взрослых; дотирование ремонтов классных комнат для обучения польскому языку;

- поддержку польской культуры, в том числе организацию и финансирование: научных конференций и семинаров, посвящённых полонии и полякам за границей; фестивалей танцевальных, вокальных и музыкальных ансамблей; театральных просмотров;

- финансирование изданий о полонии в странах проживания; организацию «Дней польской культуры» и «Дней польского кино»;

- благотворительную помощь частным лицам польского происхождения, документально подтвердившим своё трудное материальное положение;

- предоставление дотаций на: наём помещений для полонийных организаций, оплату телефона, денежное вознаграждение для бухгалтеров, ведущих банковские расчёты организации.

Полонийные организации, заинтересованные в получении дотаций от Ассоциации «Вспульнота Польска», могут направить заявку в её правление. Бланки заявок доступны на Интернет-странице ассоциации. Заявки на следующий календарный год правление ассоциации принимает до конца октября. К примеру, до конца октября 2009 г. следует отправить заявки на 2010 г. В связи с длительным циклом утверждения бюджета Польского государства, Ассоциация «Вспульнота Польска» не имеет возможности ранее марта текущего года подтвердить информацию

для заинтересованной организации о предоставлении ей дотации на этот год. Поэтому дотации можно оформлять лишь на деятельность, запланированную не раньше, чем на второй квартал каждого года. Использование предоставленной дотации в иных целях и в иные, чем запланировано сроки, требует предварительного согласия правления Ассоциации «Вспульнота Польска». По предоставленным дотациям следует отчитаться в срок, определённый Ассоциацией «Вспульнота Польска» оригиналами счетов, фактур или иных, указанных в договоре документов. Отсутствие отчёта по дотации к определённому сроку может обусловить непредоставление дотации в последующие годы. Следует добавить, что правление Ассоциации «Вспульнота Польска» имеет возможность профинансировать в текущем порядке деятельность, необходимость в которой возникла в течение данного календарного года, и не могла быть предусмотрена в заявках на дотирование годовой программы, например, поездки на полонийные конференции и участие в издательских выставках.

Фонд «Помощь полякам на Востоке» (*Fundacja „Pomoc Polakom na Wschodzie”*), был создан в 1992 г. (см.: *Statut Fundacji „Pomoc Polakom na Wschodzie”* – www.pol.org.pl). Основной целью деятельности фонда является: «оказание помощи и поддержки полякам, проживающим в странах бывшего СССР и бывшего коммунистического блока в Центральной и Восточной Европе».

Своими программными действиями фонд:

– поддерживает польский дух путём популяризации знаний польского языка, польской культуры и национальных традиций, дотируя: оборудование и ремонты классных комнат для обучения польскому языку; оборудование лингвистических кабинетов, приобретение электронного оборудования; организацию научных конференций и семинаров, посвящённых полонии на Востоке; приобретение польских национальных костюмов, сценографии для полонийных театров, организацию «Дней польской культуры», организацию языковых лагерей и каникулярного отдыха для детей и молодёжи, организацию конкурсов и олимпиад, популяризирующих Польшу и обычаи поляков, издание книг, посвящённых истории и современности полонии в Российской

Федерации, польской прессы в Российской Федерации, которую представляют такие издания, как: «Rodacy» (г. Абакан), «Głos znad Pregoty» (г. Калининград), «Wiadomości Polskie» (г. Краснодар), «Gazeta Petersburska» и «Nasz Kraj» (г. Санкт-Петербург), «Dom Polski» (г. Томск), «Pierwsze Kroki» (г. Улан-Уде) и др.;

– оказывает воздействие на улучшение общественного, профессионального и материального положения польской этнической среды, поддерживая, среди прочего, развитие хозяйственной деятельности полонии, назначая пособия частным лицам. Процесс подачи заявок на дотацию и отчёт по ней идентичен описанному выше, применяемому Ассоциацией «Вспульнота Польска». Полонийным организациям, заинтересованным в получении дотаций из Фонда «Помощь полякам на Востоке», следует своевременно направлять в его правление заявки на бланках, доступных на Интернет-странице. Заявки на следующий календарный год правление фонда принимает до конца октября. К примеру, до конца октября 2009 г. следует отправить заявки на 2010 г. В связи с длительным циклом утверждения бюджета Польского государства, Фонд «Помощь полякам на Востоке» не имеет возможности ранее марта текущего года подтвердить информацию для заинтересованной организации о предоставлении ей дотации на этот год. Поэтому дотации можно оформлять лишь на деятельность, запланированную не раньше, чем на второй квартал каждого года. Использование предоставленной дотации в иных целях и в иные, чем запланировано сроки, требует предварительного согласия правления Фонда «Помощь полякам на Востоке». По предоставленным дотациям следует отчитаться в срок, определённый Фондом «Помощь полякам на Востоке» оригиналами счетов, фактур или иных, указанных в договоре документов. Отсутствие отчёта по дотации к определённому сроку может обусловить непредоставление дотации в последующие годы. Следует добавить, что правление Фонда «Помощь полякам на Востоке» – так же, как и правление Ассоциации «Вспульнота Польска», имеет возможность профинансировать в текущем порядке деятельность, необходимость в которой возникла в течение данного календарного года, и не могла быть предусмотрена в заявках на дотирование годовой программы.

Фонд „Semper Polonia” (*Fundacja „Semper Polonia”*) был основан в 1997 г. (см.: *Statut Fundacji „Semper Polonia”* – www.semperpolonia.pl) и действует под почётным покровительством президента Республики Польша. В соответствии с § 3 его устава «целью фонда является оказание помощи полонийной мировой среде, создание польского лобби на международной арене, оказание протекции польским и полонийным достижениям, в том числе хозяйственным и научным в Польше и в мире». Полонийные организации в Российской Федерации и кабинеты польского языка высших учебных заведений могут обращаться в фонд с просьбой обеспечить их польскими книгами (художественной и научной литературой, словарями). Кроме того, очень популярную форму сотрудничества с полонийной средой представляет собой проводимый фондом конкурс «Сохраним от забвения», который способствует сбору и каталогизации информации об истории поляков, живущих в Российской Федерации.

«Правительственная программа сотрудничества с полонией и поляками за границей» (*Rządowy Program Współpracy z Polonią i Polakami Za Granicą*) реализуется, прежде всего, Министерством иностранных дел, Министерством национального образования, Министерством науки и высшего образования, Министерством культуры и национального наследия. Перечисленные министерства РП сотрудничают с полонийной средой по всему миру – в том числе с полонией в Российской Федерации – прежде всего (но не исключительно) при посредничестве польских дипломатических представительств, в том числе Генеральных консульств РП и Консульских отделов.

Реализуя задачи, вытекающие из «Правительственной программы», польские консульские учреждения, действующие в Российской Федерации, систематически сотрудничают с отдельными министерствами Польши, осуществляющими мероприятия по содействию полонии.

Министерство иностранных дел РП (*Ministerstwo Spraw Zagranicznych*) (www.msz.gov.pl) – сотрудничает с полонией и полонийной средой в Российской Федерации посредством четырёх консульских учреждений, расположенных в Иркутске,

Калининграде, Москве и Санкт-Петербурге. На территории четырёх польских консульских округов в Российской Федерации действуют 73 полонийные организации. В это число входят 11 организаций в Иркутском консульском округе, 4 – в Калининградском консульском округе, 50 – в Московском консульском округе и 8 – в Петербургском консульском округе. Следует отметить, что на территории Российской Федерации существуют места, где активные полонийные сообщества, не имея своих организаций, сотрудничают с консульскими учреждениями, польскими государственными и неправительственными организациями, реализующими программы, направленные на помощь полонии в Российской Федерации. В одном лишь московском консульском округе таких сообществ более десятка.

Министерство национального образования РП (*Ministerstwo Edukacji Narodowej*) (www.men.gov.pl) – наиболее важные программы, направленные на помощь полонии, реализует посредством таких специализированных центров, как:

а) Главный центр усовершенствования учителей в Варшаве (*Centralny Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli w Warszawie*) (www.codn.edu.pl), который по заявке полонийных организаций направляет учителей на работу в полонийные центры в Российской Федерации, обеспечивает учителей книгами для обучения польскому языку и истории Польши. Организациям или полонийным центрам, желающим пригласить учителя польского языка на учебный год, начинающийся с сентября, следует до 10 февраля текущего года направить в соответствующее польское консульское учреждение приглашение и заполненное приложение к нему. Это даст возможность учителю получить визу для работы в Российской Федерации. С подобными приглашениями могут обращаться, например, полонийные организации, школы, приходы. С организационной точки зрения наилучшим решением является приглашение, оформленное совместно с дирекцией конкретной школы. Приглашаемому учителю следует обеспечить жильё, например, в общежитии или у члена организации. Учитель, приглашённый из Польши, может, при необходимости, преподавать польский язык также в высших учебных заведениях. Следует отметить, что учитель, направленный Главным центром

усовершенствования учителей, должен быть обеспечен нагрузкой не менее 18 часов в неделю.

б) Полонийный учительский центр в Люблине (*Polonijne Centrum Nauczycielskie w Lublinie*) (www.pcn.lublin.pl), который организует в Польше специальные, действующие во время каникул, курсы для полонийных учителей. Программа охватывает, среди прочего, обучение польскому языку, истории Польши, танцам и польским традициям. Набор на курсы происходит при посредничестве польских консульских учреждений. Кроме того, по приглашению полонийных организаций и центров Полонийный учительский центр направляет своих преподавателей на курсы для полонийных учителей, проводимые в Российской Федерации. Подобные курсы ежегодно организуются полонийными организациями в Абакане и Уфе.

Министерство науки и высшего образования РП (*Ministerstwo Nauki i Szkolnictwa Wyższego*) (www.mnispw.gov.pl). Подразделением министерства, реализующим программы, направленные на содействие полонии, является «Бюро по признанию образования и международному обмену» (*Biuro Uznawalności Wykształcenia i Wymiany Międzynarodowej*) (www.buwiwm.edu.pl). Наиболее известной формой его деятельности являются организуемые в польских консульских учреждениях экзамены для поступающей в польские вузы молодёжи польского происхождения. Кандидаты на учёбу в Польше прежде, чем будут допущены к экзаменам, должны до 9 мая текущего года представить в польское консульское учреждение все требуемые документы, в том числе оригиналы документов, подтверждающих польское происхождение абитуриентов. Письменные и устные экзамены проводятся на польском языке. Кроме того, при посредничестве «Бюро по признанию образования и международному обмену» полонийная молодёжь, знающая польский язык и документально подтвердившая своё польское происхождение, может получить стипендии для учёбы в аспирантуре в Польше.

Министерство культуры и национального наследия РП (*Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego*) (www.mkidn.gov.pl) – занимается, среди прочего, каталогизацией польских произведений искусств, польских архитектурных и исторических

памятников, а также мест, связанных с историей Польши и поляков. Министерство по заявке полонийной организации дотирует издания, документирующие, к примеру, «польские следы» и судьбы поляков в Российской Федерации.

Совет по делам сохранения памяти о борьбе и мученичестве в Варшаве (*Rada ds. Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa w Warszawie*) (www.radaopwim.gov.pl) – при сотрудничестве с польскими консульскими учреждениями и отдельными полонийными организациями заботится о польских местах национальной памяти по всему миру, в том числе в Российской Федерации. Совет, среди прочего, по предложению отдельных полонийных организаций из Российской Федерации дотирует создание и реставрацию польских военных кладбищ, памятников мартирологии польского народа, памятников и мемориальных досок, посвящённых выдающимся полякам, жившим на территории Российской Федерации.

Управление по делам фронтовиков и репрессированных лиц в Варшаве (*Urząd Kombatantów i Osób Represjonowanych w Warszawie*) (www.udskior.gov.pl) – которое, среди прочего, предоставляет информацию фронтовикам и репрессированным лицам польского происхождения, проживающим в Российской Федерации.

Выше приведённые данные содержат информацию лишь об основных формах деятельности официальных учреждений Республики Польша и крупнейших польских неправительственных организаций, направленной на поддержку полонийных организаций и сообществ. Кроме того, польские учреждения и неправительственные организации, вне пределов своей программной деятельности, доброжелательно реагируют и на новые оригинальные предложения, поступающие от полонийных организаций, в том числе и из Российской Федерации.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ**А**

- Абгарович 136
Абдулла 179
Августинович, О. 166
Автономов 220
Адамович, Ю. 205, 206
Адерс, С. 137
Александр, великий князь 135
Александр I 29–32, 38, 39, 41–43
Александр II 62
Александр III 60, 62, 65, 67
Альбединский, П.П. 62, 65
Альбрандт, Л.Л. 112
Алябиано, Г. 16
Апухтин, А.Л. 64, 65
Апушкин, П.В. 41, 42
Аракчеев, А.А. 21, 28, 31, 32, 37, 39, 40
Ариас, А. 16
Атаназевич, В. 202
A.Z. 181, 182, 186

Б

- Бабский, К. 84
Бабьч, П.Д. 133
Багратион, П.И. 28, 29, 34, 37, 38, 42, 43
Багриновский, В. 128, 197, 198, 200
Балашевич, Ю. 165
Банковский, И.М. 100, 117, 125, 126
Баньковский, Я. 207
Барановские 137, 160, 165, 170, 181
Барановский, Б. 136, 139, 145, 147, 148, 157, 160, 165, 170, 181
Барановский, К. 136, 160, 165, 170, 181
Барклай-де-Толли, М.Б. 30
Барт, В. 159

- Бартошевский, И.(А.) 198
Барщевский, В. 60
Барщевский, Л.С. 58–61
Баторий, С. 12, 14–17, 44
Бахрановский, В., см. *Багриновский, В.*
Багриновский, В., см. *Багриновский, В.*
Бейлин, К. 63
Беклешов, А.А. 27
Белинский, В.Г. 168
Бем де Косбан, граф 224
Береговая, Е.П. 58
Берёзов, Д. 133
Берёзова, Е.Д., см. *Медушевская, Е.Д.*
Берецкий, П. 208
Берхман, Ф.Ф. 27
Бестужев-Марлинский, А.А. 166
Биберштейн-Левицкая, Г.С. 213
Биберштейн-Левицкий, А. 213
Биберштейн-Левицкий, А.А. 213
Биберштейн-Левицкий, И.А. 213
Биберштейн-Левицкий, М.А. 213
Биберштейн-Левицкий, С.А. 213
Бибиков, Д.Г. 166, 169
Бижев, А.Х. 110, 112
Биняковский, А. 183
Блюхер, Г.-Л. 41
Бобровский-Королько, Л. 88
Бодровский, П. 150
Бойард, консул 63–65
Бокша, П. 17
Бордельо, Ф. 168
Борковский, Ф. 158
Боуффал, Ю.С. 103
Бочкарёв, капитан 203
Брановский, С. 193
Брентано, Ф. 91

Бринк, фон 111
Бродовский, П., см. *Бодровский, П.*
Бронборкевич, М. 208
Броневицкий, С.М. 141
Бронус, А. 13
Будберг, А.И. 112
Буковские 226
Буковский, подпоручик 220
Буковский, П.В. 226
Буковский, С.П. 226
Бутенев, титулярный советник 112
Буткевич, Д.М. 32
Буткевич, Л.А., см. *Маевская, Л.А.*
Бутович, коллежский регистратор 150
Бутовт-Анджейкович, М. 169
Бутурлин 64
Бучковский, М. 216

В

Вакре, Э.Э. 226
Валуа, Г. 44
Варшевицкий, С. 10, 11, 13, 16, 18
Васьков, П. 23
Верминьский, А. 198
Вернер, Т. 175, 180
Весоловская, В., см. *Пилят, В.*
Видершаль, Л. 160, 162, 163, 171
Видманнстер, Ф. 13
Вильгельм, монах 9
Вильковский, капитан 139, 140
Вильчинский, Ф.М. 107
Вильчиньский, А. 199
Вильчиньский, Я. 152
Винницкий, С. 169
Вислоух, М. 75
Витковский, Н. 218

- Витковский, Ю. 191
Витт, И.О. 39, 40
Вицкая, А.Ю. 215
Вицкая, В.Ю. 215
Вицкая, М. 215
(Вицкая), Х. 215
Вицкая, Ю.Ю. 215
Вицкий, Ю. 214, 215
Вишневский, подпоручик 220
Владислав IV 136
Влатыньский, А. 207
Возницкая, М.А., см. *Маевская, М.А.*
Возницкий, А. 30
Возняк, А. 208
Войцеховский, Я. 214
Войцицкая, Г.С., см. *Биберштейн-Левицкая, Г.С.*
Войцицкий, С. 213
Волков, полковник 131
Волконский, П.М. 29, 36
Вольф, Н.И. 110
Воронич, Е. 199
Воронцов, М.С. 29, 41, 165, 167, 168
Вояковский, Ф.П. 104, 197, 199, 201
Вржоско, Е. 144
Вржоско, Каетан 144
Вржоско, Клара 144
Вржоско, М. 144, 145
Врубель-Липова, К. 137
Вуек, Я. 10–14, 16–18
Вуйцицкий, С., см. *Войцицкий, С.*
Выжиковский, Р. 85
Высоцкий, Ш. 11

Г

- Гавронский, поручик 116
Гази-Магомед 179, 191, 192

- Галисевич, А.В. 117
Гамзат-бек 192
Гарчинские 176
Гасман, А. 203
Гедройц, В.-Г. 173–175, 177, 178, 185, 190–192, 216
Гейдук, Я. 116
Гейман, В.А. 204
Гельднер, Я. 87
Генрик Валуа, *см. Валуа, Г.*
Гербертус, С. 13
Гершевский, Л. 164
Гецевич 223
Гжебень, Л. 16
Гжибовский, З. 213, 214
Гилберт, Д. 91
Глинский, Я. 208
Гозьюш, кардинал 9
Голембиовский, Я. 222
Гордон, В. 166, 167
Горегляд, А.Н. 105
Горчаков, М.Д. 152
Гоустонский, Б. 9
Граббе, П.Х. 202
Граля, М., *см. Гралевский, М.*
Граляк, М., *см. Гралевский, М.*
Гралевский, М. 99, 158, 161–163, 172, 175–177, 182–190,
192–194, 204, 216
Григорий XIII 11
Гриельский, инспектор 150
Гринкевич, А.Н. 226
Грицилевич, А., *см. Хрицикевич, А.*
Гродецкий, Л. 197, 199, 201
Гродзицкий, С. 13
Гронтковский, Ю. 154, 155
Грудзецкий, Б., *см. Гурдзицкий, Б.*
Грудзицкий, Б., *см. Гурдзицкий, Б.*
Гручевские 176

- Гудович, И.В. 27
Гуминьский, А. 87
Гурдзецкий, Б., *см. Гурдзицкий, Б.*
Гурдзицкий, Б. 137
Гурко, В.И. 66
Гурко, И.В. 62–69
Гурко, М.А. 64
Гуссерль, Э. 90–93, 96
Гутовский, А. 200
Гутовский, Ф.Л. 105
Гучинская, Аделинда И. 122
Гучинская, Антонина И. 122
Гучинская, Ю.О. 122
Гучинский, А.И. 122
Гучинский, И.Г. 100, 122
Гуща, А. 84
Гюден, С.-Ш.-Э. 101

Д

- Давид, В. 168, 169, 172, 173, 177, 179, 187–189, 191, 216
Давидовская, А. 172
Давидовский, В., *см. Давид, В.*
Давидовский, П. 172
Даниловский, Ф.Я. 107
Дашиньская-Голиньская, З. 75
Дверницкий, Ю. 171
Дебу, И.Л. 146, 147
Деникин, А.И. 223, 224
Джамалуддин 181
Держановская, А.Р., *см. Посербская, А.Р.*
Держановский, Р. 121
Держкович, П.А. 222
Длуский, Ф.Я. 113, 114
Длуцкий, Ф.Я., *см. Длуский, Ф.Я.*
Добрский, И. 169
Довгиртт, подचाший 144
Домант, помещик 114

Домбровский, Ф. 85
Домбровский, Ю. 87
Домбровский, Я. 127
Дондуков-Корсаков, А.М. 99
Древновский, см. *Яворский, И.(Я.)*
Дубровин, Н.Ф. 154
Дука, И.М. 33, 41
Духновский, Ю.И. 118
Дьяков, В.А. 99, 128

Е

Евдокимов, Н.И. 131
Едлецкий, К.В. 123, 124
Едлиньский 189
Ежка, А. 205, 206
Екатерина II 78
Еленьский, Н. 199, 200
Еленьский, Я. 199
Еловицкий, А. 153
Емануель, Г.А. 149, 150
Ерарский, канцелярист 150
Ермолов, А.П. 29

Ж

Жарновская, А. 77
Жебровский, В., см. *Жембровский, В.*
Желиговский, Л.-М. 224
Жембровский, В. 146, 147
Жембровский, М. 147
Жембровский, Ф. 147
Жулавский 222
Журавские 144
Журка 203

З

Заблоцкий, Т., см. *Лада-Заблоцкий, Т.*
Завадский, генерал 116

Завадский, капитан 112
Завадский, И. 189
Завадский, И.Т. 103, 122, 125, 126
Заводовский, Н.С. 131
Загульчик, Ф. 208
Загурский, Я., *см. Захорский, Я.*
Зайковский, П. 205
Зайковский, Ф.П. 205, 206
Залевский, монах 9
Залевский, И. 205, 206
Заленский, Я. 202
Залеский, А. 63, 66
Зах, К. 154–158
Захватович, В. 156, 157
Захорский, Я. 194–196, 200, 201
Зборовский, В. 224
Згодзиньский, А. 208
Зданович, Ф. 199
Земберенов, М. 147
Зембегинов, М., *см. Земберенов, М.*
Зено, К. 135
Зенькович, В.К. 103
Золотницкий, коллежский ассессор 150
Зубревич, А. 218
Зьявный 223

И

Иван IV Грозный 14
Иванов, П. 141
Иванова, Р.С. 141
Ивановы 141
Ивашкевич, Я. 154–156
Ильин, унтер-офицер 124
Ингарден, Р.-В. 90, 91, 93–96
Инглот, М. 142, 158, 160
Иоанн, доминиканец 136
Иодковский, А. 224

Ирнижельский, см. *Урнижельский, майор*
Искандер-бек, см. *Русальский*

К

- Каденаци, Дж. 199
Кадницкий, заседатель 150
Кадницкий, Я. 150
Казакевич, В.М. 205, 206
Казакевич, М. 205
Кази-мулла, см. *Гази-Магомед*
Казимир IV Ягеллончик 135
Калиновский, З. 121
Калиновский, К. 180, 181, 183, 184, 186, 187, 189–192, 201, 216
Кальвин, Ж. 8
Каменский 222
Кампано, Я.-П. 16
Канизий, П. 7
Кант, И. 91, 93
Каракано, Н. 199
Кареев, Н.И. 51
Карове, П.О., см. *Корове, П.О.*
Карпиньский, А. 173
Карпович, А. 197, 199, 200
Карпович, В. 87
Карпович-Чайковский, М. 151
Каспржицкая 156
Катажина Ягеллонка 11
Катков, М.Н. 46
Ких, Я. 181, 182
Клапрот, Ю. 140, 141
Клейнмихель, П.А. 39
Клеменс, Г. 87
Клиотт, Л.-К. 87
Клишка, Я. 8
Кнафлевский, Я. 224
Кобылянский, И.С. 106
Ковалевский, ссыльный 188

- Ковалевский, И.Г. 109, 128
Ковалевский, П. 183
Ковалевский, С. 151
Ковалевский, Я. 201, 202
Ковальский, М.Я. 205
Ковальский, П. 202, 203
Ковальский, Я. 205
Коглярский, Ю. 198, 199
Коза, В. 205, 206
Коляновский, Ю. 88
Коммендоне, Ф. 9
Конарский, Ш. 164, 166, 169, 170, 194, 199
Конарский, Я. 13
Коновницын, П.П. 29
Конопницкая, М. 73, 76
Конради, доктор 188
Константин II, царь Картли 135
Копчиньский 222
Корвин-Вежбицкий, К.-К.-М. фон 87
Коретковский, Л.М. 105
Корженёвский, Ю. 192
Корнелий, монах 135
Корове, П.О. 101, 102, 110, 128
Косман, М. 8
Костомаров, Н.И. 45
Костюшко, Т. 24, 139
Коцебу, П.Е. 211
Кошмарчук, Я. 205, 206
Коялович, М.О. 45
Краевский, Т. 87
Краевский, Ю. 87
Красиньская, Е. 204
Красиньский, А. 203
Красиньский, К.А. 204
Красовский, А.И. 125, 126
Красовский, А.Н. 33, 41
Криницкий, С. 88

Крусиньский, И.-Т. 137
Крыжановский 110, 111
Крюденер (Криденер), Н.П. 64
Кузмина, Д.Н., *см. Петрусевич, Д.Н.*
Куколевский, М.Г. 226
Куликовский, солдат 174
Кутайсов, шеф жандармов 64
Кутузов, М.И. 29, 35
Кшецкий, А., *см. Кишцкий, А.*
Кшиваньский, каноник 17
Кшицкий, А. 205, 206
Кшиштофович, Я. 151

Л

Лада-Заблоцкий, Т. 165, 167–169
Лапин, В.В. 111
Лапинский, Т. 113
Лапицкий, М.Ф. 114, 115
Лапчиньский, К. 175
Лебедев 123, 124
Лебля, Ю.-В. 87
Левандовский, М.К. 226
Левашов, майор 109, 110
Лелевель, И. 46
Ленчевский, П.Э. 226
Лепарская, А. 144
Леськевич, Т. 87
Лещинский 223
Лещиньская, М. 152
Лилия, П. 16
Липранди, И.П. 21
Лисовский, Ф. 155, 156, 158
Ловицкий, М. 200
Лотман, Ю.М. 127
Лукавский, З. 216
Лятерна, М. 14, 16

М

- Маевская, Л.А. 32
Маевская, М.А. 30, 32
Маевские 24, 30
Маевский, подпоручик 124–127
Маевский, А.С. 30
Маевский, И. 24
Маевский, Н.С. 23, 30
Маевский, С.И. 20–43
Маевский, С.С. 30
Мажецкий, В. 87
Малевский, М. 197, 201
Малевский, Ф. 148
Малиновский, Я. 183
Малинский, М.Л. 143
Мансур, шейх 192
Марин, А.Н. 28, 41
Марков, генерал 36
Маррене-Морковская, В. 73, 76
Маршания, Ш. 211
Масальский, капитан 143, 145
Масальский, Я. 143
Масловский 207
Матвеева, В.С. 74
Матусевич 108
Махчиньский, Ф. 195
Махчиньский, Э. 175
Мацейовский 190
Мацейовский, В.-А. 175
Мацилецкий, Л.К. 220
Медушевская, Е.Д. 133
Медушевская, О.М. 134
Медушевская, Ю.Я. 134
Медушевский, А.Я. 133
Медушевский, И.Я. 133
Медушевский, М.Я. 134
Медушевский, Я.И. 130–133

Межиньский, Ю. 209, 210
Меланхтон, Ф. 10
Мерло-Понти, М. 96
Мерославский, Л. 178
Миклашевич, В. 224
Милковский, С. 196, 199, 200
Милорадов, М. 152
Милорадова, К. 152
Милорадова, П.М. 152
Милорадовы 152
Милорадович, М.А. 29, 38, 42
Мионов, полковник 111
Михайловский-Данилевский, А.И. 22, 23
Мицкевич, надворный советник 159
Мицкевич, А. 148, 158, 174, 195
Мневский, В. 109
Мневский, В.В. 109
Мосьченьская, И. 75
Моцарт, В.-А. 121
Мошков, И. 199
Мулина, С.А. 58
Мюллер, Г. 91
Мюрат, И. 42

Н

Навой, горец 115
Навроцкий, надзиратель 150
Назимов, капитан 119
Наполеон I 40, 43, 99, 142, 143, 159
Наркевич, В. 224
Натар, А.И. 125
Неверовский, Д.П. 33, 41
Невх, Б. 207
Немеровский 149
Неминский, С.Ю. 104
Немоёвский, Л. 53–56

Николай I 22, 97, 119, 151, 166, 167, 169, 175, 178, 193, 200
Новацкий, С. 145
Новиковский, С. 207
Новицкий, Г.В. 121
Новосильцев, Н. 154
Нойманн, К. 136, 194
Норвегус, В. 11

О

Огрызко, И. 44
Ожельский, С. 44
Ожешко, Э. 71–74, 76
Озембловская, Ю.О., *см. Гучинская, Ю.О.*
Озембловский, О. 122
Озерский, полковник 159
Олейников, Д.И. 129
Олендзский, М. 151
Олесницкий, З., *см. Стржельницкий, В.*
Ольшевский, А.Г. 102, 117, 118
Ольшевский, С.Г. 102
Ольшевский, С.М. 106
Ольшевский, М.М. 203, 207
Ольшевский, М.Я. 128
Онацевич, И. 157
Опперман, А.К. 119
Оржевский, секретарь 164
Орион 65
Орловский 178
Орловский, С. 205, 206
Осецкие 144
Осипов, Н. 59

П

Павел I 27
Павлович, Б. 87
Паисий, иеромонах 110

- Паскевич, И.Ф. 156, 175, 180
Паулина К. 147, 148
Пейеримоф, А. де 229
Пеликан, В. 154–157
Пелчиньский, чиновник 148
Петрашкевич, К. 170
Петровский, Я. 205
Петрусевич, В.Ф. 122
Петрусевич, Д.Н. 122
Пехник, Л. 17
Пиевский, И.С. 222
Пилят, В. 171
Пилят, С. 161, 171, 172, 174, 176, 177, 184–187, 209, 216
Пилят, Ю. 171
Пиотровская, А.В. 218
Пиотровский, О. 85
Писанус, А. 13
Пискарровский, М., см. *Пискорский, М.*
Пискорский, М. 148, 149
Плавиньский, Х. 173
Плакуненко, П. 123
Платер, ссыльный 193
Платон 95
Плицкий, сторож 156
Победоносцев, К.П. 65
Побоевский, Ф. 203
Подлевских, Л.Г. 99
Покутовский, Т.Д. 117
Полесский-Шепило, штабс-капитан 199
Понятовский 190
Понятовский, А. 213
Понятовский, С.-А. 48, 49
Порчинский, С.А. 107
Порчинский, Э.А. 107
Посербская, А.Р. 121
Посербская, А.Ф. 121
Посербский, А.Ф. 121

Посербский, П.Ф. 121
Посербский, Ф.Г. 102, 121
Поссевино, А. 16
Потоцкие 211
Потоцкий, В. 165, 166, 179, 180
Потоцкий, Я. 138–142, 189–192
Погто, В.А. 137
Пржигодский, Ю.О. 106, 108, 174
Проташэвич Шушковский, В. 9, 11, 15, 16
Псарский, А.В. 105, 198
Пстроконский, К. 224
Пузилевский, комиссар 222
Пурвинский, П. 120
Пушкин, А.С. 165, 166
Пшибышевский, М. 224
Пыпин, А.Н. 44, 45
Пэнтковский, К. 14
Пясецкий, Л. 183

Р

Рабчиньский, К., см. *Рапчиньский, К.*
Радзивилл, Е. 12, 15
Радзивилл, М. (Рыжий) 8
Радзивилл, М. (Чёрный) 8
Радзивилл, М.К. (Сиротка) 8, 11, 13
Радзивиллы 8
Радзиевский, С. 211
Радомек 186
Раевский, Н.Н. 36, 113, 115, 117, 158, 183
Ракачёв, В.Н. 99
Раковичи 176
Рапчиньский, К. 195, 196, 200
Рачиньский, Э. 142
Ревковский, К. 88
Рейхман, Я. 136, 140, 164, 168, 170, 193, 200
Ржевуский, ссыльный 193
Рихтер, В. 211, 212

- Рихтер, К.-А.-Я. 211
Рихтер, К.В. 212
Рихтер, М. 212
Рихтер, Мария В. 212
Рихтер, Михал В. 212
Рихтер, П.В. 212
Рихтер, С.В. 212
Рихтер, Ю.В. 212
Роббинс, Р. 68
Роговский, поручик 150
Роговский, Ф. 197, 201
Родзинский, И.К. 107
Роздражевский, С. 13
Роздражевский, Х. 17
Розен, Г.В. 103, 112, 179
Розенберг, А.Г. 27
Ромейко-Гурко, И.В., *см. Гурко, И.В.*
Рот, Л.О. 31
Рошковский, поручик 121
Рукевич, А.Ф. 116
Русальский 181
Русецкий, *см. Русальский*

С

- Савельга, Я. 205
Савич, Ф. 194–200
Сальмерон, А. 9
Самборский, городничий 213
Сангушко, Е.-Э. 194
Сангушко, К. 194
Сангушко, Р.-С.-А. 193, 194
Сандецкая, Е.С. 122
Сандецкая, Н.Ф.-Г. 122
Сандецкий, Ф.-Г.М. 108, 122
Сапальский, В. 189
Сапега, надворный советник 150

- Сартр, Ж.-П. 96
Сафалов, генерал 117
Свентоховский, А. 71
Свидерский, Ф. 214
Селицкий, А.И. 120
Семевский, М.И. 31, 34
Семёнов, Е.В. 58
Семполовская, С. 75
Сен-При, Э.Ф. 35
Серебкович, К. 136
Серебряков, Л.М. 98, 110, 111, 113, 118–120, 124, 126
Серяков, Л.А. 23
Сесонианус, Я. 13
Сетиньский 190
Сигизмунд II Август 10, 11
Сигизмунд (III) 12
Скарга, П. 13, 16–18
Скаржинский, П.М. 140
Скачковский, ксёндз 214
Склодовская-Кюри, М. 75
Скубиньская, А., см. *Давидовская, А.*
Скшинецкий, Я. 193
Сласковский, М.Н. 118
Следомский, Ю., см. *Спедомский, Ю.*
Слешиньский, Ю.Ф. 215, 216
Сливовская, В. 153, 173, 175, 200, 204
Словацкий, Ю. 20
Словодецкая, С.К., см. *Стражец, С.К.*
Словодецкий, К. 122
Словяньский, К.Я. 205, 206
Словяньский, Я. 205
Смарский 116
Смирнов, А.Ф. 194
Собеский, В. 210
Сократ 95
Соликовский, Я. 15

- Соловьёв, С.М. 45, 49
Сосновский, профессор 154
Спасович, В.Д. 44–51
Спедомский, Ю. 146, 147
Станислав Август Понятовский, см. *Понятовский, С.-А.*
Стаховский, К. 197, 199, 201
Стефан Баторий, см. *Баторий, С.*
Стомин, И. 124
Стражец, А.А. 122
Стражец, А.И. 122, 127
Стражец, В.А. 122
Стражец, С.К. 122
Стржельницкий, В. 165–168
Строганов, А. 164
Стшижевская, М., см. *Рихтер, М.*
Стшижевский, майор 212
Суньер 9
Суржицкий, Ю.-Л. 170, 171, 191
Суркота, В. 144
Сутоцкий, комиссар 150
Сцегенный, П. 170
Сырокомский, З. 87
Сысоев 42
Сытин, И.Д. 23

Т

- Таньский, Я. 216
Тарский, А., см. *Псарский, А.В.*
Тартаковский, А.Г. 23
Твардовский, К. 91
Терлецкий, И. 87
Терлица, М., см. *Яворский, И.(Я.)*
Токаржевская, см. *Томашевич, жена врача*
Толвиньский, К. 85
Томашевич, жена врача 152
Томашевич, П. 152
Томашевский, поручик 203

Томкевич, С. 119
Тормасов, А.П. 28
Точиньский, Ф.-Э. 85
Третеский, Ю.И. 118
Тржасковский, А. 109, 154–156, 158

У

Уборевич, И.П. 226
Угрюмов 39
Узун-Хасан 135
Урнижевский, полковник 152
Урнижельский, майор 146
Ушурма, см. *Мансур, шейх*

Ф

Фат 223
Фёдоров, М.Ф. 111
Фетгер 220
Фивегер, В. 84
Фижан, Ю. 155
Филипсон, Г.И. 98, 101, 109–111, 128
Фильсеян, Ю., см. *Фижан, Ю.*
Фриз, А. 9

Х

Хайдеггер, М. 96
Хасман, А., см. *Гасман, А.*
Химяк, Л. 68
Хлебникова, Е.С., см. *Янчевская, Е.С.*
Ходзько, А. 148
Ходоровский, К. 87
Ходубский, А. 142
Хоментовский, В. 86
Хоувальдт, К. 179
Хоцевич-Невля 157
Хрицикевич, А. 196, 199
Хрицукевич, А., см. *Хрицикевич, А.*

Ц

Цабан, В. 99, 160–162, 209, 217

Церебкович, К., *см. Серебкович, К.*

Цифанова, И.В. 99

Ч

Чайковский, М., *см. Карпович-Чайковский, М.*

Чарковский, Л. 88

Чарнявский, комиссар 150

Чарторыйская, К., *см. Сангушко, К.*

Чарторыйский, А.-Е. 190

Чекменёв, С.А. 138

Чекотовский, М. 224

Червинский, Я. 218

Черкавский, И. 185

Черномор 116

Чинаш, М. 208

Чингисхан 56

Ш

Шазда, Г. 207

Шамиль 180–183, 192, 200

Шарейко, П. 86

Шаремберг Т., *см. Шемберг, Т.*

Шацкий, поручик 125

Шварц, А. 76

Шемберг, Т. 136

Шидловский, В. 208

Шимановский, ссыльный 189

Шимановский, М. 173

Шиманьский, ссыльный 204

Шиманьский, А. 204

Шиманьский, К. 137

Шимчак, Т. 216

Шостакович, Б.С. 58

Шпак, В.С. 23

Шуйская, Клара, *см. Вржоско, Клара*

Шчавиньская, В. 75
Шчавиньская-Давидова, Я. 75

Э

Эзенд, чеченка 180
Эйдельман, Н.Я. 26
Эссен 1-й, И.Н. 27, 28

Ю

Юзефович, городской голова 143
Юноша-Залуский, М. 163
Юраш, А. 84
Юхан (Иоанн) III 11
Ючас, М. 16

Я

Яблоньский, Х. 211
Яворский, И.(Я.) 178, 179, 181–183, 186, 187, 189, 190, 192, 216
Якса-Хамец, И.М. 219
Ян I Ольбрахт 135
Ян II Казимир 137
Ян, М. 208
Яневич, А. 158
Яник, М. 99
Янишевский, Л. 164–166, 168, 169
Янковский, И.И. 220
Янковский, К. 211
Янковский, С. 199
Яновицкий, лекарь 120
Янушевский, А. 87
Янчевская, Е.С. 122
Янчевский, П.В. 122, 123
Ярошевский 146
Ясинский, М.К. 100
Ясиньские 176
Яскевич, С. 208

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АО	– Автономная Область; акционерное общество
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
в.	– век
ВСЮР	– Вооруженные Силы Юга России
ВЦИК	– Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
г.	– город; год
г.р.	– год рождения
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края
ГАКрК	– Государственный архив Красноярского края
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
д.	– дом; деревня
др.	– другие
к.	– копейка
кв.	– квадратный, квадратные
ККВ	– Кубанское казачье войско
км	– километр
КЧСР	– Кубано-Черноморская Советская Республика
м	– метр
НАТО	– Организация Североатлантического договора (англ. <i>North Atlantic Treaty Organization</i> – <i>NATO</i>)
НКПС	– Народный комиссариат путей сообщения
ок.	– около
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПНР	– Польская Народная Республика
польск.	– польский
пос.	– посёлок
ППС	– Польская социалистическая партия
пр.	– прочее
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
ПФА РАН	– Петербургский филиал архива РАН
р	– рубль
р.	– река
РАН	– Российская Академия наук
род.	– родился

- РП** – Речь Посполита; Республика Польша
- РСДРП** – Российская социал-демократическая рабочая партия
- РСФСР** – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РФ** – Российская Федерация
- с.** – село, селение; сестра
- Св.** – святой, святая
- см.** – смотрите
- СНК** – Совет Народных Комиссаров
- СОГОР** – Всероссийский союз городов
- ССР** – Советская Социалистическая Республика
- табл.** – таблица
- т.е.** – то есть
- т.д.** – так далее
- т.п.** – тому подобное
- тыс.** – тысяча
- ул.** – улица
- ЦГА РСО-А** – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания
- чел.** – человек
- ЧКЖД** – Черноморско-Кубанская железная дорога
- APL** – Archiwum Państwowe w Lublinie (польск. *Государственный архив в Люблине*)
- Cz.** – część (польск. *часть*)
- Ibid.** – ibidem (лат. *там же*)
- К.** – kartka (польск. *лист*)
- Op. cit.** – opus citatum (лат. *цитируемое произведение*)
- R.** – rocznik (польск. *ежегодник, годовой комплект*)
- RGL** – Rząd Gubernialny Lubelski (польск. *Люблинское губернское правление*)
- S.** – strona (польск. *страница*); Seite (нем. *страница*)
- Sygn.** – sygnatura (польск. *шифр*)
- UMCS** – Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie (польск. *Университет Марии Склодовской-Кюри в Люблине*)
- Z.** – zeszyt (польск. *тетрадь*)

СПИСОК АВТОРОВ

Аржакова, Лариса Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Боголюбов, Александр Александрович – кандидат исторических наук, член Союза поляков на Кавказских Минеральных водах (г. Пятигорск)

Кузьмина, Дариуш – доктор исторических наук, профессор, директор Института научной информации и библиологических исследований Исторического факультета Варшавского университета

Леончик, Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, вице-председатель Федеральной польской национально-культурной автономии «Конгресс поляков в России», председатель правления Культурно-национальной общественной организации «Полония» Республики Хакасия, редактор сибирского издания Конгресса поляков в России „Rodacy” («Соотечественники») (г. Абакан)

Леусян, Ольга Алексеевна – старший научный сотрудник отдела этнографии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Лопатина, Елена Борисовна – аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Лятавец, Кишиштоф – доктор исторических наук (Институт истории Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине)

Мартианова, Ирина Юрьевна – соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Матвеев, Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Пугацевич, Ивона Г. – доктор исторических наук, адъюнкт Института научной информации и библиологических исследований Исторического факультета Варшавского университета

Путка, Лонгина – советник Посольства Республики Польша в РФ, консул по делам польской диаспоры Московского консульского округа

Сидоренко, Наталия Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета

Чернышёв, Артём Юрьевич – аспирант кафедры отечественной истории Института истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Хантуева, Екатерина Анатольевна – аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Шкуро, Владимир Ильич – главный специалист Государственного архива Краснодарского края

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 5

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, ПОЛЬША И РУССКИЕ

Дариуш Кузьмина (г. Варшава).

Виленская академия – творение иезуитов
на Востоке Европы..... 7

Ирина Мартианова (г. Краснодар).

Сергей Иванович Маевский
о времени и о себе 20

Лариса Аржакова (г. Санкт-Петербург).

В. Д. Спасович и его
«История польской литературы» 44

Сергей Леончик (г. Абакан).

Людвик Немоёвский и его исследования
этнографии енисейских татар
(современных хакасов) 52

Артём Чернышёв (г. Абакан).

Леон Барщевский и Россия. К вопросу
о вкладе и роли польской интеллигенции
в развитие российской науки 57

Елена Лопатина (г. Москва).

И.В. Гурко – представитель имперской
администрации в Царстве Польском
в конце XIX в. 62

Екатерина Хантуева (г. Москва).

Польское женское движение
в последней трети XIX в. 70

Кшиштоф Лятавец (г. Люблин).

Врачи польской национальности
в структурах администрации
и самоуправления Российской империи
на рубеже XIX–XX вв. 78

Наталия Сидоренко (г. Краснодар).

Р. Ингарден
и феноменологическая традиция 90

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И КАВКАЗЕ

- Олег Матвеев** (*г. Краснодар*).
Поляки в укреплениях Черноморской
береговой линии в 1830–1850-е гг. 97
- Владимир Шкуро** (*г. Краснодар*).
Родился паном – умер атаманом
(штрихи к биографии
Я.И. Медушевского) 130
- Александр Боголюбов** (*г. Пятигорск*).
Судьбы поляков на Северном Кавказе
в XIX в. 135
- Ольга Леусян** (*г. Краснодар*).
Поляки на Северо-Западном Кавказе
в период революций 1917 г.
и Гражданской войны 218

ПОЛЬША – ПОЛОНИЯ

- Ивона Г. Пугачевич** (*г. Варшава*).
Историческая обусловленность,
состояние и перспективы системы
польского школьного образования
за границей (на примере Франции) 228
- Лонгина Путка** (*г. Варшава*).
Основные формы сотрудничества
официальных учреждений
Республики Польша и крупнейших польских
неправительственных организаций
с польской диаспорой
в Российской Федерации 247
- Именной указатель 256
- Список основных сокращений 278
- Список авторов 280

Научное издание

**ПОЛЯКИ В РОССИИ:
веи в истории**

Издаётся в авторской редакции

Подписано в печать 12.12.08.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Печать трафаретная. Бумага Sveto Copy.

Усл.-печ. л. 16,81. Уч.-изд. л. 17,75.

Тираж 500 экз. Заказ 8411.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Тираж изготовлен в типографии ООО «Просвещение-Юг»

с оригинал-макета заказчика

350059, г. Краснодар, ул. Селезнева, 2.

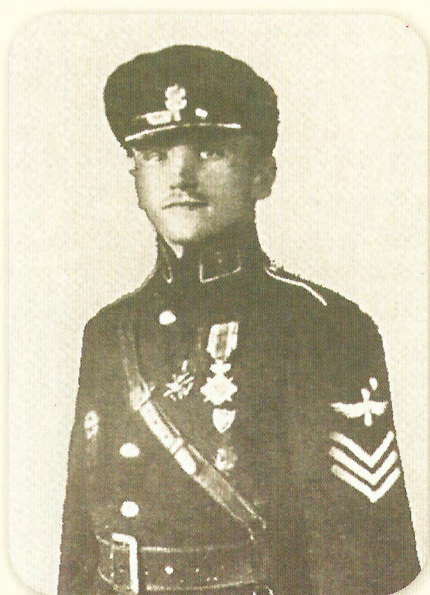
Тел. 239-68-31.

Эмиль Вакре

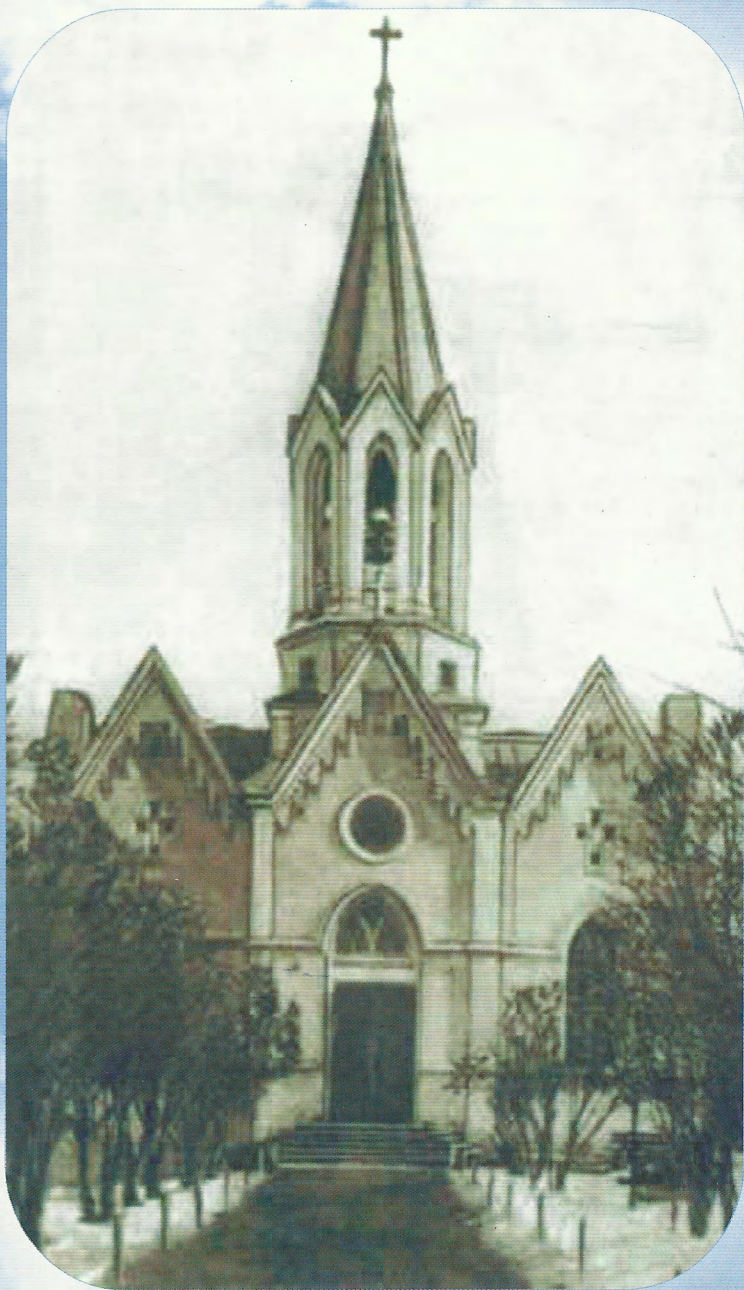
Люциан Желиговский

В. Наркевич

Аполлон Иодковский

**Римско-католический костёл
во Владикавказе**